

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

25 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (628) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Тадао Андо (1941), японский архитектор.

Тадао Андо появился на свет в Осаке 13 сентября 1941 года, на пару минут раньше своего брата-близнеца. Когда мальчишкам исполнилось два года, Андо забрала на воспитание прабабушка. От нее он унаследовал любовь к искусству и трепетное отношение к природе. А еще, прежде чем окончательно посвятить жизнь архитектуре, Андо на протяжении нескольких лет занимался боксом.

Андо — архитектор-самоучка. Искусство проектирования он постигал на практике, изучал по книгам и самостоятельно, посещая памятники в Киото и Наге. Собственное бюро Tadao Ando Architects and Associates Андо основал в 1968 году в возрасте 28 лет, за короткий срок освоив то, на что у студентов архитектурных вузов уходят годы. Сегодня за его плечами более 300 проектов — частные резиденции, музеи, храмы и реконструкции — для Фонда Франсуа Пино в Венеции и Париже. В 1995 году Андо получил Притцкеровскую премию, самую престижную награду в мире архитектуры. Призовые деньги он передал жертвам землетрясения 1995 года, произошедшего в Кобэ. И да, его дома, построенные в этом городе, выдержали подземные толчки и не пострадали.

Часовня Света в Ибараки, небольшом пригороде Осаки, пожалуй, самая известная работа Андо. Крест в центре бетонного строения — единственный источник света, символ надежды в христианской религии. Это соединение традиций японской архитектуры и одновременная отсылка к архитектуре римского Пантеона, который Андо посетил во время своей поездки в Рим в юности.

Дом Адзума в Сумиёси — одна из ранних работ архитектора, которая вывела его на мировой рынок. Решение построить бетонный блок в окружении традиционных деревянных домов Нагая было достаточно смелым. На фасаде здания нет ни одного окна, оно полностью закрыто со стороны улицы и обращено исключительно во внутренний двор, благодаря чему пространства наполняются светом и воздухом — так Андо подчеркивает ощущение безопасности и отсоединенности от внешнего хаотического мира. Дом Кошино архитектор спроектировал как продолжение природного пейзажа: часть здания уходит под землю, чтобы ничто не нарушало естественный ландшафт. Вписанный в склон холма дом состоит из двух бетонных блоков, а из больших окон открываются живописные виды на сад.

Окулус Пантеона возвращается еще в одной работе Андо 2017 года — молитвенном доме на холме Будды на кладбище в Саппоро. Подземный туннель приводит

в центральный зал, где статую Будды окружает нимб голубого неба, контрастирующий с холодным и грубым бетоном. Здесь Андо вновь демонстрирует виртуозную работу со светом, пространством, перспективой. Последовательность в использовании материалов, поэзия света, сценически выстроенное повествование — все это неотъемлемые части его стиля.

Церковь на воде стала олицетворением еще одной природной стихии. Она представляет собой бетонный параллелепипед, одна из граней которого полностью выполнена из стекла. Обращенное к гладкой поверхности водного бассейна здание будто парит в невесомости, а крест, окруженный водой, кажется одновременно близким и недосягаемым, будто отражая в этом всю суть религии как таковой.

Андо проектирует как режиссер, ориентируясь на новый опыт от пребывания в пространстве, — с каждой точки открывается новая захватывающая перспектива, в его домах и общественных пространствах можно часами наблюдать за тем, как меняется свет и тени ложатся на стены в сложной сценографии. Манера Андо получила название «критический рационализм»: несмотря на однообразие материала, работы архитектора, в которых японская философия тесно сплетена с модернизмом, обращены к культуре и традициям места. Исследуя региональное, Андо воплощает его «душу», и даже бетон, созданный из локальных компонентов, будет каждый раз немного другим. Архитектора завораживает сама текстура и возможности работы с материалом, так что неудивительно, что свой метод работы с бетоном Андо совершенствовал много лет.

В том, что касается интеграции в природу, архитектор, кажется, достиг совершенства. В итоге, кроме вездесущего бетона, его средства — свет и пустота. Он управляет стихиями, будто они — гибкий и податливый, еще не застывший материал, он придает им форму, направляет, заставляет работать вместе с архитектурой.

Дома Андо никогда не были ориентированы на удобство и комфорт: своих состоятельных клиентов он заставляет жить в критических условиях — в холоде и влажности. Когда владелец дома, в котором не предусмотрено отопление, пожаловался на холод, Андо посоветовал ему надеть свитер, а если станет холоднее — еще один. В некоторых помещениях во время дождей вода течет по стенам — все, как задумал архитектор.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гамидова К. Е.

Внешний государственный финансовый контроль в России: роль и полномочия Счётной палаты 141

Ганиева З. А.

Особенности досудебного урегулирования споров с участием потребителей финансовых услуг 144

Ганиева З. А.

Основы правового регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг 146

Голик Д. А.

Анализ нормативно-правовой базы доступной среды для инвалидов в Российской Федерации 148

Голубчиков М. П., Любенко А. Р.,

Пачковский Д. А.
Проблемы определения размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам 151

Голубчиков М. П., Любенко А. Р.,

Пачковский Д. А.
Изучение экономической реформы 1992 года в России 153

Голубчиков М. П., Любенко А. Р.,

Пачковский Д. А.
Доказательства причинения вреда водным биологическим ресурсам 154

Григорян В. М.

Криминалистический учёт как инструмент информационно-справочного обеспечения криминалистической деятельности 156

Дармаева С. Т.

Отдельные проблемы института завещания под условием 157

Жуков Р. В.

Административно-правовые гарантии безопасности заявителя при обращении в Росгвардию (по делам, связанным с незаконным оборотом оружия и частными охраняемыми предприятиями) 161

Зигфрид В. А.

Защита прав кредиторов при использовании совместного завещания супругов 163

Илларионова А. В.

Индивидуализация уголовной ответственности в условиях цифровизации правоприменения: роль личности, обстоятельств и соотношение норм 166

Казарян А. Р.

Методы и средства расследования преступлений в сфере незаконной банковской деятельности 168

Кирихина А. М.

Правовая безопасность публичных сообщений органов прокуратуры в цифровой медиасреде: критерии оценки на материале официальных публикаций 170

Копцова К. С.

Защита персональных данных в условиях цифровизации 176

Королева Е. Ю.

Зарубежный опыт правового регулирования доходов бюджетов и возможности его адаптации в России 179

Кошелева К. А.

Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности в сети 181

Кремлёвский Г. Г.

Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства 184

Кривова А. С.

Перспективы развития института самозанятости в российском гражданском праве 189

Кривова А. С.

Хранение медицинских данных: нормативно-правовое закрепление 191

Кружалова М. Д.

Проблемы криминалистической одорологии и пути решения 192

Лаврентьев В. С., Солодовников А. А.

Публично-правовая роль института
уполномоченного по правам ребенка
в Российской Федерации в противодействии
необоснованному отобранию ребенка
из семьи 193

Леоненко Д. В.

Баланс безопасности и прав человека
в институте иностранных агентов:
сравнительно-правовой анализ
и перспективы развития..... 196

Лисей Д. Р.

Трансформация судебного следствия
в уголовном процессе в условиях интеграции
электронных доказательств 198

Ложеницын Н. В.

Цифровая трансформация регистрационных
процедур для малого и среднего
предпринимательства: опыт Чили
и возможности адаптации в России 200

Лукшанов А. В.

Генезис становления феномена электронной
торговли и его правовой регламентации 203

Мамедова Н. М.

Правовое регулирование цифрового
банковского надзора в условиях внедрения
технологий искусственного интеллекта 205

Мережко А. С.

Использование электронных доказательств
в процессе доказывания 207

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Внешний государственный финансовый контроль в России: роль и полномочия Счётной палаты

Гамидова Камилла Елданизовна, студент

Научный руководитель: Садовская Татьяна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье анализируются особенности правового статуса и полномочия Счётной палаты Российской Федерации как высшего органа внешнего государственного финансового контроля. Сделан вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства, в частности, об усилении мер административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств.

Ключевые слова: внешний государственный финансовый контроль, парламентский контроль, государственный аудит, бюджетный процесс.

Введение

В условиях цифровизации государственного управления, роста объёма бюджетных потоков и усложнения механизмов распределения публичных средств возрастает потребность в органе, способном обеспечивать не только проверку законности расходов, но и оценку их результативности.

В системе государственного финансового контроля Счётная палата Российской Федерации занимает особое место. В соответствии со статьёй 101 Конституции Российской Федерации она образуется Советом Федерации и Государственной Думой для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета. Развитие данных положений получило в Федеральном законе от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации», который определяет правовые основы организации и деятельности данного органа.

Представляется важным проанализировать особенности правового статуса Счётной палаты Российской Федерации, её полномочия как высшего органа внешнего государственного финансового контроля, а также предложить меры, направленные на совершенствование действующего законодательства.

Конституционно-правовые основы статуса Счётной палаты РФ

Счётная палата Российской Федерации занимает особое место в механизме публичной власти. Её конституционная основа закреплена в статье 101 Конституции Рос-

сийской Федерации, согласно которой для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счётную палату. [1] Из данной нормы следует несколько ключевых характеристик данного органа: он создаётся на конституционном уровне, формируется палатами Федерального Собрания, действует на постоянной основе и предназначен для внешнего контроля в бюджетной сфере.

Правовое положение Счётной палаты регулируется Федеральным законом от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации». [2] Указанный закон определяет цели её деятельности, принципы функционирования, состав, структуру, порядок формирования и круг полномочий. В законодательной модели Счётная палата выступает не как элемент исполнительной власти, а как самостоятельный орган внешнего государственного аудита, подотчётный Федеральному Собранию Российской Федерации.

Одновременно её деятельность связана с бюджетным процессом, поскольку Бюджетный кодекс Российской Федерации закрепляет бюджетные полномочия Счётной палаты и определяет её место в системе государственного финансового контроля. [3] Это позволяет рассматривать Счётную палату как институт, действующий на пересечении конституционного, парламентского и финансово-правового регулирования.

Место Счётной палаты в системе разделения властей

В юридической литературе вопрос о месте Счётной палаты в системе разделения властей является дискус-

сионным. Формально её связь с парламентом вытекает из порядка формирования и подотчётности Федеральному Собранию. Однако фактический характер её деятельности не позволяет полностью отнести Счётную палату к законодательной ветви власти. Она не осуществляет законодательных функций, не принимает нормативные акты общего действия в объёме, присущем парламенту, и не включена в систему исполнительных органов. Именно поэтому в доктрине обоснован подход, в соответствии с которым Счётная палата рассматривается как государственный орган с особым конституционно-правовым статусом. Такой подход позволяет объяснить её двойственную природу: с одной стороны, она служит инструментом парламентского контроля, а с другой — реализует функции профессионального независимого внешнего аудита. [4]

Подобная характеристика подтверждается и целями её деятельности. Счётная палата не только проверяет соблюдение требований бюджетного законодательства, но и анализирует эффективность использования федеральных средств, оценивает обоснованность бюджетных решений, проводит экспертно-аналитические мероприятия, подготавливает заключения по проекту федерального бюджета и отчёту о его исполнении.

Основные полномочия Счётной палаты Российской Федерации

Полномочия Счётной палаты носят комплексный характер и охватывают несколько направлений.

Во-первых, это контрольные полномочия. Счётная палата проводит контрольные мероприятия в отношении федеральных органов государственной власти, государственных внебюджетных фондов, организаций, использующих средства федерального бюджета или федеральное имущество, а также иных субъектов в предусмотренных законом случаях. Контрольные мероприятия направлены на установление законности, целевого характера и обоснованности использования публичных финансовых ресурсов.

Во-вторых, важное место занимают экспертно-аналитические полномочия. Счётная палата подготавливает заключения на проект федерального бюджета, проекты бюджетов государственных внебюджетных фондов, отчёты об исполнении бюджетов, а также иные документы, имеющие значение для бюджетного процесса. Данное направление деятельности имеет превентивное значение, поскольку позволяет выявлять риски и недостатки ещё до фактического расходования средств.

В-третьих, Счётная палата осуществляет информационные полномочия. Результаты её работы доводятся до палат Федерального Собрания, иных органов государственной власти и общества. Это способствует обеспечению прозрачности бюджетного процесса и повышению уровня публичной ответственности органов, распоряжающихся государственными ресурсами.

В-четвёртых, Счётная палата участвует в правоовершающей деятельности. На основе проведённых проверок и аналитической работы она вправе направлять предложения по совершенствованию законодательства. Хотя данный орган не подменяет законодателя, его практические выводы имеют существенное значение для устранения пробелов и коллизий правового регулирования.

Современные тенденции развития внешнего государственного аудита

Современное развитие финансового контроля свидетельствует о постепенном переходе от преимущественно ревизионной модели к модели стратегического аудита. Если ранее основное внимание уделялось проверке законности и документальной правильности расходов, то в настоящее время всё большее значение приобретает оценка эффективности использования бюджетных средств, достижения запланированных результатов и соответствия расходов государственным приоритетам.

В этих условиях возрастает значение цифровизации контрольной деятельности. Использование информационных систем, автоматизированного анализа данных и риск-ориентированного подхода позволяет Счётной палате осуществлять контроль более оперативно и системно. Вместе с тем цифровизация требует дальнейшего нормативного закрепления методов и процедур использования цифровых инструментов в контрольной работе.

Проблемные аспекты правового регулирования

Несмотря на достаточно детальную законодательную регламентацию, правовой статус Счётной палаты и реализация её полномочий не свободны от проблем.

Конституция Российской Федерации закрепляет её подотчётность Федеральному Собранию, однако не относит её прямо к законодательной, исполнительной или судебной ветви власти. Такая конструкция отражает специфику данного органа, но одновременно порождает научные споры и отдельные вопросы в части квалификации его статуса. Кроме того, в законодательстве сохраняются терминологические и функциональные несогласованности между регулированием парламентского контроля, бюджетного контроля и внешнего государственного аудита. На практике это может затруднять единообразное понимание роли Счётной палаты и содержания её функций.

Отдельного внимания заслуживает проблема правовых последствий выявленных нарушений. Счётная палата выявляет нарушения и недостатки, формирует выводы и направляет соответствующие материалы уполномоченным органам, однако сама по себе не заменяет органы административной, правоохранительной или судебной юрисдикции. Вследствие этого эффективность контроля в значительной степени зависит от качества

межведомственного взаимодействия и своевременности реагирования на результаты проведённых мероприятий.

Правовая природа Счётной палаты Российской Федерации должна определяться с учётом совокупности конституционных и отраслевых норм. В силу статьи 101 Конституции Российской Федерации этот орган образуется Советом Федерации и Государственной Думой в целях осуществления контроля за исполнением федерального бюджета. [5] Такая конституционная конструкция свидетельствует о том, что Счётная палата не входит в систему исполнительной власти, а представляет собой самостоятельный инструмент внешнего парламентского контроля, позволяющий обеспечивать независимую оценку состояния публичных финансов.

Положения Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации» конкретизируют конституционную модель и закрепляют организационные и функциональные основы деятельности данного органа. Из содержания закона следует, что Счётная палата осуществляет внешний государственный аудит (контроль), а её задачи не ограничиваются простой фиксацией бюджетных нарушений. Она должна обеспечивать оценку законности, результативности и эффективности использования федеральных ресурсов. Следовательно, её компетенция носит не только контрольный, но и аналитический характер.

С правовой точки зрения существенное значение имеет то обстоятельство, что деятельность Счётной палаты встроена в бюджетный процесс. Бюджетный кодекс Российской Федерации относит её к числу участников отношений в сфере государственного финансового контроля и закрепляет за ней специальные бюджетные полномочия. Это означает, что её заключения, проверки и аналитические материалы имеют значение не изолированно, а в рамках общей системы бюджетного регулирования. Именно через такую связь с бюджетным процессом проявляется её роль как высшего органа внешнего государственного финансового контроля на федеральном уровне [6].

Анализ полномочий Счётной палаты показывает, что законодатель исходит из расширительного понимания внешнего финансового контроля. Контрольные мероприятия направлены не только на выявление нарушений формального характера, но и на проверку соблюдения целей, условий и оснований использования бюджетных средств и федерального имущества. Экспертно-аналитические полномочия позволяют воздействовать на бюджетный процесс на стадии планирования и рассмотрения проектов бюджетных решений. Информационная функция обеспечивает гласность и публичность результатов контрольной деятельности. Совокупность

этих полномочий свидетельствует о том, что Счётная палата выступает как институт предупреждения финансовых нарушений, а не только как орган их последующей фиксации.

Заслуживает поддержки вывод о необходимости усиления мер административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств. Данный тезис обусловлен тем, что контрольные выводы приобретают реальное значение только при наличии действенных механизмов правового реагирования. Если выявленные нарушения не влекут своевременных и соразмерных последствий, профилактическая функция государственного аудита снижается. В связи с этим развитие законодательства должно быть направлено не на подмену Счётной палатой иных органов публичной власти, а на усиление обязательности реагирования на результаты её деятельности.

Заключение

Счётная палата Российской Федерации является особым государственным органом, занимающим самостоятельное место в системе публичной власти. Её статус определяется сочетанием конституционной подотчётности Федеральному Собранию и функциональной независимости при осуществлении внешнего государственного финансового контроля.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о дуалистической природе Счётной палаты. С одной стороны, она выступает инструментом парламентского контроля за исполнением федерального бюджета. С другой стороны, она представляет собой профессиональный институт независимого внешнего аудита, ориентированный на объективную оценку законности, обоснованности и эффективности использования публичных финансов.

Полномочия Счётной палаты имеют комплексный характер и включают контрольную, экспертно-аналитическую, информационную и правосовершенствующую деятельность. Совокупность этих полномочий позволяет ей участвовать не только в выявлении нарушений бюджетной дисциплины, но и в предупреждении неэффективных управленческих решений.

Вместе с тем, действующее правовое регулирование требует дальнейшего развития. Перспективными направлениями совершенствования законодательства являются уточнение места Счётной палаты в системе публичной власти, устранение отдельных коллизий между нормами о парламентском контроле и государственном аудите, развитие правовых механизмов оценки эффективности стратегического планирования, а также усиление правовых последствий нецелевого использования бюджетных средств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации».

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ.
4. Куимова Д. С. К вопросу о конституционно-правовом статусе счетной палаты РФ // Вестник науки. 2021. № 5 (38).
5. Цапина Т. А. Конституционно-правовые функции и статус Счетной палаты Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 2. С. 88–89.
6. Мигачева Е. В., Садовская Т. Д. Законность как основополагающий принцип финансового права в сфере регулирования контрольно-надзорной деятельности // Принципы финансового права: монография / под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2022. С. 508–518.

Особенности досудебного урегулирования споров с участием потребителей финансовых услуг

Ганиева Зарина Арсеновна, студент магистратуры
Московский университет имени А. С. Грибоедова

В статье рассматриваются основы правовой регламентации досудебного урегулирования споров с участием потребителей финансовых услуг. Дается общая характеристика основных нормативных актов регламентирующих данные правоотношения. Рассматриваются вопросы, затронутые судебной практикой.

Ключевые слова: банк, защита прав потребителей, медиация, потребитель, соглашение, суд, физическое лицо, финансовая организация.

Features of pre-trial settlement of disputes involving consumers of financial services

The article discusses the basics of legal regulation of consumer rights protection in the field of financial services. It provides a general description of the main regulatory acts governing these legal relations.

Keywords: bank, consumer rights protection, consumer, individual, financial organization.

Основным способом защиты прав потребителей в сфере финансовых услуг является законодательное регулирование. Государство устанавливает правила предоставления финансовых услуг, требования к раскрытию информации, а также ответственность финансовых организаций за их нарушение. Ключевыми законами в этой области являются законы о защите прав потребителей, о банках и банковской деятельности, о страховании и другие.

Не менее важным способом является досудебное урегулирование споров. Многие финансовые организации создают собственные службы по рассмотрению жалоб клиентов. Кроме того, существуют независимые органы, такие как финансовые уполномоченные (омбудсмены), которые помогают разрешать конфликты между потребителями и финансовыми организациями.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» [6], под досудебным урегулированием понимается самостоятельная деятельность сторон по разрешению спора до обращения в судебные инстанции.

В отношении споров с потребителями, включая сферу финансовых услуг, можно выделить три основные группы:

1) выполнение обязательного претензионного порядка, установленного законодательством;

2) обязательное обращение к уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг;

3) разрешение конфликта посредством медиации, когда эта процедура является обязательной.

Игнорирование обязательного внесудебного порядка разрешения спора во всех трех ситуациях влечет возврат искового заявления или оставление его без движения.

Срок исковой давности приостанавливается на период проведения досудебных процедур урегулирования спора (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 43 от 29.09.2015 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» [8]).

Закон «О защите прав потребителей» [5] не устанавливает обязательного досудебного порядка для урегулирования разногласий между потребителем и поставщиком услуг. Такие требования могут быть закреплены в специальных законах.

В п. 3 Постановления № 18 от 22.06.2021 перечислены случаи, когда соблюдение претензионного порядка обязательно.

К потребителям финансовых услуг, возбуждающим спор, относятся следующие ситуации:

– споры об изменении или расторжении договора (п. 2 ст. 452 ГК РФ);

– вопросы страхового возмещения по ОСАГО, а также компенсационные выплаты по ОСАГО (ч. 1 ст.

16.1, ч. 3 и абз. 2 ч. 4 ст. 19 Федерального закона № 40-ФЗ от 25.04.2002 «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [4]).

Перед обращением к финансовому уполномоченному потребитель должен подать заявление (в письменной или электронной форме) в финансовую организацию (ч. 1 и 4 ст. 16 Закона о финансовом уполномоченном [2]).

Постановление № 18 от 22.06.2021 также определяет ситуации, когда досудебное урегулирование не требуется, что может касаться и потребителей финансовых услуг:

- изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение исковых требований (п. 23);
- подача встречного иска (п. 24);
- привлечение к делу надлежащего ответчика (п. 25);
- третьи лица, заявляющие самостоятельные требования к предмету спора (п. 26);
- обращение в суд с иском о признании договора расторгнутым, если односторонний отказ от договора возможен во внесудебном порядке (абз. 2 п. 29, посл. абз. п. 33).

Если закон не требует соблюдения досудебного порядка, договорное условие об обязательном внесудебном разрешении потребительского спора является недействительным (подп. 11 п. 2 ст. 16 Закона о защите прав потребителей, п. 33 Постановления № 18 от 22.06.2021).

Одним из новых способов досудебного разрешения споров является медиация. В настоящее время, как в России, так и в глобальном масштабе, предприниматели активно ищут инновационные юридические инструменты и подходы к урегулированию экономических разногласий и конфликтов в сфере бизнеса. Речь идет об альтернативных методах, отличающихся доступностью, оперативностью, гибкостью и ориентированностью на конструктивный диалог. В этом контексте медиация представляется особенно многообещающим и передовым инструментом, так как она предоставляет сторонам спора в бизнес-среде высокий уровень автономии, что соответствует принципу саморегулирования.

Изучение практики применения права показывает, что медиация чаще всего используется для разрешения споров, вытекающих из гражданских правоотношений, включая те, что связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности [9].

Медиация — это способ разрешения споров, когда стороны не могут прийти к согласию самостоятельно, но желают урегулировать разногласия без обращения в суд.

Согласно пункту 2 статьи 2 Федерального закона № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3], медиация представляет собой процесс урегулирования конфликтов с помощью медиатора, основанный на добровольном согласии сторон и направленный на достижение взаимоприемлемого решения.

В соответствии с частями 2, 3 и 5 статьи 1 Закона о медиации, медиация может применяться для разрешения споров, возникающих из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, включая споры, связанные с предпринимательской и экономической деятельностью, семейными и трудовыми отношениями, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Исключения составляют коллективные трудовые споры, споры, затрагивающие интересы третьих лиц, не участвующих в медиации, и споры, затрагивающие публичные интересы.

Статья 3 Закона о медиации устанавливает, что медиация проводится на основе взаимного согласия сторон и принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия.

Медиация существенно отличается от судебного разбирательства.

Во-первых, посредник не выносит решения, а лишь помогает сторонам найти его самостоятельно.

Во-вторых, стороны сами определяют правила процедуры.

В-третьих, срок медиации хотя и ограничен законом, но зависит от воли сторон.

Кроме того, расходы, понесенные в процессе медиации, не подлежат возмещению (пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 21.01.2016 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [7]).

Медиативное соглашение, в отличие от судебного решения, является сделкой гражданско-правового характера (часть 4 статьи 12 Закона о медиации). Его нарушение влечет последствия, предусмотренные гражданским законодательством за неисполнение обязательств, включая возможность признания соглашения недействительным.

В отличие от судебного решения, медиативное соглашение не публикуется в открытом доступе.

Проведение медиации, независимо от ее результата, не лишает стороны права на обращение в суд.

В то же время действующее законодательство не предусматривает обязательное использование медиации для разрешения конфликтов с потребителями.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. N 32. ст. 3301; Часть вторая от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. N 5. ст. 410; Часть третья от 26 ноября 2001 г. N 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. N 49. ст. 4552. Часть от 18 декабря 2006 г. N 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. N 52 (часть I). ст. 5496.
2. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. N 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. N 24. ст. 3390.

3. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. N 31. ст. 4162.
4. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 18. ст. 1720.
5. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. N 15. ст. 766.
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. N 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. N 8.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 4.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. N 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетене Верховного Суда РФ. 2015. N 12.
9. Левушкин А. Н. Медиация в предпринимательской деятельности: проблемы эффективности правоприменения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. N 7. С. 138–145.
10. Полякова В. Э. Финансовые услуги // СПС «КонсультантПлюс». 2026.

Основы правового регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг

Ганиева Зарина Арсеновна, студент магистратуры
Московский университет имени А. С. Грибоедова

В статье рассматриваются основы правового регулирования защиты прав потребителей в сфере финансовых услуг. Дается общая характеристика основных нормативных актов регламентирующих данные правоотношения.

Ключевые слова: банк, защита прав потребителей, потребитель, физическое лицо, финансовая организация.

Fundamentals of legal regulation of the protection of the rights of consumers of financial services

The article discusses the basics of legal regulation of consumer rights protection in the field of financial services. It provides a general description of the main regulatory acts governing these legal relations.

Keywords: bank, consumer rights protection, consumer, individual, financial organization.

Финансовая услуга представляет собой банковскую услугу, страховую услугу, услугу на рынке ценных бумаг, услугу по договору лизинга, а также услугу, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц (п. 2 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» [4]). При этом под финансовой организацией понимается хозяйствующий субъект, оказывающий финансовые услуги, — кредитная организация, иностранный банк, осуществляющий деятельность на территории РФ через свой филиал, профессиональный участник рынка ценных бумаг, организатор торговли, клиринговая организация, микрофинансовая организация, кредитный потребительский кооператив, субъект страхового дела, негосударственный пенсионный фонд, управляющая компания инвестици-

онных фондов, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, специализированный депозитарий инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, ломбард (финансовая организация, поднадзорная ЦБ РФ), лизинговая компания (иная финансовая организация, финансовая организация, не поднадзорная ЦБ РФ) (п. 6 ст. 4 Закона о защите конкуренции).

Рассматривая одно из дел Первый кассационный Суд отметил следующее: «Финансовая услуга — банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц (пункт 2 статьи 4 Федерального закона от 26 июня 2006 года N 135-ФЗ «О защите конкуренции»)). Согласно разъ-

яснениям, содержащимся в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [7], если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон РФ «О защите прав потребителей» [5] применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Таким образом, Закон РФ «О защите прав потребителей» применяется к любым правоотношениям, возникающим между организацией, а том числе оказывающей услуги потребителям по возмездному договору и гражданином, заказывающим, приобретающим, использующим услуги или только имеющим намерение их заказать либо приобрести. Такие отношения могут возникать и до заключения договора, могут продолжаться после прекращения договора, например, при применении последствий расторжения договора или отказа от него. Гражданин, действующий с намерением заключить, либо заключивший для личных, семейных, домашних и иных нужд, договор аренды с правом выкупа (договор выкупного лизинга) с организацией, оказывающей соответствующие услуги потребителям по возмездному договору, является потребителем услуги, подпадающей как под действие норм Гражданского кодекса Российской Федерации, так и под действие Закона о защите прав потребителей» [8].

Правовое регулирование защиты прав потребителей в сфере финансовых услуг в России осуществляется комплексом нормативных актов и механизмов, направленных на обеспечение прозрачности, информированности и защиты интересов. Основу составляет Закон РФ «О защите прав потребителей», который распространяется и на взаимоотношения потребителей с финансовыми организациями.

Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» [6] регулирует деятельность кредитных организаций и содержит нормы, направленные на защиту прав клиентов.

Важную роль играют специальные законы, регулирующие отдельные виды финансовых услуг, например, закон «О потребительском кредите (займе)».

В сфере потребительского кредитования правовое регулирование осуществляется на основании Гражданского кодекса Российской Федерации [1], закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395–1, закона «О потребительском кредите (займе)» [2] от 21.12.2013 N 353-ФЗ, закона «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [3] от 02.07.2010 N 151-ФЗ, а также иных законодательных актов федерального уровня. Данные нормативные акты устанавливают правила для отношений, возникающих при предоставлении

кредитов потребительского назначения гражданам, не связанных с ведением бизнеса, на основании заключаемых соглашений о кредите или займе.

Тем не менее, анализ вышеуказанных законов показывает отсутствие прямого упоминания закона «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 N 2300–1, который регулирует взаимодействие с потребителями и направлен на защиту их прав и интересов.

В пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 подчеркивается, что при определении применимости закона о защите прав потребителей необходимо учитывать, что финансовые услуги охватывают операции с денежными средствами и их эквивалентами, которые выступают самостоятельными объектами гражданских прав, такие как выдача кредитов и займов, открытие и обслуживание банковских счетов, привлечение вкладов, операции ломбардов и прочее.

Таким образом, Верховный Суд РФ подтверждает, что закон о защите прав потребителей распространяется не только на отношения, связанные с розничной торговлей, подрядом и оказанием услуг, но и на договоры оказания финансовых услуг, включая потребительское кредитование.

Следовательно, учитывая отсутствие в законодательных актах, регулирующих потребительское кредитование, четких положений о защите прав потребителей, и отсутствие прямой ссылки на закон «О защите прав потребителей», можно заключить, что защита прав заемщиков-потребителей в этой сфере не является всесторонней.

Например, согласно части 1 статьи 10 закона «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 N 353-ФЗ кредитор обязан регулярно предоставлять заемщику информацию о кредите, включая текущую задолженность, даты и суммы предстоящих платежей (с учетом особенностей расчета для кредитов с переменной процентной ставкой), а также иные сведения, предусмотренные договором. Для кредитов с лимитом кредитования дополнительно предоставляется информация о доступной сумме.

Поскольку предоставление такой информации является обязанностью кредитора, необходимо установить и ответственность за ее неисполнение, чтобы обеспечить защиту прав заемщика. В связи с отсутствием специализированных норм об ответственности за нарушение информационной обязанности следует руководствоваться положениями закона «О защите прав потребителей», который предусматривает ответственность за предоставление ненадлежащей информации. В частности, пункт 1 статьи 12 этого закона устанавливает право потребителя требовать возмещения убытков или отказаться от исполнения договора, если ему не была предоставлена необходимая информация при его заключении.

Ключевые аспекты защиты прав потребителей в этой сфере включают:

1. Информирование: Финансовые организации обязаны предоставлять полную, достоверную и понятную информацию о продуктах и услугах, включая условия договора, риски, комиссии и процентные ставки.

2. Прозрачность условий: Условия договоров должны быть ясными и не содержать скрытых платежей или необоснованных ограничений.

3. Защита от недобросовестных практик: Закон запрещает введение потребителей в заблуждение, навязывание услуг, несправедливые условия договоров.

4. Разрешение споров: Предусмотрены механизмы досудебного и судебного разрешения споров, включая возможность обращения к финансовому омбудсмену.

5. Ответственность: Финансовые организации несут ответственность за нарушение прав потребителей, включая возмещение убытков и выплату штрафов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. N 32. ст. 3301; Часть вторая от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. N 5. ст. 410; Часть третья от 26 ноября 2001 г. N 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. N 49. ст. 4552. Часть от 18 декабря 2006 г. N 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. N 52 (часть I). ст. 5496.
2. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. N 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. N 51. ст. 6673.
3. Федеральный закон от 2 июля 2010 г. N 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. N 27. ст. 3435.
4. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. N 31 (часть I). ст. 3434.
5. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. N 15. ст. 766.
6. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. N 395-I «О банках и банковской деятельности» // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. N 27. ст. 357.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 9.
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 октября 2025 г. N 88–20938/2025 (УИД 36RS0002–01–2023–008713–32) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Голубитченко М. А. Современные тенденции правового регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг Банком России // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. N 1. С. 33–39.
10. Полякова В. Э. Финансовые услуги // СПС «КонсультантПлюс». 2026.

Анализ нормативно-правовой базы доступной среды для инвалидов в Российской Федерации

Голик Данил Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Обеспечение доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения (МГН) является одним из приоритетных направлений социальной политики Российской Федерации. В современном обществе доступность объектов и услуг рассматривается не как факультативное благо, а как неотъемлемое условие реализации конституционных прав граждан, включая право на труд, образование, медицинскую помощь и участие в культурной жизни. Правовой фундамент этого подхода был заложен в 2012 году, когда Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов. Конвенция установила, что доступная среда жизнедеятельности является ключевым условием интеграции инвалидов в общество, и государства-участники обязаны принимать меры для выявления и устранения барьеров,

мешающих людям с инвалидностью наравне с другими пользоваться объектами и услугами.

Важным звеном, подчеркивающим актуальность данной статьи, в системе нормативного регулирования является федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», который стартовал в 2019 году в составе национального проекта «Жилье и городская среда». С 2025 года проект по решению Президента России сохранён в составе национального проекта «Инфраструктура для жизни».

Два понятия задают идеологическую рамку нормативного поля: «универсальный дизайн» и «разумное приспособление». Конвенция о правах инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года и ратифицированная Россией в 2012 году (Феде-

ральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ), трактует универсальный дизайн как проектирование предметов, обстановок, программ и услуг таким образом, чтобы они были пригодны для всех людей в максимально возможной степени без необходимости адаптации или специализированного дизайна [1]. Разумное приспособление — модификации и коррективы, не становящиеся «непропорциональным или неоправданным бременем» [1]. Разница между ними прагматична: универсальный дизайн закладывается на стадии проектирования нового здания, разумное приспособление применяется к существующим объектам. Для продукции доступной среды это означает, что одни и те же тактильные указатели монтируются как на свежий бетон нового вокзала, так и наплавлены на изношенный асфальт крыльца советской поликлиники.

Нормативная база доступной среды в России формировалась несколькими волнами. Первая относится к началу 1990-х годов: Указ Президента от 02.10.1992 № 1156 «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» стал декларативным стартом, не подкреплённым, впрочем, ни техническими стандартами, ни механизмами контроля. В 2001 году появился СНиП 35–01–2001 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения» — первый системный нормативный документ, задавший минимальные проектные параметры: ширину пандуса, уклон, высоту поручня. Третья волна связана с ратификацией Конвенции ООН в 2012 году, после которой последовали масштабные изменения в ФЗ-181 и запуск государственной программы «Доступная среда» (2011–2025 гг.) [2]. Четвёртая волна — актуализация сводов правил: СНиП 35–01–2001 трансформировался в СП 59.13330.2012, а затем в СП 59.13330.2020 (с изменениями от 31.05.2022) [16].

Пятая, текущая волна — ведомственные приказы 2024–2025 годов, закрепившие отраслевой принцип обеспечения доступности. Приказ Минпросвещения России от 31.03.2025 № 253 (зарегистрирован в Минюсте 15.05.2025, № 82197) устанавливает порядок обеспечения условий доступности объектов и услуг в сфере общего и среднего профессионального образования [10]. Приказ Минобрнауки России от 25.04.2025 № 384 (Минюст, 15.05.2025, № 82198) регулирует аналогичные вопросы для высшего образования и науки [11]. Приказ Минздрава России от 14.04.2025 № 210н (Минюст, 20.05.2025, № 82238) распространяется на объекты здравоохранения [12]. Ранее аналогичные документы были приняты Минспортом (Приказ от 24.08.2015 № 825, ред. от 23.10.2024) [13], Минкультуры (Приказ от 16.11.2015 № 2800, ред. от 25.08.2021) [14] и Минтрудом (Приказ от 30.07.2015 № 527н, ред. от 15.12.2022) [15].

Иерархия нормативных документов в сфере доступной среды выстраивается в несколько уровней. На вершине — федеральные законы: ФЗ от 24.11.1995 № 181-ФЗ (обязательность доступности) [2], ФЗ от 30.12.2009 № 384-ФЗ

«Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (обязательные требования к проектным решениям, включая безопасность путей движения для МГН, ст. 12 и ст. 30) [3], ФЗ от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (правовая основа стандартизации и обязательного подтверждения соответствия) [4], ФЗ от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (статус национальных стандартов и сводов правил) [5]. Уровнем ниже — Постановление Правительства РФ от 28.05.2021 № 815, утверждающее перечень национальных стандартов и сводов правил, обязательных к применению для соблюдения Технического регламента [7]. Пункт 38 этого Постановления включает обязательные разделы СП 59.13330.2020 — любое несоответствие им делает объект формально недоступным [7].

Далее следуют своды правил: СП 59.13330.2020 — базовый документ, регламентирующий проектирование зданий и сооружений с учётом доступности для МГН [16], и СП 136.13330.2012 — общие положения проектирования с учётом доступности [17]. СП 54.13330.2022 устанавливает требования к жилым многоквартирным зданиям, включая адаптированные квартиры [18]. Национальные стандарты (ГОСТы) на продукцию — нижний этаж иерархии: ГОСТ Р 52875–2018 (тактильные указатели), ГОСТ Р 51261–2022 (поручни), ГОСТ Р 59602–2021 (тактильно-визуальные средства), ГОСТ Р 51671–2020 (средства связи и информации), ГОСТ 34682.1–2020 и ГОСТ 34682.2–2020 (подъёмные платформы) [20, 21, 22, 23, 25, 26].

Иерархия НПА представлена в таблице 1.

Проведённый анализ нормативно-правовой базы доступной среды для инвалидов в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что за последние десятилетия в стране сформирована достаточно разветвлённая и структурно выстроенная система нормативных актов, охватывающая как общие принципы обеспечения доступности, так и конкретные технические требования к проектированию объектов и производству адаптационного оборудования. Отправной точкой этой системы стала ратификация Конвенции ООН о правах инвалидов, за которой последовало развитие законодательства на федеральном уровне — от базового Федерального закона № 181-ФЗ до специализированных сводов правил и государственных стандартов, таких как СП 59.13330.2020 и ГОСТ Р 51671–2020.

Существенный вклад в формирование доступной среды вносит федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». За годы его реализации благоустроено свыше 80 тыс. территорий, а сам проект стал ключевым инструментом комплексного развития регионов и одним из самых узнаваемых и востребованных. Важно отметить, что доступность для маломобильных групп граждан закреплена в качестве одной из приоритетных задач проекта на период до 2030 года. Создание беспрепятственных маршрутов «от двери до транспорта», обустройство подходов к домам, пешеходных зон и освещения, а также учёт потребностей людей с инвалидностью при благоустрой-

Таблица 1. Иерархия нормативных документов, регулирующих доступную среду

Уровень документа	Примеры	Орган принятия	Сфера регулирования
Международные акты	Конвенция о правах инвалидов (2006)	ООН; ратификация — ФЗ от 03.05.2012 № 46-ФЗ	Принципы, определения, обязательства государств
Федеральные законы	ФЗ-181, ФЗ-384, ФЗ-184, ФЗ-162, ФЗ-44	Государственная Дума РФ	Обязательность доступности, техническое регулирование, закупки
Постановления Правительства	ПП РФ № 815, ПП РФ № 599, ПП РФ № 145	Правительство РФ	Перечни обязательных стандартов, КТРУ, программы
Ведомственные приказы	Минпросвещения № 253, Минздрав № 210н, Минобрнауки № 384, Минспорта № 825, Минкультуры № 2800, Минтруда № 527н	Федеральные министерства	Отраслевые порядки обеспечения доступности и приёмки
Своды правил (СП)	СП 59.13330.2020, СП 136.13330.2012, СП 54.13330.2022	Минстрой России	Проектные требования к зданиям и сооружениям
Национальные стандарты (ГОСТ)	ГОСТ Р 52875–2018, ГОСТ Р 51261–2022, ГОСТ Р 59602–2021 и др.	Росстандарт	Технические требования к конкретным видам продукции

стве общественных пространств являются неотъемлемыми элементами проектов, реализуемых в его рамках. Качественная доступная среда вовлекает людей с инвалидностью в экономическую деятельность, превращая по-

лучателей пособий в налогоплательщиков. Иваненко Л. В. и соавторы подтверждают, что доступность жилья и инфраструктуры — необходимое условие трудовой мобильности инвалидов [27].

Литература:

1. Конвенция о правах инвалидов: принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года: ратифицирована Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ.
2. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.10.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).
3. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (ред. от 2024 г.).
4. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (в актуальной ред.).
5. Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (в актуальной ред.).
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в актуальной ред.).
7. Постановление Правительства РФ от 28.05.2021 № 815 (ред. от 20.05.2022) «Об утверждении перечня национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»».
8. Постановление Правительства РФ от 17.06.2015 № 599 (ред. от 29.11.2018) «О порядке и сроках разработки... мероприятий по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг».
9. Постановление Правительства РФ от 08.02.2017 № 145 «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг»....
10. Приказ Минпросвещения России от 31.03.2025 № 253 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере общего, среднего профессионального и соответствующего дополнительного профессионального образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.05.2025 № 82197).
11. Приказ Минобрнауки России от 25.04.2025 № 384 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере науки и высшего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.05.2025 № 82198).
12. Приказ Минздрава России от 14.04.2025 № 210н «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов инфраструктуры государственной, муниципальной и частных систем здравоохранения и предоставляемых услуг» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.05.2025 № 82238).

13. Приказ Минспорта России от 24.08.2015 № 825 (ред. от 23.10.2024) «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере физической культуры и спорта».
14. Приказ Минкультуры России от 16.11.2015 № 2800 (ред. от 25.08.2021) «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов культурных ценностей и благ» (Зарегистрировано в Минюсте России 10.12.2015 № 40074).
15. Приказ Минтруда России от 30.07.2015 № 527н (ред. от 15.12.2022) «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и услуг в сфере труда, занятости и социальной защиты населения» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.09.2015 № 38897).
16. СП 59.13330.2020 Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СНиП 35–01–2001 (с изм. от 31.05.2022).
17. СП 136.13330.2012 Здания и сооружения. Общие положения проектирования с учетом доступности для маломобильных групп населения (с изм. № 1).
18. СП 54.13330.2022 Здания жилые многоквартирные. Актуализированная редакция СНиП 31–01–2003.
19. ГОСТ Р 59811–2021 Доступная (безбарьерная) среда. Основные термины и определения.
20. ГОСТ Р 52875–2018 Указатели тактильные наземные для инвалидов по зрению. Технические требования.
21. ГОСТ Р 51261–2022 Устройства опорные стационарные реабилитационные. Типы и общие технические требования.
22. ГОСТ Р 59602–2021 Тактильно-визуальные средства информирования и навигации для инвалидов по зрению. Технические требования.
23. ГОСТ Р 51671–2020 Средства связи и информации технические общего пользования, доступные для инвалидов. Классификация. Требования доступности и безопасности.
24. ГОСТ Р 52131–2019 Средства отображения информации знаковые для инвалидов. Технические требования.
25. ГОСТ 34682.1–2020 Платформы подъемные для инвалидов и других маломобильных групп населения. Требования безопасности к устройству и установке. Часть 1. Платформы лестничные и с наклонным перемещением.
26. ГОСТ 34682.2–2020 Платформы подъемные для инвалидов и других маломобильных групп населения. Требования безопасности к устройству и установке. Часть 2. Платформы с вертикальным перемещением.
27. Иваненко, Л. В. Управление модернизацией безбарьерной доступной среды и организация доступности жилья для лиц с ограниченными возможностями / Л. В. Иваненко, П. А. Зубкова, А. А. Иваненко // Экономические науки. — 2024. — № 3–49. — С. 95–103. — DOI: 10.17122/2541–8904–2024–3–49–95–103.

Проблемы определения размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам

Голубчиков Матвей Петрович, студент;

Любенко Алексей Русланович, студент;

Пачковский Данила Андреевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена комплексному анализу правовых и практических проблем, возникающих при определении размера ущерба, причиненного водным биоресурсам. В работе рассматривается сложная природа экологического вреда, которая сочетает в себе материальные потери и долгосрочные экологические последствия, что существенно затрудняет его денежную оценку.

Ключевые слова: водные биоресурсы, экологический ущерб, таксы и методики, компенсационные мероприятия, судебная практика.

Оценка вреда, причиненного окружающей среде, в частности водным биоресурсам, представляет собой непростую задачу из-за его скрытой природы. Для определения масштаба ущерба используются данные о реальных затратах, необходимых для восстановления экосистемы, учитываются понесенные потери, включая упущенную выгоду, а также проекты работ по рекультивации

и восстановлении. Если такие проекты отсутствуют, то ориентируются на специальные таксы и методики расчета ущерба, утвержденные соответствующими государственными органами. В научных кругах неоднократно подчеркивалась условность денежной оценки экологического ущерба. Применяемые таксы и методики дают лишь приблизительное представление о реальном раз-

мере вреда и не гарантируют полного возмещения нанесенного ущерба [1].

Особенно сложно дать точную оценку ущерба природным объектам, когда он имеет не только материальное, но и экологическое измерение. В юридической литературе отмечаются недостатки существующих подходов к оценке экологического ущерба: они не в полной мере учитывают все факторы, которые могут влиять на масштаб вред, особенно в долгосрочной перспективе [2]. Кроме того, отсутствует унифицированный подход к оценке экологического ущерба в судебной и административной практике: различные судебные инстанции и государственные органы используют разные критерии, что приводит к разночтениям и противоречивым решениям. Порой даже сам факт нанесения вреда, особенно когда речь идет о долгосрочных последствиях, трудно доказать, как и установить лиц, виновных в его причинении.

Судебная практика показывает, что мероприятия по устранению выявленных нарушений не рассматривается как форма реализации гражданско-правовой ответственности. Это означает, что обязанность устранить нарушение не может заменить возмещение ущерба окружающей среде, и наоборот [3]. В результате лицо, ответственное за нанесение вреда, обязано выполнить два условия: устранить последствия нарушения законодательства (лесного и водного) и возместить причиненный ущерб. Эти действия рассматриваются законом как самостоятельные обязательства. Основанием для такого подхода служит пункт 1 статьи 1064 ГК РФ, который предусматривает возможность установления законом обязанности причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения ущерба. В контексте вреда, нанесенного водным биоресурсам, таким законом считается ФЗ № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». Расчет суммы ущерба производится в соответствии со ст. 53 этого закона и может осуществляться добровольно либо на основании судебного решения.

Суды, как правило, не засчитывают затраты, которые виновное лицо понесло самостоятельно для ликвидации последствий нарушения. Это связано с тем, что сумма ущерба определяется исходя из затрат на восстановление нарушенного состояния экосистемы, а не только на устранение непосредственных последствий аварий [4]. Анализ судебных решений показывает, что чаще всего суды взыскивают, сумму ущерба, рассчитанную с помощью такс и методик исчисления вреда, нанесенного водным биоресурсам. Например, решением Арбитражного суда Томской области от 22.03.2016 г. (оставленным без изменения постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2016 г.) с ответчика был взыскан только реальный

ущерб, рассчитанный на основе Методики исчисления размера вреда водным биоресурсам. В отдельных случаях суды взыскивают сумму фактически нанесенного ущерба [5]. Так, в решении Арбитражного суда Томской области от 30.01.2018 с ответчика была взыскана сумма ущерба, рассчитанная на основании заключения судебного эксперта [6].

Существующие методики оценки ущерба, наносимого биологическим ресурсам в ходе хозяйственной деятельности, имеют ряд недостатков. Они не всегда адекватно отражают экономические и экологические потери, а также не учитывают множество факторов, влияющих на деградацию экосистем под воздействием человеческой деятельности. Например, для компенсации вреда путем строительства рыбзавода необходимо пройти целый ряд этапов: найти компанию-исполнителя, разработать проект, пройти процедуры согласования. В связи с этим эксперты из разных регионов предлагают перейти к финансовой форме компенсации вреда как ключевому элементу мероприятий в рамках рыбохозяйственных бассейнов [7]. Полагаем, что ресурсы, аккумулированные в рамках специализированного единого фонда, откроют перспективы для финансирования масштабных экологических инициатив под государственным надзором с соблюдением принципа приоритетности.

Обязанность компенсировать ущерб, нанесенный водным биоресурсам, наступает с первого дня реализации проекта. Завершение компенсационных мероприятий синхронизировано с прекращением производственной деятельности в рамках утвержденного проекта и, соответственно, с исчезновением негативного влияния на окружающую среду. Юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица обязаны в полном объеме проводить компенсационные мероприятия до тех пор, пока сохраняется воздействие на биоресурсы и среду их обитания. При этом временные рамки завершения таких мероприятий могут не совпадать с окончательным сроком реализации проекта. В подобной ситуации возможны три варианта действий: выполнить перерасчет и перераспределение ущерба, а затем реализовать компенсационные меры в соответствии с откорректированной проектной документацией; отказаться от компенсации по изначальному проекту и приступить к компенсационным мероприятиям, ориентируясь на новый ущерб и обновленную проектную документацию; обратиться в суд для возврата излишне уплаченных средств и проведения перерасчета компенсаций.

Таким образом, в большинстве случаев при оценке ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, размер компенсации определяется на основе установленных такс и методик, при этом фактические затраты на восстановление экосистемы зачастую не принимаются во внимание.

Литература:

1. Михеев С. А. Обзор методик оценки ущерба, нанесенного рыбным ресурсам в результате различных видов хозяйственной деятельности. // Экономика и управление: современные вызовы, тенденции и перспективы. Материалы Национальной научно-практической конференции ВСГУТУ «Образование и наука». — Улан-Удэ, 2021. С. 74.

2. Неверов А. В., Сидорович А. А., Сысой И. П., Равино А. В., Масилевич Н. А., Юшкевич Н. Т. Методические основы экономической оценки некультивируемых биологических ресурсов. // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление, 2023. № 1 (268). С. 48.
3. Ляпкало Д. А., Василенко Т. А. Оценка размера вреда, причиненного биологическим ресурсам в результате хозяйственной деятельности. // Безопасность, защита и охрана окружающей природной среды: фундаментальные и прикладные исследования. Сборник докладов Всероссийской научной конференции. — Белгород, 2021. С. 233.
4. Решение Охинского городского суда Сахалинской области от 07 февраля 2025 г. по делу № 2–31/2025. // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-okhinskii-gorodskoi-sud-sakhalinskaia-oblast/> (дата обращения: 18.06.2026).
5. Приказ Минприроды России от 13.04.2009 № 87 (ред. от 26.08.2015) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.05.2009 № 13989). // СПС КонсультантПлюс.
6. Решение Арбитражного суда Томской области от 30.01.2018 по делу № А41–40200/2017. // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-tomskoi-oblasti/> (дата обращения: 18.06.2026).
7. Медянкина М. В., Глебова И. А. Определение ущерба водным биоресурсам от планируемой деятельности. // Экология производства, 2022. № 5 (214). С. 64.

Изучение экономической реформы 1992 года в России

Голубчиков Матвей Петрович, студент;

Любенко Алексей Русланович, студент;

Пачковский Данила Андреевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается экономическая реформа 1992 года в России как комплекс макроэкономических мер и как ключевая причина конституционного кризиса, предопределившая дальнейшее переустройство государственной власти. Авторы анализируют ход реализации «шоковой терапии» и ее непосредственное влияние на социально-экономическое положение страны. На основе анализа постановлений Съезда и кадровых перестановок в Правительстве доказывается, что экономические разногласия переросли в открытое институциональное противостояние между исполнительной и законодательной властью, что в дальнейшем привело к принятию новой Конституции. Делается вывод о том, что реформа 1992 года стала катализатором, превратившим структурные противоречия советской модели власти в решающее политическое противостояние, определившее дальнейший вектор развития российской государственности.

Ключевые слова: экономическая реформа 1992 года, шоковая терапия, Съезд народных депутатов, исполнительная власть, конституционный кризис.

Ключевым событием, которое оказало значительное влияние на взаимодействие различных ветвей власти, усугубило конституционный кризис и в итоге повлияло на формирование новой Конституции, стала экономическая реформа 1992 года, известная как «шоковая терапия». Предпосылки конституционного кризиса создавали определенную правовую обстановку, формировали условия для конфронтации между властными структурами, словно закладывая мину замедленного действия под взаимоотношения двух ветвей власти [1]. Именно экономическая реформа привела эту мину в действие.

6 ноября 1991 года было создано правительство, формально возглавляемое Б. Н. Ельциным, которое приступило к реализации масштабных экономических преобразований. Эти преобразования включали в себя либерализацию цен, введение свободы торговли, обеспечение конвертируемости рубля, сокращение государственных инвестиций и расходов на социальную сферу,

а также упорядочивание процесса приватизации предприятий.

Основным последствием реформы, которое существенно повлияло на отношения между государственными институтами, стало резкое ухудшение жизненного уровня населения и спад производственных показателей [2]. Недовольство граждан не могло не отразиться на работе народных депутатов. Съезд и Верховный Совет, как представительные органы, чутко реагировали на настроения в обществе. Так, Съезд народных депутатов превратился в арену ожесточенной политической борьбы между сторонниками и противниками реформ.

По итогам работы Съезда было принято постановление от 11 апреля 1992 года «О ходе экономической реформы», в котором отмечалось, что кризисная ситуация в экономике продолжает усугубляться, производство падает, а распад бюджетных отраслей грозит стать необратимым [3]. В результате был найден компромисс: принята

декларация «О поддержке экономической реформы в Российской Федерации», а в состав правительства под давлением депутатов вошли Владимир Шумейко, Георгий Хижа и Виктор Черномырдин.

Тем не менее реформа продолжалась. Осенью правительство пошло на сокращение бюджетных расходов, стремясь предотвратить гиперинфляцию. Недоверие к действиям правительства продолжало нарастать. И в декабре 1992 года противоречия вновь стали центральной темой обсуждений на Съезде народных депутатов. В постановлении «О ходе экономической реформы в Российской Федерации» работа правительства была признана неудовлетворительной. Под давлением депутатов Е. Т. Гайдар покинул свой пост, а председателем правительства был назначен Виктор Черномырдин, получивший поддержку парламентского большинства. Из правительства ушли П. О. Авен и М. Н. Полторанин, чьи действия вызывали недовольство депутатов.

Реализация экономической реформы выявила глубокие противоречия между законодательной и исполнительной властью. Съезд народных депутатов и Верховный Совет начали осознавать объем своих полномочий, и многие депутаты заявили о нежелании идти на дальнейшие компромиссы с Президентом и Правительством. Исполнительная власть, в свою очередь, стремилась сохранить самостоятельность в принятии решений и продолжить курс экономических преобразований. Президент

понял, что не может бесконечно менять состав Правительства, ориентируясь на настроения депутатов, если хочет удерживать контроль над исполнительной властью. Этот конфликт между государственными институтами впоследствии отразился на проекте Конституции Российской Федерации. Достигнутое в декабре 1992 года соглашение было аннулировано.

Таким образом, экономическая реформа привела к глубокому разделению в обществе и государственных структурах. С декабря 1992 года, после того как Съезд отказался утвердить Е. Т. Гайдара на посту председателя Правительства, конфликт перешел в открытую фазу.

Отметим, что конституционный кризис 1992–1993 годов представлял собой противостояние между высшими органами государственной власти. С одной стороны выступали Съезд народных депутатов и Верховный Совет, обладавшие широкими законодательными, распорядительными и контрольными полномочиями, а с другой стороны — Президент и Правительство, представлявшие исполнительную власть. Суть конфликта заключалась в том, что исполнительная власть, получив от Съезда полномочия, которая не имела согласно действующей Конституции, проводила политику, вызывавшую резкое несогласие и сопротивление со стороны народных депутатов. Несмотря на то что политика Президента и Правительства сталкивалась с непреодолимыми препятствиями, представители исполнительной власти не были готовы от нее отказаться.

Литература:

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 9-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2015. С. 106.
2. Производство и потребление продуктов питания в РФ. // Исторические материалы. // [Электронный ресурс] // URL: <https://istmat.org/node/511> (дата обращения: 18.06.2026).
3. Постановление Съезда народных депутатов РФ от 11 апреля 1992 г. № 2690-I «О ходе экономической реформы в Российской Федерации». // СПС Гарант.

Доказательства причинения вреда водным биологическим ресурсам

Голубчиков Матвей Петрович, студент;

Любенко Алексей Русланович, студент;

Пачковский Данила Андреевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируются проблемы доказывания вреда водным биоресурсам, связанные с противоречивой судебной практикой: расчет ущерба требует экспертиз, а факты использования запрещенных орудий или пределов предельно допустимой концентрации трактуются судами по-разному. Авторы предлагают унифицировать подходы, уточнив определение вреда через привязку к экологическим нормативам для устранения правовой неопределенности.

Ключевые слова: водные биоресурсы, доказывание ущерба, унификация правовых подходов, вред окружающей среде, экологические нормативы.

Вопросе подтверждения факта нанесения ущерба водным биологическим ресурсам существует ряд сложностей. Прежде всего, установление факта нане-

сения вреда и определение его финансового эквивалента требует проведения специализированной экспертизы [1]. Проиллюстрировать это можно на примере судебного

разбирательства, которое рассматривалось Судебной коллегией по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции. При расчете суммы ущерба, нанесенного водным биоресурсам, суд опирался на два экспертных заключения: результаты судебной ихтиологической экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела Нижневолжским филиалом ФГБУ «Главрыбвод». Эксперты установили, что изъятая партия свежемороженой рыбы была добыта с помощью объячеивающих орудий лова (сетей) в период нереста, то есть в запрещенное время; выводы судебной экспертизы, выполненной ООО «Экспертпроект», согласно которым была определена рыночная стоимость килограмма мороженой неразделанной рыбы [2].

Кроме того, в судебных разбирательствах, связанных с нанесением вреда водным биоресурсам, в качестве доказательств нередко используются факты противоправного воздействия на окружающую среду. Например, в Апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда от 06.09.2023 по делу № 33–3454/2023 закреплена позиция, согласно которой применение запрещенных орудий лова служит основанием для компенсации ущерба, нанесенного водным биоресурсам. Суд почеркнул, что использование таких орудий нарушает законы об охране окружающей среды и ведет к ее деградации. В соответствии со статьями 1064 и 1068 ГК РФ, статьей 77 Закона «Об охране окружающей среды» и ст. 53 Закона «О рыболовстве», предприятие обязано возместить вред, причиненный окружающей среде действиями его сотрудника. Тем не менее в судебной практике встречаются и иные подходы, противоречащие упомянутой позиции. В некоторых случаях, даже если было установлено применение запрещенных орудий лова, суд выносил решение в пользу ответчика, аргументируя это тем, что количество выловленной рыбы не превышало квоты, официально выделенной ответчику. В таких ситуациях суд приходил к выводу об отсутствии ущерба водным биоресурсам [3].

Еще один дискуссионный вопрос в сфере судебной защиты водных биоресурсов — необходимость и достаточность доказательства превышения установленных нормативов для подтверждения факта нанесения вреда окружающей среде [4]. В судебных решениях по этому во-

просу встречаются диаметрально противоположные позиции. Седьмой арбитражный апелляционный суд, указав в своем Постановлении, что превышение допустимого уровня воздействия свидетельствует об ухудшении экологической ситуации, а наличие вреда в таком случае предполагается [5]. Однако есть и противоположный подход. Так, ФАС Западно-Сибирского округа рассматривал кассационную жалобу Росприроднадзора по Томской области на решения судов, отказавших в удовлетворении иска о возмещении вреда водным биоресурсам из-за загрязнения вод. Истец утверждал, что превышение допустимых концентраций загрязняющих веществ в сбросах сточных вод напрямую указывает на нанесение вреда водному объекту и обитающим в нем биоресурсам. Однако суд кассационной инстанции отметил, что постановление о назначении административного наказания не может служить неопровержимым доказательством нанесения вреда водному объекту. Суд счел предположение истца о том, что превышение допустимого уровня воздействия автоматически свидетельствует о вреде природному объекту и не требует дополнительных доказательств, противоречащим гражданскому законодательству [6].

Для устранения неоднозначности в толковании данного вопроса представляется необходимым уточнить определение понятия «вред, причиненный окружающей среде», связав его с экологическими нормативами. Предлагается следующая формулировка: изменение экологической обстановки считается негативным, если оно стало следствием загрязнения, истощения, повреждения или уничтожения природных объектов, неэффективного распоряжения природными богатствами либо других действий, нарушающих законодательные требования и приводящие к нарушению утвержденных экологических стандартов.

Таким образом, в судебной практике по делам, связанным с ущербом водным биоресурсам, наблюдается разброс мнений. Существует острая потребность в унификации правовых подходов к ряду вопросов: например, к необходимости проведения экспертной оценки при расчете размера ущерба, к значимости фактов, подтверждающих превышение допустимых объемов вылова водных биоресурсов, а также к оценке неправомерного воздействия на окружающую среду, которое влечет за собой ее деградацию.

Литература:

1. Головки И. И. Проблемы возмещения вреда окружающей среде в судебном порядке по инициативе прокурора. // Горизонты гуманитарного знания, 2015. № 2. С. 41.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 октября 2024 г. по делу № 8Г-28115/2024 [88–30408/2024]. // [Электронный ресурс] URL: // <https://reputation.su/sudrf/282121727> (дата обращения: 19.06.2026).
3. Решение Неклиновского районного суда Ростовской области от 23 сентября 2024 г. по делу № 2–1261/2024. // Судебные и нормативные акты РФ. // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PBaa2KSovQZb/> (дата обращения: 19.06.2026).
4. Данилова Н. В., Каримова С. А. О понятии вреда, причиненного окружающей среде. // Юридические исследования, 2017. № 7. С. 74.

5. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25 июня 2015 г. по делу № А44–103/2015. // [Электронный ресурс] // URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.06.2026).
6. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 5 апреля 2016 г. № Ф04–699/2016 по делу № А27–12658/2015. // [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/documents/154334> (дата обращения: 19.06.2026).

Криминалистический учёт как инструмент информационно-справочного обеспечения криминалистической деятельности

Григорян Викторя Мгеровна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует историю становления и значение криминалистических учётов в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: информация, криминалистические учеты.

Для раскрытия и расследования преступлений ключевую роль играет сбор информации. Это касается данных о лицах, совершивших или способных совершить преступление, сведений о нераскрытых преступлениях, информации об обнаруженных на месте происшествия доказательствах и так далее.

Поскольку информацию различных типов, включая криминалистическую, можно фиксировать и сохранять, это способствует созданию информационных систем. Такие системы выполняют функции хранилищ данных о криминальных событиях, а также предоставляют содержащуюся в них информацию для решения задач, связанных с расследованием и предупреждением преступлений. Подобные информационно-справочные системы обычно называются криминалистическими учетами. Следовательно, криминалистические учеты представляют собой научно-обоснованную систему, предназначенную для регистрации, хранения и упорядочивания определенных объектов или информации о них, которая имеет значение для криминалистики. Эта система применяется для дальнейшего использования в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений, а также для поиска этих объектов в соответствии с законодательством. Криминалистическая регистрация представляет собой информационную систему, которая включает в себя учеты определенных объектов. Таким образом, составляющие данной системы — это различные виды криминалистических учетов, формируемые в рамках правоохранительных органов России [1, с. 115].

Становление криминалистической регистрации в ее современном виде берет начало с трансформации политических режимов в передовых государствах, формирования капиталистических экономических связей и неизбежного роста миграционных процессов.

В России ведение письменного учета лиц, имеющих судимость, было введено после проведения судебной реформы 1864 г. Это было закреплено в статье 687 Устава Сената, где говорилось, что в ходе судебного разбира-

тельства по запросу прокурора обязательно должны быть представлены справки о прежней судимости подсудимого или о его причастности к другим преступлениям [2, с. 108]. К 1903 году был собран архив, включавший около миллиона регистрационных листов. Они содержали сведения о лицах, осуждённых судом, подвергнутых административным мерам воздействия, разыскиваемых за совершение преступления, а также о тех, кто был удалён из столицы и выслан из России; сведения о судимости представлялись по запросу судебных и административных органов [3, с. 61–66].

Важную роль в развитии научно-технических инструментов и походов к учёту преступных элементов сыграл Альфонс Бертильон. Он предложил антропометрическую систему регистрации, благодаря которой в 1883 году впервые удалось установить личность преступника Мартина Дюпона. В дальнейшем Бертильон разработал «словесный портрет» — систематизированную описательную классификацию признаков внешности человека.

В конце XIX века антропометрические бюро, занимавшиеся идентификацией личности по физическим параметрам, получили широкое распространение по всему миру, включая Российскую империю. В 1890 году такое бюро было открыто в Санкт-Петербурге, а к 1905 году они функционировали уже в 18 губернских городах и зарегистрировали данные более 55 тысяч преступников [4, с. 29].

Из-за увеличения уровня преступности возникла необходимость в системе учета, которая бы обеспечила оперативный доступ к информации о конкретных лицах и надежные способы идентификации.

Необходимо подчеркнуть вклад российской науки, в частности Е. Ф. Буринского, который в 1889 году основал первую в мире лабораторию судебной фотографии. Несмотря на ограниченные ресурсы, за два года было выполнено 78 экспертиз [5, с. 5–11].

В конце 19 века широко известной стала дактилоскопия, и её значение до сих пор трудно переоценить.

Вклад в становление дактилоскопии внесли У. Хершел, Г. Фолдс, Э. Генри, Ф. Гальтон и другие исследователи, обосновавшие неповторимость и стабильность папиллярных линий, а также возможность установления личности по отпечаткам пальцев. В Российской империи в 1906 году, согласно циркуляру Главного тюремного управления № 32, была введена обязательная дактилоскопическая регистрация преступников, что привело к организации специальных дактилоскопических подразделений во всех тюрьмах страны. Согласно закону, при соответствующих управлениях в крупных городах были сформированы подобные бюро.

С развитием технических средств и методов фиксации правонарушений эволюционировала и структура, занимающаяся подобной деятельностью. В 1908 году при розыскных подразделениях были созданы регистрационные бюро аккумулировавшие сведения о лицах, совершивших преступления. Эти данные включали в себя фотографии, отпечатки пальцев, антропометрические измерения, словесное описание внешности, картотеку, информацию о судимости, образцы почерка, орудия преступлений, вырезки из газет и др.

В период середины XX столетия научно-технический прогресс демонстрировал стремительный рост. В целях противодействия преступности стали внедряться инновационные технические решения, методики и технологические подходы. Это стало началом нового этапа развития

криминалистической регистрации, который продолжался до конца XX века. В этот период была введена научно-инструментальная регистрация, которая позволила расширить круг объектов, подлежащих регистрации. Также, стало возможным изучение человека по генетическому коду. В 1987 году А. Джеффрис создал способ идентификации по ДНК, а в 1989 году в СССР впервые применили анализ ДНК в экспертных целях.

Следующим является этап, который можно описать как единый информационно-телекоммуникационный прогресс регистрации. Ключевой чертой данного периода выступает глобальное распространение и объединение информации в рамках общего информационно-правового поля наряду с разработкой стандартизированных специализированных систем поиска информации. Эта тенденция начала набирать обороты в конце XX века, когда ряд стран запустили национальные программы, ориентированные на компьютеризацию и объединение информационных ресурсов [6, с. 119–120].

Таким образом, стремление правоохранительной сферы к более эффективной борьбе с преступностью путём использования информации о преступниках, содержащейся в специализированных базах данных, привело к созданию криминалистических информационных систем. Принципы организации этих систем, как и другие методы, были адаптированы из других областей знаний для борьбы с преступной деятельностью.

Литература:

1. Жбанкова В. А. Криминалистика: учебник. Изд. Российская таможенная академия. М., 2012.
2. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России: учебник для вузов. М., 1997.
3. Яровая М. В. Особенности англо-американской и континентальной моделей суда присяжных и проблемы его реставрации в России // Российская юстиция. 2006.
4. Агафонова Ю. А., Кваши Ю. Ф. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Краснодар, 2007.
5. Миронов А. И. Судебно-экспертные учреждения Царской России // Экспертная практика. М., 1999.
6. Каримов В. Х. Закономерности развития криминалистической регистрации в России // Известия АлтГУ. 2017.

Отдельные проблемы института завещания под условием

Дармаева Сарюхан Туя Жаргаловна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются отдельные проблемы завещания под условием в российском гражданском праве: пределы свободы завещания, соотношение условия с завещательным отказом и возложением, доказывание наступления условия и риски неопределенности правового режима наследственного имущества.

Ключевые слова: завещание, сделки под условием, наследственное право, свобода завещания, завещательное возложение, завещание под условием.

Завещание под условием остается одной из наиболее спорных конструкций наследственного права. На первый взгляд она соответствует свободе завещания:

гражданин желает не только определить наследника, но и связать получение имущества с определенным событием или поведением. Однако после смерти завещателя

невозможно уточнить его волю, поэтому любое условие должно быть сформулировано так, чтобы нотариус, наследники и суд могли однозначно определить его смысл.

Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет завещание как личное распоряжение на случай смерти и как одностороннюю сделку, создающую права и обязанности после открытия наследства. Свобода завещания позволяет гражданину завещать имущество любым лицам, определить доли наследников, лишить наследства наследников по закону и включить в завещание иные распоряжения, предусмотренные законом. Но специальной статьи о завещании под условием в российском праве нет, что и порождает противоречие между частной автономией завещателя и потребностью в правовой определенности.

Брагинским М. И. обоснованно подчеркивается, что вопрос о завещаниях под условием нельзя решать через простой запрет или безусловное разрешение: необходимо учитывать содержание условия, момент его наступления, проверяемость и влияние на права наследников. Именно такой дифференцированный подход позволяет сохранить свободу завещания, не допуская посмертного вмешательства в личную сферу наследника.

Завещание под условием можно определить как завещательное распоряжение, при котором возникновение, сохранение или прекращение права наследника на имущество зависит от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет. Такое обстоятельство может быть связано с событием, поведением наследника или действием третьего лица.

В теории различаются отлагательные условия, при которых право возникает после наступления обстоятельства, и отменительные условия, при которых уже возникшее право прекращается при наступлении указанного обстоятельства.

Применение статьи 157 ГК РФ к завещанию требует осторожности. Обычная условная сделка действует между живыми участниками оборота, которые могут пояснить свою волю, изменить соглашение или согласовать порядок исполнения. Завещание начинает действовать после смерти завещателя; поэтому условие должно быть более строгим по форме и содержанию. Оно должно быть законным, определенным, проверяемым, не унижать достоинство наследника и не ограничивать его основные личные права.

Значимое практическое уточнение содержится в методических рекомендациях Федеральной нотариальной палаты [6]: завещатель вправе поставить наследование под условие, но условие должно наступить к моменту открытия наследства или ранее, поскольку после открытия наследства имущество считается принадлежащим наследникам. Эта позиция фактически допускает условные элементы, но не позволяет сохранять неопределенный режим имущества на длительный срок.

В доктрине есть и противоположная позиция: условные завещания признаются недопустимыми, поскольку глава

62 ГК РФ не содержит специальной нормы, а свобода завещания ограничена только теми распоряжениями, которые названы законом [4]. Вместе с тем современные исследования все чаще предлагают не абсолютный запрет, а устранение противоречивости условных завещаний через закрепление критериев допустимости условий [1].

Следует выделить основные проблемы завещания под условием. Первая проблема состоит в неопределенности принадлежности имущества. Если наследник получает право только после наступления условия, возникает вопрос, кому принадлежит имущество в промежуточный период. Если же наследник сразу считается собственником, условие теряет отлагательный характер. Российское право не содержит специального режима «ожидającego» наследственного имущества, поэтому длительные условия способны нарушить интересы кредиторов, иных наследников и третьих лиц.

Вторая проблема связана с личными правами наследника. Допустимыми могут быть условия, которые имеют имущественный или организационный смысл: достижение определенного возраста, получение образования, уход за животными, сохранение семейного имущества [3]. Недопустимыми должны признаваться условия о вступлении в брак, разводе, смене религии, выборе профессии, отказе от рождения детей или проживании в определенном месте, если они фактически подчиняют личную жизнь наследника воле умершего.

Третья проблема касается доказывания. Условие «достичь восемнадцати лет» проверяется документально; условие «вести достойный образ жизни» является оценочным и создает почву для конфликта. Чем менее определено условие, тем выше риск, что суд будет вынужден не толковать волю завещателя, а фактически конструировать ее заново.

Четвертая проблема заключается в разграничении условия с уже известными наследственными механизмами. Если завещатель хочет, чтобы наследник выплатил деньги третьему лицу, правильнее использовать завещательный отказ. Если требуется совершить действие имущественного или неимущественного характера, направленное на законную цель, более точной конструкцией является завещательное возложение. Подназначение наследника применяется, когда завещатель хочет предусмотреть запасной вариант наследования. Следовательно, условное завещание должно использоваться только там, где эти институты не позволяют выразить волю завещателя без искажения.

Особый интерес представляет анализ эмпирической базы по рассматриваемой тематике. На практике прямых судебных споров, предметом которых выступало бы именно «завещание под условием», относительно немного. Данное обстоятельство обусловлено ролью нотариата: на стадии удостоверения завещания нотариусы, стремясь минимизировать риски будущего оспаривания, зачастую превентивно трансформируют спорную или нечетко выраженную волю завещателя в классические, законодательно

урегулированные институты — завещательный отказ (ст. 1137 ГК РФ), завещательное возложение (ст. 1139 ГК РФ) или подназначение наследника (ст. 1121 ГК РФ).

Тем не менее, в судебной практике регулярно возникают дела, в которых суды вынуждены оценивать правовую природу и исполнимость специфических завещательных распоряжений, балансируя между буквальным толкованием воли наследодателя и системным анализом норм ГК РФ.

Весьма показательным в данном контексте является решение Вологодского районного суда Вологодской области от 21 октября 2025 г. по делу № 2–1835/2024 [7]. Суть спора заключалась в следующем: наследодатель завещал всё имущество одному лицу, однако обременил его обязанностью выплатить в пользу третьих лиц денежные средства в размере одной трети рыночной стоимости квартиры. Истец обратился в суд с требованием о взыскании указанной суммы. Суд первой инстанции, исследовав материалы дела, пришел к выводу, что данная обязанность ответчиком была фактически исполнена, в связи с чем в удовлетворении иска отказал.

Анализ данного прецедента позволяет сделать два принципиальных вывода: во-первых, суд квалифицировал спорное распоряжение завещателя не как отлагательное условие приобретения наследственных прав (при котором наследник не мог бы вступить в права до выплаты денег), а как исполнимое завещательное возложение. Это подтверждает тезис о том, что суды при толковании неясных распоряжений обоснованно стремятся придать им ту юридическую форму, которая в наибольшей степени обеспечивает стабильность наследственных правоотношений и исполнимость последней воли. Во-вторых, этот пример доказывает, что надлежащее нотариальное оформление волеизъявления наследодателя (четкое разграничение условий, отказов и возложений) способно существенно снизить риски деструктивных судебных споров между наследниками еще на досудебной стадии.

Если в сфере имущественных распоряжений суды демонстрируют относительное единообразие, то при оценке распоряжений неимущественного (личного) характера возникает серьезная проблема стандартов доказывания истинной воли наследодателя. Зачастую завещатели пытаются связать переход прав на имущество с выполнением условий этического или ритуального характера. Ввиду высокой степени субъективности таких условий, судебная практика выработала жесткий подход: любые неимущественные распоряжения требуют исключительной точности фиксации.

Если завещатель формулирует неимущественные требования как отлагательные условия получения наследства отсутствие четкой фиксации этих требований в тексте завещания делает условие невыполнимым, а само завещание — уязвимым для оспаривания со стороны иных наследников.

Таким образом, современная судебная практика ориентирует правоприменителя на то, что любая попытка за-

вещателя обусловить переход прав неимущественными требованиями должна проходить через жесткий фильтр нотариального контроля с обязательным оформлением в виде детально прописанного завещательного возложения.

Системный анализ приведенной судебной практики выявляет ключевую проблему отечественного наследственного права — отсутствие детального нормативного регулирования механики завещаний под условием. Суды вынуждены восполнять этот правовой пробел путем расширительного толкования смежных институтов и применения общих начал гражданского законодательства.

Представляется, что для обеспечения стабильности гражданского оборота, защиты конституционных прав наследников и снижения конфликтности в наследственных правоотношениях назрела необходимость комплексного реформирования как норм Гражданского кодекса РФ, так и стандартов нотариальной деятельности.

На основе проведенного исследования автором сформулированы следующие предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики:

Во-первых, в ГК РФ необходимо закрепить специальную норму, четко разграничивающую допустимые и недопустимые условия завещания.

В настоящее время абстрактная формулировка ст. 1119 ГК РФ о недопустимости «противоправных или невыполнимых» условий оставляет слишком широкий простор для судебного усмотрения. Предлагается дополнить ГК РФ самостоятельной статьей (либо частью к ст. 1119 ГК РФ), в которой зафиксировать, что допустимое условие должно быть правомерным, определенным, объективно проверяемым и не противоречащим основам правопорядка и нравственности.

При этом законодателю следует пойти по пути прямого запрета (создания «черного списка») недопустимых условий. Недопустимыми на законодательном уровне должны быть признаны любые условия завещания, которые прямо или косвенно ограничивают конституционные права и свободы человека неимущественного характера: свободу вступления в брак и семейную жизнь, свободу выбора профессии и труда, свободу мировоззрения, вероисповедания и места жительства. Включение таких условий должно автоматически влечь их ничтожность при сохранении силы самого завещания.

Во-вторых, на законодательном уровне требуется определить четкие временные рамки (срок) наступления условия.

В условных завещаниях латентно кроется угроза принципу правовой определенности: наследство не может бесконечно долго находиться в подвешенном состоянии. В связи с этим наиболее безопасным для стабильности оборота является подход, согласно которому условие должно наступить до момента открытия наследства или непосредственно в момент его открытия. Если же отечественный законодатель сочтет допустимым конструирование условий,

рассчитанных на более длительный период после смерти наследодателя (например, получение имущества по достижении возраста 25 лет), необходимо параллельно разработать детальный правовой режим управления наследственным имуществом на период «ожидания».

В-третьих, необходимо существенно усилить превентивную и разъяснительную роль нотариуса [8] на стадии совершения завещания.

Нотариус должен выступать не просто техническим регистратором воли, а квалифицированным юридическим советником. На уровне Федеральной нотариальной палаты целесообразно разработать детальные методические рекомендации по работе с условными завещаниями. Если в ходе беседы нотариус выявляет, что истинная воля завещателя направлена на возложение на наследника конкретных обязанностей (как в рассмотренных выше делах о выплате компенсаций или погребении), он обязан предложить клиенту облечь эту волю в классическую форму завещательного отказа (ст. 1137 ГК РФ) или завещательного возложения (ст. 1139 ГК РФ). Митрофанова [5] отмечает, что завещание под условием должно позиционироваться в нотариальной практике как исключительный, экстраординарный инструмент, требующий ювелирной юридической техники, а не как универсальная форма для отражения любых бытовых пожеланий наследодателя.

Подводя итог проведенному исследованию, представляется возможным сформулировать следующие ключевые выводы.

Институт завещания под условием не должен рассматриваться в отечественной правовой доктрине ни в качестве запрещенной, ни в качестве безусловно допустимой

гражданско-правовой конструкции. Юридическая судьба подобного распоряжения непосредственно зависит от характера самого условия, момента его потенциального наступления и степени его влияния на гарантированные законом права и свободы наследников.

Поскольку современное российское законодательство пока не содержит системно законченной и сбалансированной нормативной модели условного завещания, в реальной нотариальной и правоприменительной практике на текущем этапе разумно отдавать приоритет более определенным и детально регламентированным институтам — завещательному отказу (ст. 1137 ГК РФ), завещательному возложению (ст. 1139 ГК РФ) и подназначению наследника (ст. 1121 ГК РФ).

Анализ актуальной судебной практики наглядно подтверждает эту позицию: отечественные суды стоят на защите исключительно конкретных, объективно доказуемых и исполнимых распоряжений наследодателя. При этом судебные органы правомерно отказываются подменять собой фигуру завещателя и не выводят условия из неопределенных устных пожеланий или субъективных интерпретаций родственников умершего.

В связи с этим ключевая задача законодателя и нотариального сообщества на современном этапе состоит в установлении четких нормативных и практических границ допустимости завещательных условий. Реализация предложенных в настоящей статье рекомендаций позволит существенно расширить пределы свободы завещания, гарантируя при этом стабильность гражданского оборота и неизбежность принципа устойчивости наследственного правопреемства.

Литература:

1. Атаев У. А. Условные завещания и их недопустимость в российском наследственном праве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. Ч. 3. С. 20–23.
2. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва: Статут, 2020. — 848 с.
3. Новиков А. А. К истории завещания под условием в отечественном гражданском праве // Цивилистические исследования: сб. науч. трудов памяти профессора И. В. Федорова. М.: Статут, 2010. Вып. 1. С. 341–398.
4. Стромоногова С. А. О противоречивости условных завещаний и способах ее устранения // Наследственное право. 2024.
5. Митрофанова И. А. Условное завещание как вид сделки, совершенной под условием // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2. С. 103–108.
6. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров: утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21, п. 3.12 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2026).
7. Решение Вологодского районного суда Вологодской области от 21.10.2025 по делу № 2–1835/2024 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cLURa2pOccJL/> (дата обращения: 10.06.2026).
8. Зайцева Т. И., П. В. Крашенников Наследственное право в нотариальной практике: комментарии, методические рекомендации, образцы документов, судебная практика / Т. И. Зайцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2005. — С. 142.

Административно-правовые гарантии безопасности заявителя при обращении в Росгвардию (по делам, связанным с незаконным оборотом оружия и частными охранными предприятиями)

Жуков Роман Викторович, студент

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Актуальность настоящего исследования обусловлена двойственным статусом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Росгвардия), которая выступает одновременно в качестве органа, регистрирующего обращения граждан о нарушениях в сфере оборота оружия и деятельности частных охранных предприятий (ЧОП), и органа, уполномоченного проводить контрольные и надзорные мероприятия в указанных сферах. Такая институциональная конструкция создает повышенные риски для заявителей. Лицо, сообщившее о факте незаконного хранения оружия его владельцем либо о неправомерных действиях сотрудника ЧОП, может подвергнуться давлению, угрозам или преследованию. В условиях ограниченного доступа к механизмам свидетельской защиты на досудебной стадии именно административные процедуры Росгвардии должны стать первичным барьером для информационной утечки и репрессалий. Цель статьи — выявить пробелы в ведомственном правовом регулировании работы с обращениями граждан, влияющие на безопасность заявителей, и предложить направления их устранения.

Ключевые слова: Росгвардия, обращения граждан, незаконный оборот оружия, частные охранные предприятия, ЧОП, безопасность заявителя, конфиденциальность, административно-правовые гарантии.

Administrative and Legal Guarantees of the Applicant's Safety When Applying to the Russian National Guard (on Cases Related to Illegal Arms Trafficking and Private Security Companies)

The relevance of this study is due to the dual status of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Russian National Guard). This body simultaneously registers citizens' appeals concerning violations in the sphere of arms trafficking and the activities of private security companies (PSCs), and is authorized to conduct control and supervisory measures in these areas. Such an institutional structure creates heightened risks for applicants. A person who reports an illegal storage of weapons by its owner or unlawful actions of a PSC officer may face pressure, threats, or persecution. Given the limited access to witness protection mechanisms at the pre-trial stage, the administrative procedures of the Russian National Guard should serve as the primary barrier against information leaks and reprisals. The purpose of this article is to identify gaps in the departmental legal regulation of handling citizens' appeals that affect the safety of applicants and to propose directions for their elimination.

Keywords: Russian National Guard, citizens' appeals, illegal arms trafficking, private security companies, PSCs, applicant safety, confidentiality, administrative and legal guarantees.

Правовой базой выступают: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее — Закон № 59-ФЗ) [2, ст. 2060], Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» [3, ст. 5681], Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», а также ведомственный акт — Приказ Росгвардии от 26.02.2018 № 85 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в войсках национальной гвардии Российской Федерации» (далее — Инструкция № 85) [4. Ст.888].

Отличительная особенность: Росгвардия осуществляет лицензионно-разрешительную работу (контроль за хранением оружия у физических и юридических лиц) и надзор за частной охранной деятельностью. Соответственно, обращение гражданина может содержать сведения о готовящемся или совершенном преступлении

(ст. 141 УПК РФ), однако первоначально оно обрабатывается по правилам административного делопроизводства. Именно на этом этапе происходит «утечка» идентифицирующих заявителя данных, если ведомственная инструкция не предусматривает специальных режимов для таких категорий жалоб.

Риски безопасности заявителя: структурный анализ. Выделяются три основных типа угроз:

Прямое давление со стороны фигуранта обращения (владельца оружия или частного охранника), который через осведомленных лиц может получить данные о заявителе.

Опосредованное давление — через увольнение, если заявитель состоит в трудовых отношениях с субъектом, в отношении которого подано обращение (например, охранник ЧОП жалуется на своего работодателя).

Психологическое воздействие путем демонстрации осведомленности о факте подачи жалобы.

Инструкция № 85 (п. 21–24) допускает анонимные обращения не рассматривать, но требует указывать в ответе фамилию и инициалы исполнителя. При этом механизм изоляции персональных данных заявителя от объекта проверки в тексте Инструкции отсутствует. На практике это приводит к тому, что в запрос в ЧОП или владельцу оружия включается ссылка на конкретное обращение, что позволяет идентифицировать заявителя.

Пробелы в ведомственном регулировании Росгвардии. Анализ Инструкции № 85 позволяет выявить следующие пробелы:

- отсутствие специальной процедуры для «чувствительных» обращений. Закон № 59-ФЗ не дифференцирует тематику обращений, однако ведомственная инструкция могла бы ввести категорию «обращение с повышенными рисками репрессалий». Такой категории нет.

- неопределенность порядка сохранения конфиденциальности. Пункт 8 Инструкции № 85 обязывает обеспечивать неразглашение сведений о частной жизни, но не регламентирует, как именно должны быть зашифрованы данные заявителя в межведомственных запросах или при направлении материалов в проверяемую организацию.

- отсутствие административной ответственности должностных лиц Росгвардии за разглашение сведений о заявителе до завершения проверки. Статья 5.59 КоАП РФ (нарушение порядка рассмотрения обращений) не включает такой состав, а дисциплинарная ответственность носит закрытый ведомственный характер.

Кроме того, Федеральный закон «Об оружии» (ст. 20) предусматривает право граждан сообщать о нарушениях, но не гарантирует им анонимность перед проверяемым лицом. Аналогичный пробел содержится в Законе о частной детективной деятельности (ст. 20.1 — надзор Росгвардии).

Зарубежный и межотраслевой компаративный контекст. Для сравнения: в законодательстве США (в частности, в рамках программ Crime Stoppers) допускается полностью анонимное сообщение о незаконном оружии, при этом вознаграждение выплачивается через посредников. В РФ анонимность по Закону № 59-ФЗ исключает обязанность рассмотрения, что вступает в противоречие с принципом добросовестного информирования. В сфере уголовного процесса свидетель защищен ст. 56 УПК РФ, но на стадии административного обращения в Росгвардию свидетельский статус отсутствует.

Представляется возможным использовать механизм «особого производства» по аналогии с КоАП РФ (ст. 25.12 — отвод лица, ведущего производство, в случае личной заинтересованности). Однако для сферы обращений граждан такой инструмент не предусмотрен.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс»

Предложения по совершенствованию правовых гарантий. Дополнить Инструкцию № 85 разделом «Особенности рассмотрения обращений о нарушениях в сфере оборота оружия и деятельности ЧОП, сопряженных с угрозой безопасности заявителя». В этом разделе закрепить обязанность должностного лица Росгвардии шифровать данные заявителя (присваивать уникальный буквенно-цифровой код, не раскрываемый проверяемому лицу).

Внедрить институт «оперативного конфиденциального обращения» — гражданин вправе при подаче заявления в Росгвардию письменно указать на риск давления. В таком случае Росгвардия осуществляет проверку без направления в адрес проверяемого лица текста обращения, а используя только фактические данные без идентификаторов.

Инициировать изменение ст. 5.59 КоАП РФ, включив квалифицирующий признак: «разглашение сведений о заявителе по делам, связанным с незаконным оборотом оружия или деятельностью ЧОП, повлекшее угрозу жизни или здоровью заявителя».

Разработать ведомственный регламент взаимодействия Росгвардии с органами внутренних дел для оперативного предоставления заявителю временной государственной защиты в соответствии с Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», если после обращения последовали угрозы.

Проведенное исследование показало, что административно-правовые гарантии безопасности заявителя при обращении в Росгвардию по делам, связанным с незаконным оборотом оружия и деятельностью ЧОП, в настоящее время носят декларативный характер. Ведомственная Инструкция № 85 не содержит специальных процедур, позволяющих изолировать персональные данные заявителя от объекта проверки, а административное и дисциплинарное законодательство не предусматривают эффективных санкций за разглашение таких сведений на стадии рассмотрения обращения. Учитывая двойственную роль Росгвардии (регистратор обращений и контролер), отсутствие правового механизма конфиденциального «чувствительного» обращения создает реальные риски для информаторов.

Предложенные автором изменения: введение института «оперативного конфиденциального обращения», шифрование данных заявителя при межведомственном обмене и ужесточение административной ответственности — позволят снизить указанные риски. Целесообразна дальнейшая разработка ведомственного акта Росгвардии, регламентирующего ускоренную передачу материалов в программу государственной защиты свидетелей при поступлении сигналов о давлении на заявителя.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс»
3. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс»
4. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс»
5. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс»
6. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс»
7. Приказ Росгвардии от 26.02.2018 № 85 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в войсках национальной гвардии Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.03.2018 № 50548) (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс»
8. Кононов П. И. Административно-процессуальное право России: проблемы науки и законодательства. — М.: Норма, 2021. — С. 145–167.

Защита прав кредиторов при использовании совместного завещания супругов

Зигфрид Виктория Абрамовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Исследование посвящено анализу правовых механизмов защиты интересов кредиторов в условиях, когда супруги распоряжаются общим имуществом на случай смерти, определяя наследственную массу каждого из них. Рассматриваются коллизии между принципом свободы завещания и императивными требованиями о сохранении имущественных гарантий перед кредиторами. Выявлены пробелы законодательного регулирования, связанные с отсутствием четкого механизма оспаривания условий совместного завещания, нарушающих права третьих лиц. Предложены направления совершенствования правоприменительной практики для обеспечения баланса частных и публичных интересов при наследовании.

Ключевые слова: совместное завещание супругов, защита прав кредиторов, наследственная масса, ответственность наследников, наследственное правопреемство, злоупотребление правом, оспаривание завещания.

Институт совместного завещания супругов имеет преимущества, но законодательство недостаточно защищает права кредиторов: оговорки о недопустимости нарушения прав третьих лиц декларативны, отсутствуют механизмы информирования и предварительного контроля. Оспаривание возможно преимущественно после открытия наследства, что затрудняет защиту прав кредиторов. Отсутствие четких критериев разграничения правомерной реализации свободы завещания и злоупотребления правом создает почву для многочисленных судебных споров.

С 1 июня 2019 года вступили в силу изменения, внесенные Федеральным законом от 19 июля 2018 года № 217-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации, легализовавшие возможность совершения супругами совместного завещания. Этот институт, давно известный правовым порядкам многих зарубежных государств, впервые получил нормативное закрепление в отечественном праве [12]. Совместное завещание предоставляет супругам право по обоюдному усмотрению завещать общее имущество, а равно имущество каждого из них любым лицам, определять доли наследников в соответствующей наследственной массе, а также определять имущество, входящее

в наследственную массу каждого из супругов. Последнее правомочие становится возможным при условии, что подобное определение не нарушает прав третьих лиц [2].

Практическая ценность совместного завещания очевидна. Супруги получают инструмент согласованного распоряжения совместно нажитым имуществом, исключая ситуации, когда после смерти одного из них переживший супруг обнаруживает завещательные распоряжения, о которых не подозревал. Одновременно данная конструкция позволяет изменить правовой режим совместной собственности на случай смерти одного из супругов, создавая альтернативу брачному договору в части посмертных имущественных отношений и защищая имущественные права пережившего супруга.

Действующее законодательство исходит из принципа универсальности наследственного правопреемства: к наследникам переходят не только права, но и обязанности наследодателя. Статья 1175 ГК РФ устанавливает, что наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества [4].

К. Д. Швалев отмечает, что для предъявления своих требований кредиторы наследодателя имеют ограни-

ченный срок — остаток срока исковой давности по соответствующему требованию, если он начал течь до открытия наследства, либо полный трехлетний срок, если обязательство возникло незадолго до смерти должника. Открытие наследства не прерывает и не приостанавливает течение срока исковой давности [11].

До принятия наследства наследниками кредиторы вправе предъявить требования к наследственному имуществу, с привлечением к участию в деле исполнителя завещания или нотариуса. После принятия наследства требования предъявляются непосредственно к наследникам, принявшим наследство, пропорционально их долям.

А появление совместного завещания супругов существенно усложнил данный порядок, поскольку они вправе по обоюдному усмотрению определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц.

Возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, законодатель прямо указывает, что подобные условия не должны нарушать прав третьих лиц. С другой стороны, механизма предварительного контроля за соблюдением этого требования не предусмотрено. Нотариус, удостоверяющий совместное завещание, не обязан и не имеет возможности проверить, не ущемляются ли права кредиторов завещателей. Сами кредиторы о существовании завещать не знают и не могут узнать — завещание вступает в силу только после смерти завещателя, а до этого момента действует принцип тайны завещания [8].

Центральная проблема защиты прав кредиторов при использовании совместного завещания отсутствие информации у кредиторов до открытия завещания. Кредитор вступает в правоотношения с должником, оценивая его имущественное положение исходя из видимости принадлежности ему определенных активов и презумпции равенства долей супругов в совместной собственности.

Законодатель попытался частично решить проблему информированности, установив в пункте 4 статьи 1118 ГК РФ обязанность нотариуса направлять супругу уведомление о совершении другим супругом последующего завещания или об отмене совместного завещания. Но это уведомление предназначено для защиты интересов супругов между собой, а не для защиты третьих лиц.

Кредиторы остаются за пределами информационного поля. Единая информационная система нотариата содержит сведения о совместных завещаниях, но доступ к этой информации для третьих лиц ограничен требованиями конфиденциальности — до открытия наследства сведения о завещании составляют тайну, охраняемую законом [5]. Однако следует отметить, что соответствует правилам о тайне завещания.

Складывается ситуация, когда защита прав кредиторов оказывается возможной только путем оспаривания условий совместного завещания после смерти наследодателя, так как до открытия наследства завещание еще не вступило в силу и не может быть оспорено как сделка.

Статья 1131 ГК РФ предусматривает возможность оспаривания завещания по иску лица, права или законные интересы которого нарушены этим завещанием. После смерти одного из супругов совместное завещание может быть оспорено по иску лица, чьи права нарушены [6].

Если будет доказано, что совместное завещание совершено супругами с целью избежать ответственности перед кредиторами одного из них, суд может признать соответствующие условия завещания недействительными. При этом бремя доказывания наличия злоупотребления правом лежит на кредиторе, что существенно усложняет его положение.

В. Б. Паничкин отмечает, что для признания условий совместного завещания злоупотреблением правом кредитор необходимо доказать несколько обстоятельств. Во-первых, что на момент совершения завещания должник имел обязательства перед кредитором. Во-вторых, что условия завещания существенно уменьшают наследственную массу должника по сравнению с тем, какой она была бы при применении общих правил. В-третьих, что супруги осознавали последствия своих действий для кредиторов и тем не менее совершили завещание с подобными условиями [7].

Н. А. Абляутипова и И. Ю. Волкова подчеркивают, что кредиторы нередко обращаются в суд с требованиями о взыскании долгов наследодателя спустя значительное время после открытия наследства, когда проценты и неустойки существенно увеличили размер задолженности. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что требования кредиторов, обратившихся с иском по истечении длительного времени без уважительных причин, не подлежат удовлетворению за период со дня открытия наследства, если наследники не знали о наличии обязательства наследодателя. Однако единообразие в применении этой правовой позиции в судах отсутствует, что создает дополнительные риски как для кредиторов, так и для наследников [1].

Институт совместного завещания оказался на пересечении двух фундаментальных принципов гражданского права — принципа свободы завещания и принципа недопустимости злоупотребления правом.

Свобода завещания, закрепленная в статье 1119 ГК РФ, предполагает, что завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников, лишить наследства наследников по закону, не указывая причин. Супруги реализуют свою свободу завещания, определяя судьбу совместно нажитого имущества. Однако если реализация этой свободы ведет к ущемлению прав кредиторов, возникает вопрос о пределах осуществления права. Законодатель попытался найти баланс, так, согласно абзацу 2 пункта 4 статьи 1118 ГК РФ, условия совместного завещания действуют в части, не противоречащей правилам о защите прав третьих лиц, в том числе кредиторов. Это означает, что супруги вправе определять имущество, входящее в наследственную массу каждого из них, но только при условии, что это не нарушает прав кредиторов. При-

мером нарушения может являться то, что совместным завещанием предусмотрено, что всё общее имущество супругов после смерти одного из них переходит исключительно второму супругу, а долги или требования кредиторов этого супруга не включаются в наследственную массу, тогда кредиторы могут оспорить такие условия завещания в суде.

Также в законе есть еще одна коллизия в пункте 4 статьи 1118 ГК РФ гласит, что один из супругов вправе в любое время, в том числе после смерти другого супруга, совершить последующее завещание, а также отменить совместное завещание супругов. Но если совместное завещание было оспорено кредиторами как нарушающее их права, может ли переживший супруг совершить новое завещание с теми же условиями или же такие действия следует рассматривать как злоупотребление правом? Законодательство не дает ответа на эти вопросы. Судебная практика только начинает формироваться, и ее развитие будет во многом зависеть от того, какую позицию займет Верховный Суд РФ [13].

Анализ исследуемой проблематики о совместном завещании супругов позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в части защиты прав кредиторов.

Стоит законодательно закрепить, что супруги не раскрывая содержание завещания, обязаны уведомлять кредиторов о факте совершения совместного завещания, о том, что оно может повлиять на объём наследственной массы и давать кредиторам возможность в предусмотренный срок потребовать дополнительные меры защиты. Например, по мнению Соловьёвой Е. С. не нужно конкретно закреплять обязанность уведомления креди-

торов, но её анализ данной проблемы указывает на необходимость повышения прозрачности процедур, связанных с совместным завещанием, для защиты интересов третьих лиц [9]. Важно отметить, что обязанность уведомления кредиторов вступала бы в прямое противоречие с принципом тайны завещания.

Следует разработать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, в которых определить критерии разграничения правомерной реализации свободы завещания и злоупотребления правом при совершении совместного завещания, затрагивающего интересы кредиторов. Многие ученые отмечают, что возможность отмены совместного завещания пережившим супругом после смерти другого ставит под вопрос смысл такого завещания и может привести к злоупотреблениям. Например, Е. В. Демьяненко и В. И. Фатхи указывают, что второй недобросовестный завещатель может передать в наследство не всё имущество, хотя умерший гипотетически был бы против [3]. Поэтому есть необходимость разъяснения и толкование на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

Наконец, представляется возможным согласиться с теми авторами, которые предлагают внести изменения в статью 1175 ГК РФ, установив очередность удовлетворения требований различных категорий кредиторов наследодателя [10].

Совершенствование законодательства в части защиты прав кредиторов при использовании совместного завещания супругов должно идти по нескольким направлениям: конкретизация понятия «нарушение прав третьих лиц»; установление презумпций и критериев оценки добросовестности действий супругов; создание эффективных процессуальных механизмов защиты прав кредиторов.

Литература:

1. Абляутипова Н. А., Волкова И. Ю. Актуальные проблемы защиты прав наследников при злоупотреблении правом кредиторами // Legal Concept. 2024. Т. 23. № 2. С. 109–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-zaschity-prav-naslednikov-pri-zloupotreblenii-pravom-kreditorami> (дата обращения: 10.06.2026).
2. Гонгало Б. М. Определение наследственной массы супругов в совместном завещании // Юридический факультет. 2020. URL: <https://urfac.ru/?p=2933> (дата обращения: 10.06.2026).
3. Демьяненко Е. В., Фатхи В. И. Особенности совместного завещания супругов // Юрист-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 7–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovmestnogo-zaveschaniya-suprugov/viewer> (дата обращения: 10.06.2026).
4. Деньгин А. Г. Проблема определения места совместного завещания супругов и наследственного договора в системе завещательных распоряжений // Нотариус. 2024. № 2. С. 35–39.
5. Мамай Е. А., Мамай Е. О. Совместное завещание супругов как новый институт в российском наследственном праве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. Т. 15. № 5. С. 89–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnoe-zaveschanie-suprugov-kak-novyy-institut-v-rossijskom-nasledstvennom-prave> (дата обращения: 10.06.2026).
6. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414568/ (дата обращения: 10.06.2026).
7. Паничкин В. Б. Порядок расчетов с кредиторами наследодателя в российском и общем праве: сравнительный анализ // Аграрное и земельное право. 2024. № 8(236). С. 142–149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-raschetov-s-kreditorami-nasledodatelya-v-rossijskom-i-obshchem-prave-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 10.06.2026).

8. Родионова О. М. Гражданско-правовая сущность совместного завещания супругов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5. С. 99–103. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41263434> (дата обращения: 10.06.2026).
9. Соловьева Е. С. Проблемы исполнения совместного завещания супругов // Диалог. 2024. № 3. С. 42–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-sovmestnogo-zaveschaniya-suprugov/viewer> (дата обращения: 10.06.2026).
10. Чистякова Е. С. Порядок удовлетворения требований кредиторов наследодателя. Пробелы в законодательстве // Форум молодых ученых. 2022. № 11. С. 206–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-udovletvoreniya-trebovaniy-kreditorov-nasledatelya-probely-v-zakonodatelstve/viewer> (дата обращения: 10.06.2026).
11. Швалев К. Д., Чорновол Е. П. Нормативно-правовые и доктринальные аспекты исполнения обязательств наследодателя в парадигме исторического развития // Образование и право. 2024. № 1. С. 450–456. URL: <https://elibrary.ru/izpdvi> (дата обращения: 10.06.2026).
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 10.06.2026).
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 24.12.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 10.06.2026).

Индивидуализация уголовной ответственности в условиях цифровизации правоприменения: роль личности, обстоятельств и соотношение норм

Илларионова Анастасия Витальевна, студент магистратуры

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

В данной статье рассматриваются проблемы индивидуализации уголовной ответственности в условиях развития цифровых технологий и изменения механизмов правоприменения. Анализируются подходы к учёту роли лица в совершённом правонарушении, влияние конкретных обстоятельств дела на выбор вида и меры наказания, а также роль предупреждающих и превентивных функций уголовного закона.

Ключевые слова: индивидуализация наказания, личность виновного, обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие, индивидуализация наказания, квалификация соучастников, мотивация преступления, общественная опасность, правоприменительная практика, пропорциональность наказания.

Введение

Индивидуализация наказания выступает в качестве фундаментального принципа уголовного права, призванного адаптировать применяемую меру к реальной характеристике правонарушения и субъективным особенностям виновного. В условиях ускоренной цифровизации общественной жизни важным становится включение в оценку факторов, выражающихся через доступ к информационным ресурсам, уровень вовлечённости в интернет-преступность и специфику общественно опасного поведения. В научной литературе подчёркнуто, что уголовное право, включая аспекты назначения наказания, должно обеспечивать нормативность применения предупреждающих и превентивных мер [1, с. 211]. В этой связи важной задачей является определить, какие критерии и методики следует применять суду для персонализации ответственности в рамках существующей правовой регламентации.

Уголовное право традиционно рассматривает ответственность как персональную ответственность каждого

участника деяния, даже если деяние совершалось совместно. При этом анализируются характер и степень участия лица, значение его вклада в достижение цели преступления, влияние на характер и размер причинённого вреда [2, с. 186]. В современных условиях значительное значение придаётся исследованию влияния новых форм участия, в том числе онлайн-средств содействия, на квалификацию преступления и подбор наказания. Рассматриваемые положения подчёркивают, что квалификация деяния и оценка его общественной опасности являются ключевыми факторами для индивидуального подхода к назначению меры ответственности.

В центре анализа остаётся вопрос о значимости вклада каждого лица, участвующего в преступлении. Структура участия может охватывать организатора, подстрекателя, пособника и исполнителя, что напрямую влияет на квалификацию деяния и характер наказания [3, с. 430]. Несмотря на общую юридическую ответственность за общий преступный результат, наказание каждому участнику назначается дифференцированно, в зависимости от его конкрет-

ного вклада и роли в совершении преступления. Пример эксцесса исполнителя демонстрирует, что различные роли могут приводить к разной мере наказания вне зависимости от общего состава преступления [4, с. 156].

Вопросы смягчающих и отягчающих обстоятельств занимают важное место в индивидуализации наказания. Смягчающие обстоятельства характеризуются сниженной степенью общественной опасности или иными факторами, такими как добровольная явка с повинной, младший возраст лица и др. Эти обстоятельства перечислены в ст. 61 УК РФ [5], однако закон не ограничивает перечень, допускается учёт и других факторов при совершении преступления. Отягчающие обстоятельства, напротив, свидетельствуют о повышенной общественной опасности и включают рецидив, причинение тяжких последствий и активность участия (ст. 63 УК РФ). В условиях цифровизации эти критерии сохраняют свою применимость, но требуют адаптации к специфике онлайн-правонарушений и новым видам вреда.

Соучастие может быть основанием для освобождения от уголовной ответственности в ряде случаев: оказание помощи следственным органам, незначительная степень опасности или другие предусмотренные законом обстоятельства. При этом каждый соучастник несёт равную ответственность за причинённый вред, а конкретный объём ответственности зависит от вклада и согласованных действий в рамках совместного преступления [6, с. 174]. В условиях цифровой преступности эта идея сохраняется, но требует точного обозначения роли каждого участника в признаках и последствиях деяния.

Для точной квалификации преступлений по-прежнему актуально различать простое и сложное соучастие.

Простое соучастие возникает, когда несколько лиц действуют сообща, не распределяя между собой конкретных задач. В отличие от него, сложное соучастие предполагает четкое разделение функций: кто-то выступает исполнителем, кто-то — организатором, пособником или подстрекателем, что зачастую свидетельствует о наличии предварительного сговора. Несмотря на отсутствие формального закрепления этой классификации в УК РФ, она служит основой для оценки индивидуальной роли каждого соучастника и определения адекватного наказания. Распределение ролей в сложном соучастии, особенно в контексте преступлений, совершенных по предварительному сговору или организованной группой, может повлечь за собой более суровые меры ответственности по сравнению с простым соучастием.

Индивидуализация наказания остаётся ключевым элементом уголовного права, обеспечивая соответствие между тяжестью преступления, ролью личности и обстоятельствами дела. В условиях цифровой эпохи необходимы дальнейшие исследования и методические разработки по учёту новых форм участия, роли технологий и специфических факторов вреда. В рамках существующего законодательства принципы персонализации остаются действующими: учитывать характер и степень участия лица, значение участия для достижения целей преступления и влияние на вред, причинённый обществу. В дальнейшем требуется формирование более гибких методических подходов к квалификации и назначению наказания в контексте цифровых преступлений, сохранение баланса между справедливостью, эффективностью и предупреждающей функцией уголовного закона.

Литература:

1. Красовская О. Ю. Превентивное воздействие уголовного права на лиц опасного состояния в условиях цифровизации права // Уголовное право в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации: сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках I Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 09 июня 2021 г. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 209–214.
2. Красовская О. Ю. Злоупотребление родительской властью в контексте причин преступности несовершеннолетних / О. Ю. Красовская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1(102). С. 184–188.
3. Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М.: Издательство Юрайт, 2022. 430 с.
4. Здравомыслов Б. В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учебник / Под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. М: Юрист, 2010. 480 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 9 апреля 2026 года)
6. Наумов А. В. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / А. В. Наумов. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 410 с.

Методы и средства расследования преступлений в сфере незаконной банковской деятельности

Казарян Артем Рудикович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В условиях стремительного развития цифровых технологий и усложнения преступных схем в банковском секторе возникает острая необходимость в совершенствовании методов и инструментов, используемых правоохранными органами для выявления и пресечения незаконных операций. Рост экономических преступлений продолжает оставаться сложной правовой проблемой.

На протяжении ряда лет ситуация в области экономической деятельности в Российской Федерации отмечается повышенной преступной активностью, выраженной как в общем росте преступлений, так и в их масштабности и скрытности.

Статья 172 УК РФ гласит: незаконной банковской деятельностью является осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере [4].

Незаконные финансовые операции, как правило, совершаются с целью:

- обналаживания денежных средств, то есть перевод денежных средств из безналичной формы в наличную с последующей передачей их клиенту. Согласно банковской терминологии — это выполнения банковских операций: «кассовое обслуживание», «инкассация» [2];

- транзита денежных средств, то есть перечисления денежных средств «клиента» с расчетного счета «фигтивных» организаций по указанным «клиентом» реквизитам другого юридического либо физического лица. Согласно банковской терминологии — это выполнения банковских операций: «осуществлению переводов денежных средств по поручению юридических лиц».

Ключевым критерием для оценки готовности материалов оперативно-розыскной деятельности с целью принятия решения о возбуждении уголовного дела выступает наличие в них достаточной информации, свидетельствующей о признаках преступления, а именно:

- сведения о месте, времени, характере и конкретных признаках преступления, а также дополнительные фактические данные по каждому эпизоду противоправной деятельности;

- обстоятельства, при которых было обнаружено данное преступление;

- информацию о лицах, причастных к совершению преступления (если она установлена), а также сведения о других участниках, объектах и средствах фиксации, включая материалы, характеризующие имущественное положение подозреваемых и свидетелей преступного события (если таковые известны);

- данные о местонахождении предметов и документов, которые могут являться вещественными доказательствами;

- любую другую информацию и обстоятельства, которые важны для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

При выявлении лица, осуществляющего снятие наличных денежных средств, следует провести оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ), направленные на установление используемого автотранспорта; используемых номеров мобильной связи; фактического места жительства; офисных помещений, посещаемых проверяемым лицом; круга лиц, которым проверяемый возвращает наличные денежные средства; круга связей проверяемого (потенциальные соучастники противоправной деятельности); фактической роли проверяемого.

Необходимо установить лиц, представляющих услуги по незаконному обналаживанию и транзитированию, их роль, месторасположение «контрольных» точек (помещения, где происходит управление расчетными счетами фиктивных организаций, выдача «черного нала», подписание фиктивных договоров), источники получения наличных денежных средств. Необходимо проведение таких оперативно-розыскных мероприятий, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, наружное наблюдение. В некоторых случаях целесообразно проведение внедрения в состав преступной группы в виде поставщика наличных денежных средств либо клиента деятельности по незаконному обналаживанию денежных средств [3, с. 3].

Для осуществления незаконных финансовых операций применяются передовые технологии, позволяющие скрывать места хранения конфиденциальной информации и выводить деньги в теневой оборот независимо от географического положения. В связи с этим Центральный банк Российской Федерации внес изменения в Положение «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств». Согласно новым положениям, кредитным организациям предписано сохранять сведения о IP-адресах клиентов системы «Банк-Клиент» не менее пяти лет. Наличие информации

об IP-адресе позволяет определить примерное географическое расположение объектов (квартира, офис, банк), где происходит незаконная деятельность, а также способствует проведению необходимых следственных и оперативных мероприятий для пресечения правонарушений и их документирования.

Проводить мероприятия в отношении юридических и физических лиц, подконтрольных фигурантам, целесообразно после того, как установлен круг участников преступной группы и в отношении них проведены ОРМ. Зачастую организаторы имеют связи с представителями налоговых органов и кредитных организаций. Также необходимо провести исследование имеющихся материалов проверки на предмет установления суммы дохода, полученного от противоправной деятельности [1, с. 5]. С учетом специфики исследуемой категории преступлений их успешное расследование возможно лишь при правильной организации взаимодействия с подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями, контрольными органами Центрального банка России. Представляется целесообразным привлечение специалиста в сфере банковской деятельности к расследованию преступлений анализируемой категории.

В рамках расследования преступлений данной категории важной задачей является выявление способов передачи наличных денег. Среди распространенных способов можно выделить следующие:

- Снятие наличных по чековым книжкам, предназначенным для выплаты заработной платы или ведения хозяйственных дел.
- Получение наличных через банковские карты или лицевые счета физических лиц.
- Передача денежных средств в незаконных расчетно-кассовых центрах.
- Использование депозитарных ячеек для хранения или передачи наличных денег.
- Передача наличных курьером и т. д.

В ходе следственных действий также необходимо установить источники получения наличных денежных

средств. Наиболее распространенными источниками «черного нала» являются индивидуальные предприниматели, осуществляющие оптовую торговлю продовольственными или хозяйственными товарами, получающими денежные средства на расчетные счета посредством безналичных переводов с фиктивных фирм — своего рода обмен безналичных денег на наличные. Также среди источников — деньги, собранные через пункты приема платежей за коммунальные услуги, штрафы, оплату мобильной связи и другие бытовые услуги.

Итак, стоит отметить, что в рамках методического обеспечения расследования незаконной банковской деятельности разработано немало алгоритмов и рекомендаций, которые отражают положительный опыт и наиболее эффективные формы оперативно-служебной деятельности.

— Проведение следственных мероприятий. Классические следственные действия — обыск, выемка, допрос — остаются незаменимыми. В цифровую эпоху особую роль приобретают электронные носители информации, которые поддаются тщательному анализу.

— Внедрение разведывательных методов. Обмен информацией между различными ведомствами — важный аспект борьбы с мошенническими схемами. Сотрудничество с финансовыми учреждениями и контролирующими структурами расширяет возможности своевременного выявления подозрительных операций и схем уклонения от налогов или легализации доходов. Внутренний контроль банковских структур способствует автоматизации выявления признаков противоправных действий и их пресечению.

— Правовые и организационные меры. Эффективность борьбы с незаконной деятельностью во многом зависит от наличия четкой правовой базы, регламентирующей порядок получения информации и проведения следственных действий. Законодательство о банковской тайне, процедуре изъятия информации и взаимодействии межведомственных структур обеспечивает законность и прозрачность расследования.

Литература:

1. Лозовский Д. Н. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере незаконной банковской деятельности, совершенных в составе организованной группы // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 2.
2. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/.
3. Сомов Н. С. Расследование незаконной банковской деятельности // Эпоха науки. 2017. № 9.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 20.02.2026 г. // СПС «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Правовая безопасность публичных сообщений органов прокуратуры в цифровой медиасреде: критерии оценки на материале официальных публикаций

Кирюхина Алина Михайловна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматривается взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации со средствами массовой информации через категорию правовой безопасности публичного сообщения. В отличие от традиционного подхода, при котором основное внимание уделяется формам взаимодействия прокуратуры и СМИ, в работе анализируется содержание самого публичного сообщения: его правовая допустимость, процессуальная нейтральность, степень защиты персональных данных и устойчивость к искажению в цифровой медиасреде. Эмпирическую основу исследования составили семь сообщений и информационных материалов, отражающих различные коммуникационные ситуации: проверку по публикации СМИ, защиту прав несовершеннолетних, восстановление трудовых прав, направление материалов в следственные органы, сообщение о коррупционном правонарушении, правопросветительский материал и комментарий по резонансной ситуации. Сделан вывод о необходимости перехода от описания форм взаимодействия прокуратуры со СМИ к разработке критериев правовой оценки публичных сообщений.

Ключевые слова: прокуратура, средства массовой информации, публичное сообщение, правовая безопасность, цифровая медиасреда, персональные данные, гласность.

Введение

Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации обычно описывается через набор организационных форм: пресс-релизы, интервью, брифинги, ответы на запросы редакций, публикации на официальных сайтах, выступления прокурорских работников, мониторинг сообщений СМИ. Такой подход отражает внешнюю сторону коммуникации, но не отвечает на более сложный вопрос: каким должно быть содержание публичного сообщения прокуратуры, чтобы оно одновременно обеспечивало гласность, не нарушало права граждан и сохраняло юридическую точность при распространении в медиасреде?

Этот вопрос особенно важен в условиях цифровизации. Публикация прокуратуры сегодня не остается только на официальном сайте. Она может быть процитирована интернет-СМИ, сокращена в новостной ленте, пересказана в Telegram-канале, обсуждена в социальных сетях и сопоставлена с неофициальными версиями события. Поэтому публичное сообщение прокуратуры становится не просто информационным материалом, а юридически значимым коммуникационным действием.

Актуальность темы определяется тем, что прокуратура действует в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [2]. При этом общество воспринимает результаты прокурорской деятельности не только через официальные акты реагирования, но и через публичные сообщения. Именно такие сообщения объясняют, почему прокуратура организовала проверку, какие нарушения выявлены, какие меры приняты и на какой стадии находится правовая оценка события.

Конституция Российской Федерации закрепляет свободу мысли и слова, свободу массовой информации и за-

прет цензуры [1]. Эти положения образуют общую конституционную рамку взаимодействия государства и СМИ. Однако гласность деятельности прокуратуры не является безусловной открытостью любых сведений. Она должна сочетаться с защитой персональных данных, соблюдением тайны предварительного расследования, охраной прав несовершеннолетних, процессуальной корректностью и недопустимостью преждевременной оценки виновности лица [5; 6].

Цель настоящей статьи — предложить критерии правовой безопасности публичных сообщений органов прокуратуры в условиях цифровой медиасреды.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- раскрыть публичное сообщение прокуратуры как самостоятельный объект правовой оценки;
- определить нормативную основу публичного информирования органов прокуратуры;
- проанализировать семь типовых сообщений и информационных материалов прокуратуры;
- предложить четырехкритериальную модель оценки публичного сообщения;
- выделить основные риски цифровой медиасреды;
- сформулировать предложения по совершенствованию публичной коммуникации прокуратуры.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при публичном информировании о деятельности органов прокуратуры. Предметом исследования выступают нормы законодательства, ведомственные акты, официальные сообщения прокуратуры и правовые риски их распространения.

Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-аналитический и структурно-функциональный методы. Дополнительно использован элемент контент-анализа официальных информационных материалов.

1. Методика и эмпирический материал исследования

Для того чтобы не ограничиваться общим описанием форм взаимодействия прокуратуры и СМИ, в статье использован материал семи публичных сообщений и информационных материалов, отражающих разные коммуникационные ситуации.

В качестве эмпирической базы рассмотрены:

- 1) сообщение о проверке по публикации СМИ в связи с причинением телесных повреждений несовершеннолетней [8];
- 2) подборка сообщений прокуратуры Москвы о защите прав детей [9];
- 3) сообщение о восстановлении трудовых прав работников коммерческой организации после вмешательства прокуратуры [10];
- 4) сообщение о направлении материалов проверки в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании [11];
- 5) сообщение о привлечении организации дорожной отрасли к ответственности за коррупционное правонарушение по ч. 2 ст. 19.28 КоАП РФ [12];
- 6) правопросветительский материал в форме плаката о гарантиях для предпенсионеров [13];
- 7) сообщение СМИ о проверке соблюдения прав журналистов и контроле ситуации со стороны органов прокуратуры [14].

Данные материалы не образуют статистически репрезентативную выборку всех сообщений органов прокуратуры. Их задача иная: показать разные типы публичной коммуникации и определить, какие правовые риски возникают в каждом из них. Поэтому исследование носит качественный, а не количественный характер.

Для анализа каждого сообщения использовались четыре критерия:

1. **Правовая допустимость раскрытия сведений** — можно ли публиковать соответствующую информацию с учетом закона.
 2. **Процессуальная нейтральность** — не создает ли сообщение впечатление предрешенности результата проверки или виновности лица.
 3. **Защита персональных данных** — исключена ли возможность идентификации гражданина, если такая идентификация не требуется.
 4. **Коммуникационная устойчивость** — сохраняет ли сообщение правовой смысл при цитировании, сокращении или пересказе в цифровой среде.
- Эти критерии позволяют оценивать не только форму сообщения, но и его юридическое качество.

2. Нормативные пределы публичного информирования прокуратуры

Правовая основа публичной коммуникации прокуратуры складывается из нескольких блоков.

Первый блок — конституционный. Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу мысли и слова, свободу массовой информации и запрещает цензуру [1]. Эти положения важны не только для журналистов, но и для прокуратуры: публичная власть должна учитывать самостоятельную роль СМИ в информировании общества.

Второй блок — законодательство о прокуратуре. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет назначение прокуратуры и принцип гласности ее деятельности [2]. Гласность в данном случае означает не рекламное освещение работы органа, а публичное информирование о состоянии законности, выявленных нарушениях и мерах прокурорского реагирования.

Третий блок — законодательство о СМИ. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» регулирует статус редакции и журналиста, свободу массовой информации, порядок запроса сведений и пределы осуществления журналистских прав [3]. Для прокуратуры это означает необходимость корректного взаимодействия с редакциями, но не автоматическое раскрытие любой информации по запросу СМИ.

Четвертый блок — законодательство о доступе к информации. Федеральный закон № 8-ФЗ исходит из принципа открытости информации о деятельности государственных органов [4]. Однако эта открытость реализуется в пределах компетенции соответствующего органа и с учетом установленных законом ограничений.

Пятый блок — законодательство о защите информации и персональных данных. Федеральные законы № 149-ФЗ и № 152-ФЗ требуют учитывать режим информации ограниченного доступа и правила обработки персональных данных [5; 6]. Для публичных сообщений прокуратуры это особенно существенно: сообщение может быть правомерным по цели, но неправомерным по объему раскрытых сведений.

Шестой блок — ведомственное регулирование. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 296 закрепляет организационные ориентиры взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью [7]. Для настоящего исследования данный акт важен не столько как перечень организационных обязанностей, сколько как источник требований к качеству сообщения: своевременности, достоверности, объективности и соблюдению ограничений на распространение сведений.

Иными словами, правовой режим публичного сообщения прокуратуры нельзя вывести из одного нормативного акта. Он формируется на пересечении открытости, обязанности информирования, права СМИ на получение информации и запрета на распространение отдельных сведений.

3. Публичное сообщение прокуратуры как объект правовой оценки

Официальное сообщение прокуратуры не является актом прокурорского реагирования в процессуальном смысле. Оно не заменяет протест, представление, поста-

новление, предостережение или исковое заявление. Однако его нельзя считать технической публикацией.

Публичное сообщение выполняет несколько функций.

Во-первых, оно сообщает обществу о реакции прокуратуры на событие. Например, в сообщении о проверке по публикации СМИ прокуратура указывает, что информация стала поводом для надзорных мероприятий [8]. Для граждан это означает, что сообщение СМИ не осталось без правовой оценки.

Во-вторых, публичное сообщение объясняет правовой смысл события. В трудовом примере речь идет не просто о конфликте работника и работодателя, а о невыплате заработной платы, окончательного расчета и компенсации за задержку выплаты [10]. Такая детализация позволяет увидеть правовую природу нарушения.

В-третьих, сообщение фиксирует процессуальную стадию. В примере о направлении материалов в следственные органы важно, что прокуратура не сообщает о виновности лица, а указывает на передачу материалов для решения вопроса об уголовном преследовании [11]. Такая формулировка показывает границу между прокурорской проверкой и уголовно-процессуальной оценкой.

В-четвертых, публичное сообщение может иметь профилактическое значение. Коррупционный пример, где организация привлечена к ответственности по ч. 2 ст. 19.28 КоАП РФ, показывает не только результат конкретного дела, но и общий сигнал о правовых последствиях незаконного вознаграждения от имени юридического лица [12].

В-пятых, сообщение может выполнять правопросветительскую функцию. Плакат о гарантиях для предпенсионеров не связан с конкретным делом, но направлен на повышение правовой информированности граждан [13].

Следовательно, публичное сообщение прокуратуры должно оцениваться не только как форма взаимодействия со СМИ, но и как самостоятельный правовой текст. Его качество определяется тем, насколько точно оно отвечает на вопросы: что произошло, что сделала прокуратура, какая правовая стадия наступила, какие сведения могут быть раскрыты, какие сведения должны остаться закрытыми.

4. Четырехкритериальная модель правовой безопасности публичного сообщения

На основе анализа нормативной базы и эмпирических материалов предлагается четырехкритериальная модель оценки правовой безопасности публичного сообщения прокуратуры.

4.1. Правовая допустимость раскрытия сведений

Первый критерий связан с вопросом: вправе ли прокуратура раскрыть соответствующую информацию?

В сообщении о проверке по публикации СМИ допустимо указать сам факт организации проверки, общий

предмет проверки и круг обстоятельств, которым будет дана оценка [8]. Однако избыточные детали о несовершеннолетнем, состоянии здоровья, семье или образовательной организации могут создать риск нарушения прав ребенка.

В трудовом сообщении допустимо раскрыть суть нарушения, размер задолженности и принятые меры реагирования [10]. При этом персональные данные конкретного работника не являются необходимыми для понимания правового смысла публикации.

Таким образом, правовая допустимость предполагает не только наличие основания для публикации, но и соразмерность объема раскрываемой информации.

4.2. Процессуальная нейтральность

Второй критерий — процессуальная нейтральность. Публичное сообщение не должно создавать впечатление, что прокуратура заранее установила виновность лица или предприняла итог проверки.

Наиболее чувствительны здесь сообщения о направлении материалов в следственные органы и коррупционных правонарушениях. В первом случае корректно указывать, что материалы направлены для решения вопроса об уголовном преследовании, а не утверждать о совершении преступления до соответствующего процессуального решения [11]. Во втором случае важно различать возбуждение дела об административном правонарушении, рассмотрение дела судом и назначение наказания [12].

Процессуальная нейтральность требует точного использования юридических стадий: проверка, внесение представления, возбуждение дела, направление материалов, судебное рассмотрение, вступление решения в силу. Если эти стадии смешиваются, публичное сообщение становится источником правового риска.

4.3. Защита персональных данных

Третий критерий связан с защитой персональных данных и иной информации, позволяющей идентифицировать гражданина.

Особенно высок риск в сообщениях о несовершеннолетних. Даже если имя ребенка не называется, идентификация может быть возможна через возраст, место происхождения, образовательную организацию, статус ребенка, обстоятельства конфликта или детали состояния здоровья [8; 9; 11]. Поэтому в подобных сообщениях важна не только формальная анонимизация, но и оценка совокупности раскрываемых признаков.

Тот же подход применим к трудовым спорам. Публикация о задолженности перед работниками может быть общественно значимой, но конкретный заявитель не должен становиться узнаваемым без необходимости [10].

В цифровой среде защита персональных данных усложняется тем, что пользователи могут сопоставлять официальное сообщение с публикациями в социальных сетях, комментариями очевидцев и локальными новостями. По-

этому прокуратуре необходимо учитывать не только то, что прямо указано в тексте, но и то, что может быть восстановлено по совокупности признаков.

4.4. Коммуникационная устойчивость

Четвертый критерий — устойчивость сообщения к искажению при распространении.

Официальное сообщение прокуратуры часто воспринимается не полностью. Читатель видит заголовок, короткую цитату, пересказ журналиста или фрагмент в социальной сети. Поэтому ключевой правовой смысл должен быть понятен даже при сокращении текста.

Например, фраза о том, что «проводится проверка», должна быть отделена от фразы о том, что «нарушение установлено». Сообщение о направлении материалов в следственные органы должно ясно показывать, что дальнейшее процессуальное решение принимает уполномоченный орган [11]. В коррупционном сообщении важно указание на результат рассмотрения дела судом, поскольку именно это снижает риск восприятия публикации как преждевременной оценки [12].

Коммуникационная устойчивость не означает упрощение правового текста до бытового языка. Она означает такую структуру сообщения, при которой юридический смысл не разрушается при последующем цитировании.

5. Анализ типовых коммуникационных ситуаций

Рассмотренные примеры позволяют выделить несколько типовых коммуникационных ситуаций.

5.1. Проверка по публикации СМИ

Сообщение о проверке по публикации СМИ показывает, что СМИ могут выступать не только каналом распространения информации прокуратуры, но и источником сигнала о возможном нарушении закона. В березовском примере прокуратура организовала проверку после сообщения СМИ о причинении телесных повреждений школьнице [8].

Сильная сторона такого сообщения — оперативная фиксация реакции прокуратуры. Общество получает подтверждение, что ситуация находится в поле надзорного внимания.

Основной риск — преждевременное восприятие изложенных обстоятельств как установленных фактов. Поэтому особенно важны формулировки «по сообщению СМИ», «согласно публикации», «проводится проверка», «будет дана оценка». Они отделяют первичную информацию от результата прокурорской проверки.

5.2. Защита прав несовершеннолетних

Материалы о защите прав детей обладают высокой социальной значимостью [9]. Они демонстрируют, что про-

куратура реагирует на нарушения прав наиболее уязвимых категорий граждан.

Однако именно эта категория сообщений требует максимальной осторожности. Ребенок не должен становиться объектом публичной идентификации. При описании нарушения важно не превращать правовое информирование в подробное изложение личной ситуации несовершеннолетнего.

Для таких сообщений целесообразно использовать принцип минимальной достаточности: раскрывать только те сведения, которые необходимы для понимания характера нарушения и принятых мер.

5.3. Восстановление трудовых прав

Сообщение о восстановлении трудовых прав работников коммерческой организации показывает практическую пользу прокурорского реагирования [10]. В нем есть понятный результат: задолженность погашена, внесено представление, возбуждены дела об административном правонарушении.

Правовой риск здесь ниже, чем в сообщениях о несовершеннолетних или уголовном преследовании. Однако сохраняется риск избыточного раскрытия данных о работнике-заявителе и работодателе. Кроме того, трудовые сообщения должны быть достаточно ясными для граждан: важно показать, какие действия работодателя нарушают закон и какие способы защиты доступны работнику.

5.4. Направление материалов в следственные органы

Сообщения о направлении материалов проверки в следственные органы находятся в зоне повышенного процессуального риска [11]. Они показывают, что прокуратура выявила обстоятельства, требующие уголовно-правовой оценки, но не должна подменять собой следствие и суд.

Главное требование к таким сообщениям — точное обозначение стадии. Формулировка о направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании является более корректной, чем категоричное утверждение о совершении преступления. Если после рассмотрения материалов возбуждено уголовное дело, это также должно быть описано как процессуальный факт, а не как итоговая оценка виновности.

5.5. Коррупционное правонарушение

Коррупционные сообщения имеют выраженный профилактический эффект. Пример о привлечении организации дорожной отрасли к ответственности по ч. 2 ст. 19.28 КоАП РФ показывает, что прокуратура информирует не только о факте нарушения, но и о правовом последствии — назначении административного штрафа [12].

Риск таких сообщений состоит в возможном репутационном воздействии на лиц и организации до окончатель-

ного правового решения. Поэтому наиболее безопасной является ситуация, когда в публикации четко указано, что дело рассмотрено судом и наказание назначено. Это повышает процессуальную надежность сообщения.

5.6. Правопросветительское сообщение

Правопросветительские материалы отличаются от сообщений о проверках тем, что они не связаны с конкретным конфликтом. Плакат о гарантиях для предпринимателей иллюстрирует профилактическую и просветительскую функцию прокуратуры [13].

Риски здесь иные. Главный риск — формальность и низкая практическая полезность. Правопросветительское сообщение должно отвечать на вопросы гражданина: какие права у него есть, куда обращаться, какие документы потребуются, какие действия работодателя или должностного лица незаконны.

5.7. Комментарий по резонансной ситуации

Комментарий по резонансной ситуации отличается тем, что прокуратура действует в условиях уже сформированной или быстро формирующейся общественной повестки. Пример с проверкой информации о соблюдении прав журналистов показывает, что прокуратура может выступать гарантом правового контроля в ситуации общественного внимания [14].

Главный риск здесь — коммуникационный вакуум. Если официальная позиция появляется слишком поздно, общественная оценка формируется без учета проверенных сведений. Но противоположный риск также существенен: слишком быстрый комментарий без проверки обстоятельств может оказаться юридически неточным.

Поэтому резонансная коммуникация требует двухступенчатой модели: сначала — короткое подтверждение факта проверки или контроля ситуации, затем — более содержательное сообщение по мере установления обстоятельств.

6. Типология рисков публичных сообщений прокуратуры

На основании анализа рассмотренных материалов можно выделить шесть основных рисков.

Первый риск — риск незаконного раскрытия информации. Он возникает при публикации сведений, которые относятся к персональным данным, тайне проверки, тайне предварительного расследования или иной информации ограниченного доступа.

Второй риск — риск преждевременной правовой оценки. Он появляется тогда, когда сообщение фактически формирует вывод о нарушении или виновности до завершения установленной процедуры.

Третий риск — риск нарушения презумпции невиновности. Особенно он характерен для сообщений о ма-

териалах, переданных в следственные органы, и делах коррупционной направленности.

Четвертый риск — риск идентификации гражданина. В сообщениях о детях, потерпевших, заявителях и социально уязвимых гражданах важно учитывать не только прямое указание имени, но и косвенные признаки.

Пятый риск — риск медиадеформации. Сообщение прокуратуры может быть сокращено или пересказано так, что его правовой смысл изменится. Этот риск особенно высок в Telegram-каналах и коротких новостных форматах.

Шестой риск — риск формального информирования. Публикация может быть юридически корректной, но непонятной для гражданина. В таком случае принцип гласности реализуется формально, а правопросветительский эффект не достигается.

Эти риски показывают, что качество взаимодействия прокуратуры со СМИ нельзя измерять только количеством публикаций. Более важным становится вопрос: насколько каждое сообщение выдерживает проверку на правовую точность, понятность и устойчивость к искажению.

7. Практические критерии подготовки публичного сообщения

Для повышения качества публичной коммуникации прокуратуры целесообразно использовать проверочный алгоритм.

Первый критерий — ясность цели. Перед публикацией необходимо определить, зачем выпускается сообщение: подтвердить реакцию прокуратуры, сообщить о результате проверки, разъяснить закон, предупредить нарушения или снизить информационную неопределенность.

Второй критерий — указание процессуальной стадии. В сообщении должно быть понятно, идет ли проверка, внесено ли представление, возбуждено ли дело, направлены ли материалы, вынесено ли судебное решение.

Третий критерий — минимизация персональных данных. Если цель сообщения может быть достигнута без персонализации, сведения должны быть обезличены.

Четвертый критерий — разделение факта и правовой оценки. Следует отдельно указывать, какие обстоятельства установлены, какие проверяются, какие решения уже приняты, а какие еще могут быть приняты.

Пятый критерий — понятность для неспециалиста. Юридическая точность не должна исключать доступность. Гражданин должен понимать, какое право нарушено и каким образом прокуратура отреагировала.

Шестой критерий — устойчивость заголовка. Заголовки часто воспринимаются отдельно от текста. Поэтому он не должен содержать формулировок, которые преувеличивают результат или создают впечатление завершённой правовой оценки.

Седьмой критерий — пригодность к цитированию. Сообщение должно содержать фразы, которые могут быть

безопасно процитированы без утраты смысла. Это особенно важно для резонансных материалов.

Такой алгоритм не требует изменения законодательства. Он может применяться как внутренний стандарт подготовки публичных сообщений и как элемент повышения медиакомпетентности прокурорских работников.

8. Ограничения исследования

Настоящее исследование имеет несколько ограничений.

Во-первых, анализ основан на семи примерах публичных сообщений и информационных материалов. Этого достаточно для качественной типологизации рисков, но недостаточно для количественных выводов о практике всех органов прокуратуры.

Во-вторых, в статье не проводится сравнение сообщений прокуратур всех субъектов Российской Федерации за определенный период. Такая работа потребовала бы отдельного контент-анализа с заранее заданной выборкой.

В-третьих, оценка сообщений проводится с точки зрения правовой безопасности и коммуникационной устойчивости, а не с точки зрения эффективности прокурорского реагирования по существу конкретных дел.

В-четвертых, статья не рассматривает внутренние процедуры согласования сообщений, поскольку соответствующие организационные детали не всегда доступны из открытых источников.

Указанные ограничения не снижают значимость исследования, но определяют границы его выводов. Перспективным направлением дальнейшей работы может стать сравнительный анализ официальных сообщений прокуратур субъектов Российской Федерации по единой шкале критериев.

Заключение

В условиях цифровой медиасреды взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации требует перехода от описательного подхода к оценочному. Недостаточно перечислить формы взаимодействия про-

куратуры и СМИ. Необходимо анализировать, насколько каждое публичное сообщение является правомерным, точным, процессуально нейтральным, понятным и устойчивым к искажению.

Публичное сообщение прокуратуры следует рассматривать как юридически значимое коммуникационное действие. Оно не является актом прокурорского реагирования, но влияет на общественное восприятие состояния законности, понимание прав граждан и доверие к государственным институтам.

Проведенный анализ семи типов сообщений показывает, что разные коммуникационные ситуации создают разные риски. Проверка по публикации СМИ требует осторожного отделения сведений СМИ от установленных прокуратурой обстоятельств. Сообщения о несовершеннолетних требуют повышенной защиты персональных данных. Трудовые сообщения должны быть понятны гражданам и показывать практический результат защиты прав. Материалы, связанные с уголовно-правовой оценкой, требуют процессуальной нейтральности. Коррупционные сообщения должны учитывать риск репутационного воздействия. Правовосветительские материалы должны быть практически полезными. Резонансные комментарии требуют баланса между оперативностью и проверенностью информации.

Предложенная четырехкритериальная модель правовой безопасности публичного сообщения включает: правовую допустимость раскрытия сведений, процессуальную нейтральность, защиту персональных данных и коммуникационную устойчивость. Ее применение может повысить качество публичной коммуникации прокуратуры и снизить риски нарушения прав граждан, распространения непроверенной информации и искажения официальной позиции.

Таким образом, современное взаимодействие прокуратуры со СМИ должно развиваться не как механическое увеличение числа публикаций, а как система юридически выверенного публичного информирования. Такая система способна одновременно обеспечивать гласность, правовое просвещение, профилактику нарушений и защиту охраняемой законом информации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
3. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
4. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3448.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3451.

7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
8. В Березовском прокуратура организовала проверку по сообщению СМИ о нанесении телесных повреждений 8-летней школьнице // Официальный сайт прокуратуры Свердловской области. Дата публикации: 02.06.2026.
9. Новости защиты прав детей // Официальный сайт прокуратуры города Москвы.
10. После вмешательства прокуратуры восстановлены трудовые права работников коммерческой организации // Официальный сайт прокуратуры города Москвы. Дата публикации: 02.06.2026.
11. В г. Санкт-Петербурге по материалам проверки прокуратуры возбуждено уголовное дело об истязании ребенка-сироты // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Дата публикации: 23.08.2021.
12. В Краснодарском крае организация дорожной отрасли оштрафована на 10 млн рублей за коррупционное правонарушение // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Дата публикации: 13.03.2026.
13. Плакат «Гарантии для предпенсионера» подготовлен аппаратом прокуратуры и распространен на территории области в рамках правопросветительского месячника «Знать свои права» // Официальный сайт прокуратуры Свердловской области. Дата публикации: 03.06.2020.
14. Права журналистов теперь под контролем прокуроров // Вести.ру. Дата публикации: 12.07.2002.
15. Практика взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации, общественностью и правового обеспечения: сборник материалов семинара по обмену опытом / под общ. ред. Э. Б. Хатова. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 92 с.
16. Мартынова Ю. А. Особенности взаимодействия прокуратуры со средствами массовой информации // Инновационная наука. — 2019. — № 5. — С. 144–146
17. Кульмашева И. Ф. Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации в сфере правового просвещения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2011. №5 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-organov-prokuratury-so-sredstvami-massovoy-informatsii-v-sfere-pravovogo-prosvescheniya> (дата обращения: 20.06.2026).
18. Яцуценко В. В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 187–193.
19. Дружинина Д. С., Термелева А. Е. Перспективы развития информационной открытости государственных органов Российской Федерации // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция. 2022. Т. 2. С. 366–367.

Защита персональных данных в условиях цифровизации

Копцова Ксения Сергеевна, студент

Научный руководитель: Долган Ангелина Радионовна, преподаватель

Колледж права, экономики и управления г. Краснодара

В статье рассматриваются современные проблемы защиты персональных данных в условиях цифрового общества. Анализируются правовые основы регулирования в России, статистика преступлений, связанных с незаконным использованием данных, а также риски применения биометрических технологий. Особое внимание уделяется вопросам безопасности цифровых платформ и необходимости совершенствования механизмов защиты персональной информации.

Ключевые слова: персональные данные, цифровизация, информационная безопасность, биометрические данные, утечка данных, киберпреступность, правовое регулирование.

В эпоху цифровых технологий обеспечение безопасности личных данных приобретает особую значимость, поскольку объем информации постоянно увеличивается, она обрабатывается в электронных форматах, а развитие технологий создает новые угрозы.

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» является основным нормативным документом, регулирующим порядок обработки личной

информации в РФ. [1] Этот закон формирует правовую базу для работы с персональными данными граждан в целях обеспечения их конституционных прав, таких как право на защиту частной жизни и сохранение личной и семейной тайны.

Персональные данные — это любая информация, которая относится к физическому лицу прямо или косвенно и позволяет его идентифицировать. К ним относятся имя,

адрес, номер телефона, данные о местоположении, биометрические сведения и многое другое.

Среди ключевых вызовов в сфере защиты персональных данных выделяются утечки информации, которые могут привести к кражам больших объёмов данных, мошенничеству и шантажу. Особенно опасны геолокационные сведения и фотографии, используемые для слежки или планирования физических преступлений. Даже обезличенные данные не являются полностью безопасными, поскольку современные аналитические технологии позволяют идентифицировать их и восстановить личность владельца. Важной проблемой также остается недостаточная осведомлённость граждан: многие люди не осознают риски, связанные с небрежным обращением с личной информацией, и не знают, как обеспечить её безопасность в цифровом пространстве. Все эти факторы подчеркивают необходимость повышения уровня информированности и усиления мер защиты персональных данных.

В 2025 году, по данным Министерства внутренних дел РФ, было зарегистрировано 923 преступления, связанных с незаконным использованием, сбором и передачей персональных данных в соответствии со статьей 272.1 УК РФ. Эта статья начала действовать в декабре 2024 года и регулирует противоправные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные сведения. В рамках данной нормы предусмотрена ответственность за неправомерное использование, передачу, сбор и хранение персональных данных, а также за создание ресурсов для их распространения. Санкции по статье могут включать штрафы, исправительные или принудительные работы, ограничение свободы, а в наиболее тяжелых случаях — лишение свободы сроком до восьми лет.

В России существует Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), известный как «Госуслуги», — ключевая цифровая платформа для предоставления государственных услуг в электронном формате. Он аккумулирует значительный объём персональных данных граждан и организаций, обеспечивая доступ к сотням сервисов — от записи к врачу до регистрации бизнеса. В то же время, этот портал является одним из главных источников потенциальной утечки персональных данных, что делает его уязвимой точкой в системе защиты информации.

Создание и функционирование портала «Госуслуги» регламентируется рядом ключевых нормативных правовых актов: Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [2] и Постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 года № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронном виде государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)». [3]

Эти нормативные акты определяют правовые основы и технические требования, регулирующие работу портала

и обеспечивающие его функционирование в рамках правового поля.

На портале «Госуслуги» хранится обширный массив персональных данных, необходимый для идентификации пользователей и оказания услуг. Обеспечение их безопасности является приоритетом для защиты прав граждан и предотвращения несанкционированного доступа или утечки информации. Надёжная система защиты данных на портале — ключевой элемент доверия к электронным государственным услугам.

В свете этого, важно отметить, что в России предпринимаются шаги по развитию и совершенствованию системы безопасности. Так, президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон от 7 июня 2025 года № 133-ФЗ «О внесении изменения в статью 36.2 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости». Этот закон предусматривает возможность использования биометрии при совершении дистанционных сделок с недвижимостью, что повышает уровень безопасности и удобство для граждан. Закон вступит в силу с 1 июля 2026 года.

Однако, использование биометрических данных при заключении сделок с недвижимостью, как и в других сферах, несёт ряд серьёзных рисков с точки зрения защиты персональных данных. Основные угрозы связаны с возможной компрометацией данных, техническими возможностями злоумышленников использовать эти данные в корыстных целях и организационными уязвимостями в системах их хранения и обработки. Таким образом, внедрение биометрии в такие процессы может быть не только полезным, но и небезопасным без должных мер по обеспечению их защиты.

В соответствии со статьей 11 Федерального закона «О персональных данных», биометрические персональные данные — это сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, по которым можно установить его личность (биометрические персональные данные), и которые оператор использует для определения личности субъекта персональных данных. Биометрические данные (отпечатки пальцев, изображение лица, голосовая запись) являются уникальными и неизменными — их невозможно заменить, как пароль или номер телефона. В случае утечки таких данных восстановить контроль над ними невозможно, что позволяет злоумышленникам использовать их для несанкционированного доступа к аккаунтам, совершения сделок или иных действий от имени владельца.

Риск утечек происходит из-за взлома баз данных, ошибок при передаче информации между системами, действий недобросовестных сотрудников или недостаточной защиты. Централизованное хранение биометрических данных в Единой биометрической системе (ЕБС) увеличивает эти риски: взлом такой системы может привести к массовой утечке данных.

Мошенники используют фотографии, видеоматериалы, синтезированный голос и технологии дипфейков для об-

хода систем авторизации, основанных на биометрии. Например, с помощью нейросетей можно создать убедительные имитации голоса или лица, которые системы могут принять за настоящих пользователей. Несмотря на то, что современные биометрические системы используют алгоритмы для выявления подделок (например, проверку «живости»), хорошо выполненные имитации все же могут обойти такие меры, особенно при наличии значительных ресурсов.

Объединение биометрических сведений в единую систему увеличивает вероятность угроз в случае её взлома. Любые базы данных уязвимы, особенно централизованные хранилища, которые привлекают злоумышленников благодаря объему содержащейся информации. Однако не все организации, работающие с биометрией, придерживаются необходимых мер по обеспечению её безопасности.

Использование биометрических данных при сделках с недвижимостью не исключает возможности мошенничества. Например, украденные или скомпрометированные биометрические сведения могут быть использованы для оформления сделок удалённо, без ведома владельца, что может привести к незаконному отчуждению имущества. Кроме того, остаются актуальными угрозы в виде фишинга, социального инжинерии и других методов обмана, которые могут сочетаться с применением украденных биометрических данных.

Абсолютная безопасность персональных данных сможет быть обеспечена тогда, когда будут созданы технические механизмы защиты данных от утечки, атак злоумышленников, а также усовершенствованы механизмы, позволяющие контролировать каналы передачи персональных данных. Однако возможно уже сейчас предложить проведение ряда мероприятий, способствующих обеспечению лучшей защищенности персональных данных, в частности:

1. Совершенствование законодательства (усиление ответственности за незаконный оборот персональных

данных, уточнение правил обработки биометрических данных).

2. Технологические меры: (внедрение многофакторной аутентификации, использование шифрования данных, повышение уровня кибербезопасности государственных систем).

3. Повышение цифровой грамотности населения (обучение граждан защите персональной информации, информирование о рисках в интернете).

В перспективе развитие цифровых технологий, включая искусственный интеллект, большие данные и биометрические системы идентификации, будет сопровождаться дальнейшим увеличением объемов персональной информации. Это требует постоянного совершенствования правового регулирования, внедрения современных средств защиты информации и повышения уровня цифровой культуры общества.

Несмотря на существование в Российской Федерации развитой нормативно-правовой базы, регулирующей обработку персональных данных, включая Федеральный закон «О персональных данных», современные условия цифровизации требуют постоянного совершенствования механизмов их защиты. Особое внимание должно уделяться вопросам безопасности государственных информационных систем, повышению уровня защиты биометрических данных, а также предотвращению несанкционированного доступа к информационным ресурсам.

Таким образом, в условиях стремительной цифровизации защита персональных данных становится одним из ключевых направлений государственной политики и правового регулирования. Увеличение объема обрабатываемой информации, развитие цифровых платформ и внедрение биометрических технологий создают новые риски утечки и неправомерного использования персональных данных. В этих условиях особое значение приобретает совершенствование механизмов правовой защиты, а также развитие современных технологий информационной безопасности.

Литература:

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
2. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
3. Постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Официальный интернет — сайт МВД России // <https://мвд.рф>
5. Портал государственных услуг Российской Федерации // <https://www.gosuslugi.ru/>

Зарубежный опыт правового регулирования доходов бюджетов и возможности его адаптации в России

Королева Екатерина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется зарубежный опыт правового регулирования бюджетных доходов (на примере США, Германии, Франции и скандинавских стран) и возможности его адаптации в России. Рассмотрены ключевые модели налогового регулирования, механизмы межбюджетных отношений и инструменты бюджетирования, ориентированного на результат (БОР), а также подходы к цифровизации процессов. Статья будет полезна экономистам, финансистам, госслужащим и исследователям в области бюджетного права.

Ключевые слова: доходы бюджета, налоговая система, доходы бюджета, бюджетное регулирование, НДС, межбюджетные отношения, налоговая система.

Foreign experience in legal regulation of budget revenues and its potential adaptation in Russia

Koroleva Yekaterina Yuryevna, master's student

Scientific advisor: Zakharova Viktoriia Alekseevna, candidate of legal sciences, associate professor

Moscow University of Finance and Law

The article analyzes foreign experience in the legal regulation of budget revenues (using the example of the United States, Germany, France, and the Scandinavian countries) and the possibilities of its adaptation in Russia. It examines key models of tax regulation, mechanisms of interbudgetary relations, and tools of results-oriented budgeting (ROB), as well as approaches to the digitalization of processes. The article will be useful for economists, financiers, civil servants, and researchers in the field of budget law.

Keywords: budget revenues, tax system, budget revenues, budget regulation, interbudgetary relations, tax system.

Зарубежный опыт правового регулирования доходов бюджетов включает разнообразные модели налогового регулирования, механизмы межбюджетных отношений, подходы к бюджетному планированию и контролю.

Адаптация данных практик в России требует учета специфики российской бюджетной системы, уровня экономического развития и федерального устройства.

В мире выделяют всего две модели налогового регулирования, одна из них — американская (США, Канада).

В американской модели преобладают прямые налоги (налог на доходы физических лиц и корпоративный налог). Но в США преимуществом является, что они имеют право устанавливать собственные налоги, при этом федеральное законодательство не содержит единого перечня федеральных, региональных и местных налогов.

Тем самым можно сделать вывод, что в американской системе идет установление прямых налогов, присутствует значительная автономия регионов в установлении собственных налогов, преобладание гибкой системы налоговых льгот для стимулирования инвестиций.

Второй моделью налогового регулирования является — европейская (Франция, Германия). В данной модели преобладает высокая доля косвенных налогов (НДС и акцизы). Во Франции НДС составляет примерно 80 % всех видов налогов, общая доля налоговых поступлений превышает 90 %.

Тем самым в европейской модели налогового регулирования высокой долей являются косвенные налоги, идет жесткое централизованное регулирование налоговых ставок и правил, развитие системы социальных отчислений.

Существуют конкретные примеры зарубежных практик, например США. В США децентрализованная система межбюджетных отношений, где штаты и муниципалитеты имеют значительную самостоятельность в установлении местных налогов. В данном государстве используют блоки-гранты и категориальные гранты для финансирования целевых программ. Для стимулирования инвестиций в приоритетные отрасли используются налоговые льготы для корпораций (т. е. ускоренная амортизация, налоговые кредиты).

Европейской моделью налогового регулирования является Франция, где высокой долей является НДС в структуре бюджетных доходов (примерно 80 % всех косвенных налогов). Во Франции активно внедряют бюджетирование, где ориентирование на результат: парламент голосует по бюджетным расходам в разрезе стратегических миссий, присутствует жесткий контроль над соблюдением налоговых обязательств.

Для того чтобы Российская Федерация адаптировалась исходя из зарубежного опыта нужно:

— **Совершенствование налоговой системы**, то есть внедрение элементов прогрессивной шкалы налогообложения физических лиц (по примеру многих европейских

стран и США), что позволит повысить социальную справедливость и увеличить поступление в бюджет;

Оптимизировать соотношения прямых и косвенных налогов с целью снижения нагрузки на конечных потребителей;

Расширение налоговых льгот для инновационных и инвестиционных проектов (аналогия с американской практикой).

— **Развитие межбюджетных отношений**, то есть адаптация немецкого механизма вертикального выравнивания через более гибкое распределение НДС между федеральными и региональными уровнями;

Внедрение системы целевых грантов для финансирования конкретных программ и проектов с четким контролем расходования средств;

Усиление горизонтального выравнивания между регионами через трансферы для сокращения дисбаланса в бюджетной обеспеченности.

— **Внедрение бюджетирования, ориентированного на результат**, то есть развитие системы показателей эффективности деятельности органов власти с акцентом на качество, а не количество (по примеру Франции);

Интеграция стратегических планов и бюджетных расходов для обеспечения прозрачности и подотчетности;

Обучение государственных служащих новым методам планирования и контроля.

— **Цифровизация и прозрачность**, то есть использование цифровых платформ для налогового администрирования и мониторинга бюджетных доходов (скандинавский опыт);

Повышение открытости информации о формировании и использовании бюджетных средств для усиления общественного контроля.

При внедрении зарубежных практик могут возникнуть сложности в адаптации, поэтому необходимо учитывать следующие факторы:

— различие в уровне экономического развития и структуре экономики;

— особенности федеративного устройства России и распределения полномочий между уровнями власти;

— необходимость сохранения макроэкономической стабильности при реформировании налоговой системы;

— возможные социальные последствия изменений в налогообложении (особенно при введении прогрессивной шкалы);

— потребность в подготовке квалифицированных кадров для работы с новыми инструментами бюджетного управления.

Зарубежный опыт правового регулирования бюджетных доходов содержит множество эффективных практик, которые могут быть полезны для совершенствования российской бюджетной системы. Однако их адаптация должна быть избирательной и учитывать национальные особенности: постепенное внедрение прогрессивного налогообложения; совершенствование межбюджетных отношений с использованием лучших практик Германии и США; дальнейшее развитие бюджетирования ориентированного на результат; цифровизация налогового администрирования и повышения прозрачности бюджетных процессов.

Успешная адаптация зарубежного опыта позволит повысить эффективность формирования бюджетных доходов, обеспечить более справедливое распределение финансовых ресурсов между регионами и создать условия для устойчивого экономического роста.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145 — ФЗ// СПС «Консультант Плюс».
2. Европейская хартия о местном самоуправлении: ETS № 122 (принята в г. Страсбург 15 окт. 1985 г. Советом Европы): ратифицирована ФЗ от 11 апр. 1998 г. № 55-ФЗ: вступила в силу для Рос. Федерации 1 сент. 1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 36. — Ст. 4466
3. Фискальный и бюджетный федерализм: две системы управления публичными финансами. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiskalnyy-i-byudzhetnyy-federalizm-dve-sistemy-upravleniya-publicnymi-finansami> (дата обращения: 14.06.2026).
4. Бюджетная система США. — Текст: электронный // Википедия: Свободная энциклопедия. — <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 13.06.2026).
5. Токаева, С. К. Проблемы формирования местных бюджетов / С. К. Токаева — Текст: непосредственный // Научные известия. — 2016. — № 4. — с. 48–51

Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности в сети

Кошелева Ксения Александровна, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуется системная коллизия между территориальным характером норм права интеллектуальной собственности и трансграничной архитектурой сети Интернет. Проанализированы ключевые пробелы правоприменительной практики. Обоснована недостаточность традиционных репрессивных мер в условиях распространения генеративного искусственного интеллекта. Сформулирован вывод о необходимости смены вектора охраны.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, сеть Интернет, информационные посредники, цифровое пиратство, генеративный искусственный интеллект, трансграничные споры, цифровые доказательства.

Legal Protection of Intellectual Property Online

The article examines the systemic conflict between the territorial nature of intellectual property law and the transnational architecture of the Internet. Key gaps in judicial and enforcement practice are analyzed. The insufficiency of traditional repressive measures amid the proliferation of generative artificial intelligence is substantiated. A conclusion is drawn regarding the necessity of a paradigm shift in IP protection.

Keywords: intellectual property, Internet, information intermediaries, digital piracy, generative artificial intelligence, cross-border disputes, digital evidence.

Интеллектуальная собственность (далее — ИС) как правовой феномен относится к числу наиболее сложных конструкций в юриспруденции [1]. В отличие от вещного права, где объект защиты имеет физическую оболочку и локализован в пространстве, объекты ИС нематериальны. Их природа дуалистична, поскольку это одновременно результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, существующие, лишь в момент их восприятия или использования.

История правового регулирования ИС насчитывает более трех столетий. Отсчет традиционно ведут от Статута королевы Анны (1710 г.), впервые закрепившего авторские права, и последующего развития патентного права в эпоху промышленной революции. Фундамент современной международной системы заложен Парижской (1883 г.) и Бернской (1886 г.) конвенциями.

Теоретическая проблема ИС заключается в искусственном создании дефицита. Информация по своей экономической природе неконкурентна: ее потребление одним лицом не уменьшает доступность для других. Право ИС внедряет в эту среду механизм исключительности, предоставляя автору временную монополию для стимулирования творчества и инноваций. Баланс между интересами правообладателя и общественным достоянием исторически выстраивался для материальных носителей, где копирование требовало значительных затрат времени и ресурсов [1].

С распространением сети Интернет система претерпела кардинальные изменения. Цифровая среда нивелировала стоимость копирования и распространения, сделав их мгновенными и глобальными. В результате правовая охрана объектов ИС в интернете превратилась в зону перманентного конфликта, где классические пра-

вовые догмы сталкиваются с особенностями киберпространства [1].

Собственно ситуация порождена несоответствием масштабов. Законы об интеллектуальной собственности строго территориальны: они действуют исключительно в пределах юрисдикции государства, их принявшего. Интернет же по своей архитектуре атерриториален и глобален [1].

Асимметрия порождает каскад производных проблем правоприменения. К примеру, правообладатель обнаруживает нарушение; сервер, физически хранящий контент, расположен в дата-центре в Нидерландах; доменное имя зарегистрировано через регистратора на Кипре или в «серой» зоне; бенефициарный владелец сайта проживает в США или использует подставные лица в юрисдикциях со слабым правовым контролем [12].

Закономерно возникает сложный вопрос о подсудности. Российский суд, руководствуясь ст. 1252 ГК РФ, может принять решение о пресечении действий, нарушающих исключительное право, и вынести определение о блокировке [1]. Исполнение данного решения за рубежом требует процедуры экзекватуры. На практике это упирается в отсутствие двусторонних договоров о правовой помощи или в публичный порядок иностранного государства. Зарубежные хостинг-провайдеры игнорируют решения национальных судов, не подкрепленные актами их собственной юрисдикции. Правообладатель оказывается в правовом вакууме, вынужденный инициировать дорогостоящие процедуры в иностранных судах, что экономически нецелесообразно при большинстве нарушений.

Ситуацию усугубляет сущность интернета, изначально проектировавшаяся с учетом устойчивости и децентрализации, что сегодня играет на руку нарушителям. Идентификация нарушителя стала одной из самых ресурсоемких

задач. Использование офшорных хостингов, оплата услуг криптовалют, регистрация доменов на «дропов» и применение анонимных сетей делают установление субъекта нарушения практически невозможным в досудебном порядке [1].

Дополнительное напряжение создает позиция информационных посредников. Хостинг-провайдеры, регистраторы и социальные сети формально подчиняются законам, но на практике выстраивают бюрократические барьеры. Получая претензию от правообладателя, они зачастую отказывают в раскрытии данных пользователя, ссылаясь на законодательство о защите персональных данных или на тайну связи [5]. Парадокс заключается в том, что нормы, созданные для защиты приватности граждан, используются пиратскими структурами как щит, легитимизирующий бездействие посредника.

Скорость цифровых процессов также несовместима с темпами традиционного судопроизводства [12]. Цифровой контент может быть тиражирован на миллионы устройств за секунды. К моменту, когда правообладатель фиксирует нарушение и получает судебный акт о принятии обеспечительных мер, экономический ущерб уже нанесен.

Борьба с пиратскими сайтами напоминает известную аркадную игру. Как только Роскомнадзор вносит домен в реестр запрещенных сайтов, владельцы ресурса в течение нескольких часов разворачивают десятки «зеркал» — то есть точные копии веб-сайта, размещенные на другом доменном адресе и/или на другом сервере. Правоприменительная машина заведомо проигрывает в скорости автоматизированным скриптам нарушителей [15].

В этом контексте показательна статья 1253.1 Гражданского кодекса РФ, устанавливающая, что информационный посредник не несет ответственности за нарушение ИС, если он не инициировал передачу информации и не знал о нарушении [4]. Принцип, известный как «Notice-and-Takedown» (уведомление и удаление), на практике работает со значительными сбоями.

Во-первых, наблюдается выраженный формализм. Крупные платформы требуют вступившего в силу судебного решения, чтобы полностью исключить свои риски, перекладывая тяжесть судебных издержек на правообладателя [13].

Во-вторых, размываются границы нейтральности посредника. Если видеохостинг с помощью алгоритмов активно продвигает пиратское видео и монетизирует его, можно ли считать его действия «техническим» предоставлением места в сети. Современное право пока не дает четкого ответа на вопрос о степени ответственности алгоритмических кураторов контента [5].

Отдельного внимания требует процессуальное право, требующее надлежащей фиксации доказательств. В интернете доказательственная база крайне неустойчива: веб-страница может быть удалена за доли секунды. Обычный скриншот суды все чаще признают недопустимым доказательством ввиду легкости его фальсификации [14].

Для обеспечения доказательственной силы необходим нотариальный осмотр сайта или использование специализированных сервисов веб-архивации с применением усиленной квалифицированной электронной подписи и хешированием данных. Эти процедуры требуют значительных финансовых затрат, что создает де-факто неравенство сторон перед законом [14].

Право по своей природе реактивно и неизбежно отстает от технологий. В цифровой среде этот разрыв стал критическим, породив новые правовые коллизии.

Использование защищенных авторским правом текстов и изображений для обучения нейросетей ставит под сомнение основы авторского права [2, 3]. Правообладатели утверждают, что это массовое нарушение прав на воспроизведение. Разработчики ИИ апеллируют к доктрине добросовестного использования. Кроме того, не решен вопрос авторства на результат, созданный ИИ [2]. Ситуацию усложняет асимметрия пользовательских соглашений ведущих платформ. В платных версиях сервисов исключительные права на сгенерированный контент, как правило, передаются пользователю, тогда как в бесплатных тарифах правообладателем нередко признается сам оператор платформы либо устанавливаются жесткие ограничения на коммерческое использование материала. Подобная дифференциация формирует правовую неопределенность, при которой юридический статус одного и того же по природе результата оказывается зависимым не от творческого вклада, а от факта оплаты подписки.

И наконец, технологии глубокого обучения. Они обеспечивают высокоточное копирование внешности и голоса физических лиц, что непосредственно затрагивает сферу действия ст. 152.1 ГК РФ (охрана изображения гражданина) и личные неимущественные права на имя [6]. Существующие механизмы защиты в этой области носят исключительно реактивный характер, поскольку удаление противоправного контента возможно лишь постфактум, после причинения вреда деловой репутации или чести. При этом бремя доказывания факта фальсификации возлагается на пострадавшее лицо, что существенно затрудняет оперативное восстановление нарушенных прав [7].

Схожая проблема рассогласования фактического владения и правового титула характерна для сферы токенизации цифровых активов. Развитие экосистемы Web3 и рынка невзаимозаменяемых токенов (NFT) сформировало устойчивую правовую иллюзию. Приобретатель токена зачастую ошибочно отождествляет покупку цифрового актива с переходом исключительных прав на связанный объект интеллектуальной собственности [8]. Юридически же транзакция фиксирует лишь запись в распределенном реестре. Автоматический переход авторских прав не происходит, если данное условие не имплементировано непосредственно в смарт-контракт, что порождает многочисленные споры о самой правовой природе приобретаемого блага [9, 10].

Коллизии правовой квалификации возникают также в процессах цифровой дистрибуции. Стриминговые сервисы и нелегальные IPTV-приставки обеспечивают пере-

дачу произведений в режиме реального времени без их физического сохранения на устройстве конечного пользователя. Подобная модель потребления ставит под сомнение традиционную квалификацию таких действий как «воспроизведение», требуя от правоприменителя расширительного толкования норм Гражданского кодекса РФ для охвата новых технологических форматов [15].

Применение жестких ограничительных мер для противодействия указанным нарушениям несет системные риски, связанные со злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ). Механизмы блокировки, первоначально разработанные для борьбы с пиратством, все чаще используются как средство недобросовестной конкуренции. Недобросовестные участники рынка используют процедуры удаления контента для цензуры критических материалов или устранения информационных ресурсов конкурентов [14].

Дополнительную сложность представляет разграничение злостного пиратства и добросовестного свободного использования произведения. Современная интернет-культура базируется на ремиксах, пародиях и мемах, где грань между созданием нового творческого продукта и простым заимствованием крайне размыта. Автоматизированные системы фильтрации, например, «Content ID», лишены способности оценивать смысловой контекст, что приводит к массовой блокировке легитимного пользовательского контента и формированию «охлаждающего эффекта» для цифрового творчества [12].

В условиях исчерпания потенциала традиционных судебных и административных механизмов перед лицом столь многогранных вызовов, государства и ключевые участники рынка формируют запрос на внедрение гибридных подходов к регулированию [11]. В Российской Федерации наиболее заметным инструментом стал механизм внесудебных блокировок. Правообладатели получили возможность направлять заявления напрямую в Роскомнадзор. Это существенно сократило время реакции, однако механизм имеет узкую сферу применения и не решает проблему зеркал.

Другим значимым явлением стало подписание «Антипиратского меморандума» между крупнейшими правообладателями и поисковыми системами. Документ предполагает добровольное удаление ссылок на пиратские ресурсы из поисковой выдачи. Несмотря на позитивный эффект, меморандум является соглашением и не распространяется на анонимных нарушителей.

Технические меры, такие как блокировка на уровне DNS и IP-адресов, демонстрируют свою двойственность.

Использование общих хостингов и CDN приводит к «коллатеральному ущербу» — ограничению доступа к добросовестным ресурсам, что нарушает конституционное право на поиск информации [1]. Анализ текущей ситуации позволяет заключить, что эволюционный путь адаптации классического права ИС к цифровой среде исчерпал свой потенциал.

Выводы помогают спрогнозировать эволюцию законодательства по трем взаимосвязанным векторам. В сфере регулирования искусственного интеллекта назрела необходимость легализации статуса обучающих датасетов и императивного закрепления ответственности операторов генеративных моделей за массовые нарушения [2, 3]. Параллельно наблюдается постепенный отказ от пассивной модели «уведомление и удаление» в пользу концепции «обязанности заботы», которая возлагает на крупные платформы обязанность по внедрению пропорциональных превентивных мер фильтрации контента [13]. Кроме того, развитие LegalTech открывает возможности для создания распределенных реестров прав на цифровые объекты, способных автоматизировать процедуры фиксации авторства и лицензирования, минимизируя транзакционные издержки [10].

Ключевое противоречие современного правоприменения состоит в механическом переносе догм индустриальной эпохи на реалии цифровой экономики [1]. Практика демонстрирует, что опора исключительно на репрессивные методы обладают системной неэффективностью, поскольку традиционные юридические процедуры принципиально неспособны конкурировать со скоростью и масштабами автоматизированного распространения информации.

Разрешение данной коллизии требует не ужесточения санкций, а трансформации самой архитектуры правоотношений. Это предполагает, с одной стороны, пересмотр сроков и объема охраны для цифрового контента в сторону их разумного ограничения, что расширит сферу свободного использования и снизит экономическую мотивацию к пиратству. С другой стороны, необходим государственный стимул для развития легальных сервисов дистрибуции, делающих контент географически и ценово доступным. Наконец, правовые императивы должны интегрироваться непосредственно в программный код платформ. Внедрение стандартов цифровой маркировки позволит перенести проверку прав на уровень алгоритмов, обеспечивая баланс интересов правообладателей и общества без постоянного вмешательства судебных инстанций.

Литература:

1. Карцхия А. А. Интеллектуальная собственность в киберпространстве: новые условия правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2017. № 1. С. 50–52.
2. Казанцев Д. А. Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 7, № 4. С. 909–931.
3. Иванов А. А. Ответственность информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2. С. 48–49.

4. Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016.
5. Постарнак А. М. Анализ зарубежного правового регулирования дипфейков: проблема защиты интеллектуальной собственности // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 269–273.
6. Потапенко С. В. Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации авторов переработанных оригинальных произведений от дипфейков // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 443–446.
7. Болотаева О. С. Реализация интеллектуальных прав в сфере невзаимозаменяемых токенов (NFT) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3.
8. Ходова М. Т., Дзюбанова В. В. Технологии NFT как способ защиты прав интеллектуальной собственности // Юридическая наука. 2022.
9. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–119.
10. Кожемякин Д. В., Коверченко И. И. Внесудебные процедуры пресечения распространения пиратства на цифровых платформах: обеспечение баланса интересов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 132–147.
11. Гашицкий М. С., Козина Е. В. Цифровое пиратство в России: проблемы и пути решений // Форум молодых ученых. 2020.
12. Иванова Л. С. Юридическая ответственность информационных посредников // Образование и право. 2022. № 5. С. 169–173.
13. Терёшин А. А., Вронская М. В. Ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности: теория и практика правоприменения // Вестник науки. 2024.
14. Денисова А. С., Колосова А. В. Медиапиратство и деятельность стриминговых сервисов в условиях новой реальности // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 5.

Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства

Кремлёвский Георгий Георгиевич, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике государственной измены и шпионажа как наиболее опасных преступлений против основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации.

Актуальность исследования обусловлена динамичным развитием угроз внешней безопасности и неоднозначностью правоприменительной практики.

Цель работы заключается в сравнительном анализе составов преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 УК РФ, выявлении их ключевых доктринальных признаков и проблем разграничения. В основе методологии лежит формально-догматический и сравнительно-правовой анализ норм уголовного права. В результате исследования выявлено, что, несмотря на системную связь, данные составы обладают принципиальными различиями в субъектном составе и объективной стороне. Основные проблемы квалификации связаны с оценочным характером понятия «враждебная деятельность», дублированием признаков шпионажа в статье 275 УК РФ и отсутствием единства доктринальных подходов к моменту окончания преступлений.

Ключевые слова: государственная измена, шпионаж, внешняя безопасность, государственная тайна, квалификация преступлений, Уголовный кодекс РФ, враждебная деятельность.

В условиях глобальной геополитической нестабильности угрозы внешней безопасности выходят за рамки традиционных военных конфликтов, приобретая гибридные формы: кибератаки на критическую инфраструктуру, дезинформационные кампании и экономическое давление. В этих условиях уголовное законодательство выступает важнейшим инструментом противодействия преступлениям, направленным на подрыв суверенитета, конституционного строя и безопасности Российской Федерации. Особое место в системе таких

норм занимает глава 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], включающая государственную измену (ст. 275 УК РФ) и шпионаж (ст. 276 УК РФ). Эти составы предусматривают ответственность за действия, создающие непосредственную угрозу внешней безопасности государства и затрагивающие основы его политического и государственного строя [2, с. 563].

Правоприменительная практика по данным составам сталкивается с трудностями, вызванными как сложно-

стью доказывания, так и наличием дискуссионных положений в самой конструкции норм.

Цель настоящего исследования — проведение детального сравнительного анализа составов государственной измены и шпионажа, выявление их специфических и системных признаков, а также актуальных проблем квалификации.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ и синтез, системный подход), а также частнонаучные методы: формально-догматический, сравнительно-правовой и историко-юридический.

В действующем российском законодательстве государственная измена определяется как совершённые гражданином Российской Федерации переход на сторону противника, шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации (ст. 275 УК РФ). Как отмечает А. П. Кузнецов, «родовым объектом исследуемых преступлений следует признавать общественные отношения, обеспечивающие охрану интересов, стабильность и нормальное законодательно регламентированное функционирование государственной власти. Видовым объектом преступлений, входящих в главу 29 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности основ конституционного строя и безопасности государства» [3, с. 86]. Внешняя безопасность государства как непосредственный объект преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 УК РФ, включает в себя защищённость суверенитета, территориальной целостности, обороноспособности и экономической неприкосновенности от внешних угроз.

Объективная сторона выражена в одной из четырёх альтернативных форм деяния: 1) переход на сторону противника; 2) шпионаж; 3) выдача государственной тайны; 4) иное оказание помощи. Как подчеркивает В. Н. Воронин, «огромную роль при применении уголовно-правовой нормы играет то, насколько качественно данная норма сконструирована, что особенно важно, когда речь идет о защите такого ценного блага, как безопасность государства от внешних посягательств» [4, с. 569]. Субъектом преступления выступает вменяемое физическое лицо — гражданин Российской Федерации, достигший шестнадцатилетнего возраста. Субъективная сторона состава характеризуется исключительно прямым умыслом: виновный осознаёт общественно опасный характер своих действий, заключающихся в оказании помощи иностранному государству, иностранной или международной организации либо их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, предвидит возможность причинения ущерба внешней безопасности государства и желает наступления таких последствий.

Мотивы совершения преступления (в т.ч. корысть, идеологические убеждения или совершение деяния под

влиянием шантажа) не влияют на квалификацию содеянного, но подлежат учёту судом при индивидуализации наказания в соответствии со ст. 60 УК РФ.

Понятия измены и шпионажа имеют глубокие исторические корни в отечественном праве, восходящие к эпохе Московского государства и развивавшиеся в законодательстве Российской империи [5, с. 1]. В советский период нормы об измене и шпионаже получили дальнейшее развитие: в УК РСФСР 1960 года [6] они были закреплены в отдельных статьях — «Измена Родине» (ст. 64) и «Шпионаж» (ст. 65). Статья 64 охватывала умышленные деяния гражданина СССР, совершённые в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности страны, включая переход на сторону врага, выдачу государственной или военной тайны, бегство за границу или отказ возвратиться изза границы, оказание помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР, а также заговор с целью захвата власти. Наказание за такие преступления предусматривало лишение свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества, причём суд мог дополнительно назначить ссылку на срок от 2 до 5 лет либо обойтись без неё; в особо тяжких случаях применялась смертная казнь с конфискацией имущества.

В дальнейшем законодательство претерпело существенные изменения: Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17 П нормы о квалификации бегства за границу или отказа возвратиться из за границы как формы измены Родине (п. «а» ст. 64 УК РСФСР) были признаны не соответствующими Конституции РФ [7]. Суд указал, что такие действия не могут служить самостоятельным основанием для уголовной ответственности за измену, поскольку противоречат праву гражданина свободно выезжать за пределы РФ и беспрепятственно возвращаться (ч. 2 ст. 27 Конституции РФ) [8]. Либерализация начала 1990-х годов привела к декриминализации ряда деяний и разделению понятий в УК РФ 1996 года. Как отмечает Е. В. Пономаренко, «объектом преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, являются основы конституционного строя и безопасность государства, которые тесно взаимосвязаны» [9, с. 33].

Дальнейшая эволюция законодательства включает уточнение форм «иной помощи» в ст. 275 УК РФ в 2012 году, а также внесение ряда изменений, направленных на усиление уголовной ответственности за преступления против безопасности государства в 2022–2023 годах [10; 11; 12].

В уголовно-правовой доктрине под основами конституционного строя понимаются «провозглашенные в Конституции Российской Федерации принципы конституционного строя, суверенитет, территориальная целостность, правовой статус личности, основы экономических и политических отношений Российской Федерации». «Суверенитет, — пишет А. П. Кузнецов, — означает верховенство государственной власти, полную независимость государ-

ства осуществлять свою внешнюю и внутреннюю политику». «Территориальная неприкосновенность — это целостность, нерушимость территории, находящейся под суверенитетом Российской Федерации в пределах Государственной границы Российской Федерации». В научной литературе дискуссионным остается вопрос классификации преступлений главы 29 УК РФ. Так, согласно позиции Ю. В. Грачевой и В. В. Палий, объекты преступлений «имеют различия, поэтому их возможно подразделить на 2 группы составов государственных преступлений: нарушающих основы конституционного строя государства (ст. 277, 278, 279, 280, 282 УК РФ), посягающие на безопасность государства (ст. 275, 276, 281, 283, 284 УК РФ)» [13, с. 18].

В. В. Палий и Д. Н. Антипов, в свою очередь, предлагают классификацию противоправных деяний, подразделяя их на две группы: преступления против внешней безопасности Российской Федерации (предусмотренные ст. 275, 276, 283, 284 УК РФ) и преступления против внутренней безопасности РФ (регламентированные ст. 277–282 УК РФ) [14, с. 115]; [15, с. 106]. Д. А. Рясов предлагает классифицировать преступления на основании объекта: «преступления против внутренней безопасности, внешней безопасности; против основ конституционного строя; против национальных и религиозных отношений; против сохранности государственной тайны» [16, с. 51]. Анализируя позиции ученых, А. П. Кузнецов приходит к выводу, что основанием для классификации должна служить направленность источников угроз, которые «могут быть извне, внутри страны, а также иметь место в экономической сфере» [17, с. 92].

Шпионаж (ст. 276 УК РФ) — это передача, а равно похищение или собирание сведений, составляющих государственную тайну, либо собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования в ущерб внешней безопасности РФ. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, установлен Законом РФ «О государственной тайне» [18]. Ключевое отличие шпионажа от государственной измены — субъект преступления. Измена совершается только гражданином России, субъект шпионажа — иностранный гражданин или лицо без гражданства [19, с. 89]. Различаются и элементы объективной стороны: измена может выражаться в оказании помощи любого характера, шпионаж ограничен строго определёнными действиями со сведениями. Шпионаж гражданина России подпадает под признаки измены, а шпионаж иностранца квалифицируется по специальной норме — ст. 276 УК РФ. Одной из ключевых проблем в уголовном праве является разграничение состава шпионажа (ст. 276 УК РФ) и смежных преступлений, в частности — разглашения государственной тайны (ст. 283 УК РФ). Основным критерием разграничения выступает направленность умысла: при шпионаже сведения целенаправленно передаются в пользу иностранного государства, международной или иностранной организации либо их представителей.

Проблема определения момента окончания шпионажа (ст. 276 УК РФ) является одной из наиболее дискуссионных в науке уголовного права. Уголовный кодекс РФ не содержит прямого указания на этот момент, а Пленум Верховного Суда РФ до настоящего времени не издавал специальных разъяснений по данному вопросу. Это порождает разночтения в судебной практике и споры среди учёных относительно квалификации действий виновного на различных стадиях совершения преступления. В теории уголовного права и правоприменительной практике сложилось два основных подхода.

Первый подход, которого придерживается большинство специалистов, заключается в том, что основной состав шпионажа (ч. 1 ст. 276 УК РФ) следует считать формальным. В рамках этой позиции шпионаж, предметом которого являются сведения, составляющие государственную тайну, признается оконченным преступлением с момента совершения любого из указанных в законе действий, независимо от того, удалось ли виновному передать эти сведения адресату. Так, в научной и учебной литературе указывается, что шпионаж имеет формальный состав. Это означает, что само по себе собирание, похищение или даже хранение сведений, составляющих государственную тайну, с целью их последующей передачи иностранному государству, образует оконченный состав преступления, предусмотренный ст. 276 УК РФ.

Второй подход, которого придерживаются некоторые авторы, допускает, что момент окончания зависит от характера действий виновного. Согласно этой точке зрения, при передаче сведений шпионаж будет окончен с момента их фактического вручения представителю иностранного государства, а при собирании или похищении — с момента начала совершения этих действий. Однако данный подход менее распространен в доктрине. Для установления момента окончания государственной измены в форме шпионажа (ст. 275 УК РФ), совершаемой гражданином России, применяются те же правила: деяние будет считаться оконченным с момента начала действий по сбору, похищению или хранению секретных сведений. Сложности разграничения шпионажа и смежных составов (например, разглашение государственной тайны, ст. 283 УК РФ) разрешаются по критерию направленности умысла. При шпионаже умысел виновного направлен на передачу сведений непосредственно иностранному государству, организации или их представителям. В случае разглашения государственной тайны (ст. 283 УК РФ) такая направленность умысла отсутствует, и информация передаётся или становится достоянием других лиц без цели нанесения ущерба внешней безопасности РФ, хотя и может повлечь тяжкие последствия.

Н. А. Кудратов, исследуя вопросы классификации, предлагает систематизировать преступления «в зависимости не только от объекта преступления, но и от разделения категорий «безопасности» в зависимости от отношения к объекту, от социальной, психологической и профессиональной характеристики субъектов» [20, с.

12]. К. О. Папеева указывает на логическую несостоятельность квалификации шпионажа в ст. 275 УК РФ как разновидности государственной измены, поскольку, согласно действующему законодательному определению, данное преступление не может быть совершено гражданином Российской Федерации [21, с. 242].

Ю. Н. Богданова и С. А. Гончаров в ходе исследования проблемы разграничения уголовноправовых составов приходят к выводу: если гражданин РФ передал секретную информацию, составляющую государственную тайну, но получил её не в рамках исполнения обязанностей государственной службы, такое деяние следует квалифицировать как государственную измену в форме оказания иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации [22, с. 79].

В. Н. Рябчук, напротив, квалифицирует данную позицию как ошибочную, аргументируя это тем, что виновный самостоятельно проявил инициативу при сборе секретных сведений с целью их последующей передачи представителю иностранного государства, — а значит, подобное деяние следует квалифицировать как «инициативный шпионаж» [23, с. 442]. Помимо государственной измены и шпионажа, глава 29 УК РФ включает ряд других составов, посягающих на стабильность конституционного строя и внутреннюю безопасность.

Насильственный захват власти (ст. 278 УК РФ) — это действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции РФ, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя. Субъект — любое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Санкция — лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

Вооружённый мятеж (ст. 279 УК РФ) — организация вооружённого мятежа либо активное участие в нём в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя РФ, нарушения территориальной целостности либо дестабилизации деятельности органов власти. Отличие от насильственного захвата власти — использование вооружённых формирований. Санкция (в редакции Федерального закона от 14.07.2022 № 260-ФЗ): организатор и участник — лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

Диверсия (ст. 281 УК РФ) — совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ. Как определяет А. П. Кузнецов, «обороноспособность — это система экономических, политических, военных, социальных, технических, научных, правовых, идеологических и иных возможностей государства и его вооруженных сил по подготовке и обеспечению защиты суверенитета,

территориальной целостности и неприкосновенности». Субъект — общий. Санкция — лишение свободы от десяти до пятнадцати лет (часть 1), при наступлении тяжких последствий — до двадцати лет или пожизненное лишение свободы.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) — это призывы, совершённые публично, в том числе через средства массовой информации или информационно-телекоммуникационные сети (включая интернет), к насильственным действиям по изменению конституционного строя, нарушению территориальной целостности Российской Федерации, а также к разжиганию социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды. Санкция за совершение данного преступления предусматривает штраф в размере до трехсот тысяч рублей либо лишение свободы на срок до пяти лет.

Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) — создание устойчивой группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, руководство таким сообществом, его финансирование. Санкция (ч. 1) — штраф от четырехсот тысяч до восьмисот тысяч рублей либо лишение свободы на срок от шести до десяти лет.

А. П. Кузнецов формулирует обобщающее определение: «Под преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства следует понимать умышленные или неосторожные общественно опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на основы конституционного строя и безопасности государства, и причиняющие существенный вред интересам личности, общества и государства или создающие реальную угрозу причинения такого вреда». Указанные составы, как и рассмотренные ранее измена и шпионаж, направлены на охрану суверенитета, территориальной целостности и конституционного порядка. Как отмечается в учебнике под редакцией А. В. Бриллиантова [24], преступления, обладающие повышенной общественной опасностью, зачастую конструируются с использованием оценочных признаков, что неизбежно порождает дискуссии как в доктрине, так и в правоприменительной практике.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Государственная измена и шпионаж, будучи системно связанными преступлениями против внешней безопасности государства, обладают принципиальными различиями в элементах состава преступления. Так, для государственной измены характерен специальный субъект — гражданин Российской Федерации — и достаточно широкая объективная сторона, включающая в том числе «иное оказание помощи» иностранному государству или организации в проведении враждебной деятельности. В свою очередь, шпионаж предполагает иной специальный субъект — иностранца или лицо без гражданства — и чётко очерченный круг противоправных действий, связанных со сбором, похищением или пе-

редачей сведений, представляющих интерес для иностранной разведки.

Основные проблемы квалификации данных преступлений обусловлены несколькими факторами. Во-первых, оценочный характер понятия «враждебная деятельность», используемого в статье 275 УК РФ, создаёт трудности в установлении границ уголовно наказуемых деяний. Во-вторых, дублирование термина «шпионаж» в статьях 275 и 276 УК РФ обсуждается в литературе как логическое несоответствие. В-третьих, отсутствие единства доктринальных подходов к определению момента окончания шпионажа и государственной измены в форме шпионажа. Иные преступления, предусмотренные главой 29 УК РФ (насильственный захват власти — ст. 278 УК РФ, вооружённый мятеж — ст. 279 УК РФ, диверсия — ст. 281 УК РФ, экстремистские преступления — ст. 280, 282.1 УК РФ и др.), также представляют высокую общественную опас-

ность, поскольку посягают на конституционный строй и внутреннюю безопасность государства. Для них характерно наличие оценочных признаков в диспозициях норм, что дополнительно усложняет правоприменительную практику. Таким образом, система преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства представляет собой комплексный механизм уголовно-правовой защиты, включающий разнообразные составы с собственной спецификой. Все они объединены общей целью — обеспечение государственного суверенитета и сохранение территориальной целостности, а также обеспечение стабильности конституционного строя Российской Федерации и безопасности государства становится критически важным в нынешней ситуации, когда геополитическая обстановка характеризуется растущими вызовами, а характер внешних и внутренних угроз претерпевает существенные изменения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чуачаева. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-16-003291-5.
3. Кузнецов А. П. Понятие, общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Социально-политические науки. — 2017. — № 4. — С. 86–90.
4. Воронин В. Н. Качество уголовно-правовой охраны безопасности государства от внешних посягательств // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 3. — С. 569–576.
5. Бородина М. И. Отечественное законодательство о закреплении государственной измены и шпионажа, как преступлений против государства в период до 1917 г. // Вопросы российского и международного права. — 2014. — № 3 (29). — С. 1–9.
6. Уголовный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27.10.1960] (ред. от 30.07.1996). — Ст. 64, 65.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 52. — Ст. 5138.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 04.10.2022) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
9. Пономаренко Е. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие / под ред. Н. А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 190 с. — ISBN 978-5-4396-1281-3.
10. Федеральный закон от 12.11.2012 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 47. — Ст. 6401.
11. Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 29 (ч. I). — Ст. 5230.
12. Федеральный закон от 28.04.2023 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 18. — Ст. 3225.
13. Грачева Ю. В., Палий В. В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие. — М.: Проспект, 2019. — 104 с.
14. Палий В. В. Объект преступлений, предусмотренных ст. 277, 278 и 279 УК РФ: проблемы систематизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2018. — № 12. — С. 113–120.
15. Антипов Д. Н. Общественная опасность и объект преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 1. — С. 100–108.

16. Рясов Д. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. — 110 с.
17. Кузнецов А. П. Классификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Социально-политические науки. — 2017. — № 4. — С. 91–95.
18. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485–1 «О государственной тайне» (ред. от 02.07.2021) // Российская газета. — 1993. — 21 сент.
19. Борисов С. В., Чугунов А. А. Государственная измена и шпионаж как одни из наиболее опасных преступлений против безопасности Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. — 2016. — № 3 (15). — С. 87–93.
20. Кудратов Н. А. Классификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Уголовная юстиция. — 2017. — № 9. — С. 9–14.
21. Папеева К. О. Проблемные аспекты уголовно-правовой охраны государственной тайны // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2015. — № 2 (82). — С. 240–244.
22. Богданова Ю. Н., Гончаров С. А. К вопросу об установлении уголовной ответственности за государственный промышленный шпионаж // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2018. — № 3 (50). — С. 78–80.
23. Рябчук В. Н. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. — 1100 с.
24. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2017. — 1184 с. — ISBN 978–5–392–23589–2.

Перспективы развития института самозанятости в российском гражданском праве

Кривова Алина Сергеевна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В данной статье анализируется институт самозанятости в российском гражданском праве, как активно развивающаяся структура, которая предполагает получение дохода от собственного труда или оказания услуги без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Рассматриваются основные направления самозанятости и ограничения, которые действуют для данной категории лиц, а также уделяется особое внимание мерам поддержки со стороны государства для самозанятых.

Ключевые слова: институт самозанятости, самозанятый, поддержка государства самозанятых.

В российском гражданском праве институт самозанятости представляет собой систему правовых норм, которые регулируют деятельность граждан, зарабатывающих на жизнь своим трудом, но не оформивших статус индивидуального предпринимателя (ИП) и использующих специальный налоговый режим — «Профессиональный подоходный налог» (НДФЛ).

Самозанятость представляет собой метод получения дохода, при котором человек самостоятельно ищет способы заработка для себя и своих близких. Его доход определяется результатами его труда, будь то производство товаров или предоставление услуг [1].

Основными направлениями самозанятости являются следующие: ИТ-сфера (например, программирование), оказание услуг в сфере красоты и здоровья (например, парикмахерские услуги, макияж, психолог), ремонт (например, отделка помещений), репетиторство, развлечение и творчество (например, услуги аниматора на праздник, художник, музыкант), а также продажа товаров собственного производства (например, выпечка, изделия ручной работы (аксессуары, вязанные игрушки, сумки и т. д.), сувениры.

При этом, важно помнить, что есть определённый ряд ограничений, которые должны соблюдать самозанятые. Так, например, самозанятым запрещено перепродавать товары, а также продавать подакцизные товары, нельзя нанимать себе сотрудников по трудовому договору, а годовой доход при этом не должен превышать 2,4 млн рублей.

Стоит отметить, что самозанятые платят налог по сниженным ставкам (4 % при расчётах с физическими лицами, 6 % — с юридическими лицами и ИП). Им также не нужно вести бухгалтерию и сдавать отчётность.

Институт самозанятости является довольно молодым, поскольку был введён в России в 2019 году. Изначально этот эксперимент затронул лишь четыре региона: Москва, Московская и Калужская области, Татарстан, а уже в 2020 году распространился на всю страну. Введение такого режима закреплено Федеральным законом от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ [2].

Стоит сказать, что институт самозанятости значительно расширяется. Это подтверждает статистика, которая показывает, что еще в 2023 году численность са-

мозанятых не превышала 8 млн человек, а уже во второй половине 2025 года в России было зарегистрировано около 13,8 млн самозанятых [3].

Рост самозанятых, вероятнее всего, обусловлен таким фактором, как помощь государства, поскольку сейчас для самозанятых в России разработан комплекс мер, оказывающих непосредственную поддержку:

1. Самозанятые лица могут заключить с государством договор социального найма и получить до 350 тысяч рублей на развитие своего бизнеса. Однако они обязаны отчитаться в течение двух лет после подписания договора.

2. Самозанятым предоставляются льготные кредиты на сумму до 500 тысяч рублей со сниженной процентной ставкой.

3. В некоторых регионах самозанятые лица могут получать скидки на аренду помещений в первый год действия договора аренды, которые составляют до 20 % от общей стоимости.

4. Для самозанятых доступны коворкинги со сниженной арендной платой. В некоторых регионах также действует бесплатный пробный период.

5. Ярмарки выходного дня дают самозанятым людям возможность продавать свои товары и услуги бесплатно или на льготных условиях [4].

В 2026 году планируется внедрение программы добровольного страхования от болезней для улучшения социальной защиты данной категории граждан [5]. Одновременно изучаются возможности как обязательного, так и добровольного участия в социальных фондах, что позволит самозанятым получать пособия по болезни и другие социальные выплаты.

Стоит отметить, что самозанятость занимает важное место в развитии малого предпринимательства. Государ-

ство планирует и дальше оказывать поддержку самозанятым, разрабатывая новые инициативы. К таким инициативам относятся финансовые инструменты, включая социальные контракты. Эти документы помогают начинающим предпринимателям, предоставляя финансовую поддержку, необходимое оборудование и консультации.

Развитие современных технологий и появление платформ для самозанятых, таких как сервисы по поиску работы и продаже товаров, обещают расширить горизонты для продвижения услуг и товаров. Это может укрепить взаимодействие между самозанятыми и их клиентами, а также повысить прозрачность в данной сфере.

Институт самозанятости в российской правовой системе — это современная и динамично развивающаяся структура, позволяющая гражданам официально заниматься трудовой деятельностью без регистрации в качестве предпринимателей. Этот правовой режим, введенный в 2019 году, доказал свою востребованность и эффективность, став важным инструментом для стимулирования экономической активности населения и поддержки малого бизнеса.

Рост числа самозанятых обусловлен не только простотой и удобством налоговой системы, но и комплексом государственных мер поддержки, включающих льготное кредитование, гранты, скидки на аренду и доступ к образовательным программам. Эти меры способствуют формированию новой культуры предпринимательства, где самозанятость воспринимается как реальный и уважаемый способ заработка. В перспективе институт самозанятости будет продолжать развиваться: будут совершенствоваться законодательные нормы, расширяться социальные гарантии и внедряться цифровые сервисы для упрощения ведения бизнеса.

Литература:

1. Покида, А.Н., Зыбуновская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская // Вопросы государственного и муниципального управления, 2020. — № 1. — с. 60–85.
2. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Рос. Газ. — от 30.11.2018 г. — № 270.
3. Самозанятость в цифрах: статистика, тренды и прогнозы на второе полугодие 2025 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://konsol.pro/blog/samozanyatyev-tsifrah> (дата обращения: 23.04.2026).
4. Меры поддержки самозанятых в 2025 году [Электронный ресурс]. — URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/meru-podderzhki-samozanyatyh-v-2025-godu (дата обращения: 23.04.2026).
5. С 2026 года стартует программа добровольного страхования для самозанятых [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/news/1884771/> (дата обращения: 23.04.2026).

Хранение медицинских данных: нормативно-правовое закрепление

Кривова Алина Сергеевна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В данной статье говорится об актуальных проблемах информационного поля, а именно об утечке данных из медицинских организаций, рассматриваются мотивы и цели злоумышленников при совершении данного деяния, а также предлагаются способы защиты и предупреждения взломов баз данных в медицинских учреждениях.

Ключевые слова: персональные данные, медицинские данные, утечка персональных данных, обработка персональных данных, злоумышленники, медицина.

С развитием технологий, появлением большого количества различных цифровых устройств, а также онлайн-сервисов риск утечки персональных данных активно растет и, к сожалению, информация о пациентах в медицинских учреждениях не является исключением.

На сегодняшний день большинство клиник переходят на электронные записи пациентов и, безусловно, это очень облегчает работу как врачей, так и хакеров.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ персональными данными является любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекта персональных данных) [1].

В свою очередь, защита персональных данных представляет собой определенный комплекс мер, который направлен на обеспечение конфиденциальности личной информации.

К персональным данным в медицине, требующие защиты, относят следующие сведения:

- 1) Фамилия, имя, отчество пациента;
- 2) Информацию о дате и месте рождения;
- 3) Фотографии;
- 4) Антропометрические показатели, которые включают в себя информацию о росте и весе;
- 5) Место жительства пациента и его контактные телефоны.

При обращении в организации здравоохранения пациент подписывает согласие на обработку персональных данных, в нем он также указывает круг лиц, которым может быть передана информация о его диагнозе. В данном случае, необходимо указывать, как минимум, близких родственников.

Обработка персональных данных, в свою очередь, должна осуществляться только с согласия пациента, которое оформляется в письменном виде, за исключением некоторых случаев, предусмотренных законом. Такие случаи указаны в ст. 9 Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ. Так, в случае недееспособности субъекта персональных данных согласие на обработку его данных дает законный представитель субъекта, а в случае смерти субъекта персональных данных — согласие дают его наследники, если это согласие не было дано субъектом при его жизни [1].

Мотив злоумышленников при краже персональных данных довольно неоднозначен. Они используют све-

дения о пациентах как в целях шантажа пациентов и медицинских работников, требуя выкуп за неразглашение изъятой информации, так и для создания поддельных документов, а также могут продавать данные на черном рынке, где в последующем они используются для реализации незаконных действий.

В Российской Федерации подобная деятельность лиц, посягающих на чужие персональные данные наказывается в соответствии со статьей 272.1. «Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения» Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Так, одной из крупнейших утечек персональных данных пациентов произошла в 2019 году в Индии. Хакеры взломали сайт крупной индийской организации здравоохранения и похитили 6 800 000 данных, куда входила информация как о пациентах, так и о врачах [3].

Что касается России, то один из последних случаев произошел 31 января 2025 в Астрахани, когда системный администратор Государственного бюджетного учреждения здравоохранения установил в ритуальном агентстве программное обеспечение, позволяющее получать данные об умерших, а также причину смерти [4].

Чтобы исключить возможность утечки персональных данных в медицинских учреждениях необходимо шифровать полученные сведения о работниках и пациентах и при хранении, и при передаче. Ограничивать доступ к медицинским данным путем установления возможности входа в систему только авторизованным лицам. Во втором случае может использовать многофакторная аутентификация, то есть определенный способ подтверждения личности при входе, используя больше данных помимо пароля, например, номер сотового телефона, сканирование лица или пальцев [5]. Данный способ в настоящее время активно используется для защиты персональных данных в социальных сетях.

Необходимо также постоянно обновлять программное обеспечение и систему безопасности для предотвращения взлома системы и утечки персональных данных.

Таким образом, защита персональных данных в медицинских организациях и больницах является особенно

важной задачей в современном обществе. Анализ существующих проблем, а также случаев, происходящих как и на территории России, так и в других странах, показывает, что утечка данных зачастую происходит не из-за технических сбоев, а именно из-за противоправной дея-

тельности мошенников, которые используют данные пациентов и медицинских работников в личных целях. Необходимо активно противодействовать деятельности злоумышленников, путем особой защиты персональных данных в системах медицинских учреждений.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31. — ст. 3451.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. INFOWATCH: Международные новости утечек информации. URL: <https://www.infowatch.ru/> (дата обращения 11.10.2025).
4. ZDRAV.EXPERT: медтех-портал. URL: <https://zdrav.expert/> (дата обращения 11.10.2025).
5. Андресс. Д. Защита данных. От авторизации до аудита. Санкт-Петербург: Питер, 2022. 272 с.

Проблемы криминалистической одорологии и пути решения

Кружалова Мария Даниловна, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Одорология, как наука, исследующая запахи и их влияние на поведение человека и животных, приобретает все большее значение в криминалистике. Проблемы одорологической экспертизы следов, по своей сути, связаны не только с научными аспектами, но и с практическими вызовами, стоящими перед экспертами в данной области. Использование методики одорологических исследований в уголовных делах предоставляет новые возможности для раскрытия преступлений и установления фактов, однако на практике сталкивается с рядом трудностей, таких как стандартизация методов, оценка достоверности получаемых данных и их юридическая значимость.

Наличие запахов на месте преступления может указывать на присутствие определенных лиц или объектов, тем не менее, одорологическая экспертиза встречает скептицизм как со стороны судебной системы, так и со стороны научного сообщества. Необходимость в разработке четких протоколов и стандартов проведения таких экспертиз становится особенно актуальной с учетом различных факторов, влияющих на точность и воспроизводимость результатов.

В результате деятельности внутренних органов человека происходит выделение различных химических элементов в окружающую среду. Такие элементы образуются в секретах человеческого организма в процессе обмена веществ, а в последующем при дыхании с молекулами углекислого газа и воздуха, а также через сальные и потовые железы попадают в окружающую среду. Некоторые из этих элементов могут содержать информацию о половой принадлежности, физиологическом и функциональном состоянии человека. Иные же могут отражать временные

признаки жизнедеятельности организма человека — усвоенная пища, место недавнего пребывания. В связи с этим в криминалистике созданы и апробированы на практике способы обнаружения, изъятия и хранения молекул человеческого запаха. [1] Ощущение запаха у человека вызывают определенные вещества, именуемые пахучими, или одорантами, которые в зависимости от образования делются на запахи и источники запаха.

Одорологический метод широко использовался в оперативно-розыскной деятельности, но с появлением предположений о его потенциальном применении в процессе доказательства — в строго регламентированной законом процессуальной деятельности — возник ряд проблем. Р. С. Белкин выделял четыре основных аспекта, связанных с проблемами одорологического метода: естественнонаучный, процессуальный, технический и тактический, а также этический. [2]

Наиболее серьезной является процессуальная проблема. Чаще всего результаты одорологических исследований ставят под сомнение как доказательства по уголовному делу. Главным аргументом противников одорологии, как источника доказательств является то, что использование служебной собаки — это оперативно-розыскное действие, в рамках которого могут получаться сведения, имеющие значение для дела, однако ни в коем случае не может складываться ситуация, при которой подобное мероприятие трансформируется в экспертное исследование. В настоящее время разработана методика производства экспертиз запаховых следов человека, поэтому говорить о том, что применение собаки, а не искусственных средств нивелирует ценность одорологии, представля-

ется ошибочным. Создание благоприятных условий для проведения исследования, правильная постановка и последующая интерпретация его результатов требуют от экспертов значительной затраты умственных и материальных средств. Так, встречаются случайные ошибки при производстве ольфакторной экспертизы. Они возникают под влиянием неконтролируемых со стороны экспертов факторов. Сюда можно отнести психофизиологическое состояние собаки-детектора в процессе обнюхивания одорологической пробы, но важно отметить, что одорологической методикой предусмотрены механизмы, которые нивелируют возможное наступление данных последствий. Так применяется не менее трех собак-детекторов, а также проводится обнюхивание более одного раза. Большое влияние на конечный результат экспертизы запаховых следов человека оказывает то, в каком виде поступили объекты на исследование. Таким образом, полноценное использование запаховых следов в уголовном судопроизводстве возможно при получении криминалистической одорологией официального закрепления в практике. Необходимо создать детальную регламентацию методики одорологического исследования, добавить в оперативно-следственную группу специалиста, который обладает зна-

ниями в области собирания запаховых следов, результаты одорологических экспертиз использовались как полноценные доказательства по уголовному делу.

Ещё одна существенная ошибка как следователей, так и экспертов — это несвоевременность изъятия запаховых следов, а также назначение и производство исследований с запаховыми следами. Распространены также ошибки при организации упаковки предметов-запахоносителей. Например, нарушение правил отдельной упаковки предметов-запахоносителей, это приводит к смешиванию запаховых следов и дальнейшей невозможности производства идентификационной экспертизы по ним. Также остро стоит проблема создания специального учета, который бы охватывал все изъятые предметы запахоносители. В настоящее время существуют обширные дактилоскопические учеты, ДНК-учеты, однако аналогичного учета в области одорологии не существует. Решение этой проблемы находится во включении в оперативно-следственную группу помимо специалиста-криминалиста, специалиста, обладающего знаниями в области собирания запаховых следов, что в свою очередь облегчит работу следователя и исключит возможные ошибки в их обнаружении, фиксации и изъятии.

Литература:

1. С. Л. Миролюбов, А. Ш. Габдрахманов Криминалистическая одорология в раскрытии и расследовании преступлений: учебно-практическое пособие // Казань: КЮИ МВД России, 2021. — 60 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://707.su/P5vK>
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. — 3-е изд., дополненное. — М., ЮНИТИ –ДАНА, Закон и право, 2001. — 837с [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://djuv.online/file/1uyv3rZCASMh3>

Публично-правовая роль института уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации в противодействии необоснованному отобранию ребенка из семьи

Лаврентьев Всеволод Станиславович, студент;

Солодовников Андрей Алексеевич, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Современный этап развития Российской Федерации как социального государства во многом связан с беспрецедентными мерами поддержки детства. Государство от формальных мер перешло к конкретным шагам, способствующим созданию возможностей реализации каждым несовершеннолетним гражданином страны своего потенциала, а также принимает все меры для развития и поддержки института семьи как важнейшего элемента гражданского общества.

В 2020 году в ч. 4 статьи 67¹ Конституции Российской Федерации было закреплено — дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России.

Ключевую роль в социализации ребенка, а также в становлении его как гражданина играет семья. Крепкая семья отнесена к одной из 17 традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Воспитание ребенка — одна из ключевых задач семьи. К сожалению, не в каждой семье, в силу определенных причин, есть возможность обеспечивать достойную жизнь ребенка. В соответствии с действующим законо-

дательством, если в семье возникает непосредственная угроза жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей [1].

Само по себе немедленное отобрание ребенка производится органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо акта главы муниципального образования в случае, если законом субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [1].

На практике можно встретить случаи, когда органы опеки и попечительства осуществляют процедуру отобрания ребенка, предусмотренную ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации, не имея на то действительных обоснований. Данной социально-правовой проблеме уделяют особое внимание на самом высоком государственном уровне.

В январе 2017 года Президент Российской Федерации дал поручение Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации, Общественной палате Российской Федерации, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка проанализировать практику изъятия несовершеннолетних из семьи с точки зрения избыточно применяемых мер или неправомерного вмешательства в семью [2].

Дополнительно в июне 2024 года Президент Российской Федерации поручил Правительству Российской Федерации совместно с исполнительными органами субъектов Российской Федерации провести анализ практики отобрания органами опеки и попечительства детей у родителей (одного из родителей) или у других лиц, на попечении которых они находятся, и при необходимости представить предложения по совершенствованию деятельности органов опеки и попечительства [3].

Одной из возможных причин того, что органы опеки осуществляют действия по отбиранию детей из семьи, которые можно расценивать как необоснованные, является то, что на уровне федерального законодательства отсутствует конкретный перечень тех условий, которые подпадают под формулировку из ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации «непосредственная угроза жизни ребенка или его здоровью».

В одном из своих Постановлений Верховный Суд Российской Федерации указывал, что под непосредственной угрозой жизни или здоровью ребенка, которая может явиться основанием для вынесения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо главой муниципального образования акта о немедленном отобрании ребенка и изъятии его из семьи, следует понимать угрозу, с очевидностью свидетельствующую возможности наступления негативных последствий причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) роди-

телей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится. Такие последствия могут быть вызваны, в частности, отсутствием отвечающего физиологическим потребностям ребенка в соответствии с его возрастом и состоянием здоровья (например, непредоставление малолетнему ребенку воды, питания, крова, неосуществление ухода за грудным ребенком либо оставление его на длительное время без присмотра). Характер и степень опасности должен определяться в каждом конкретном случае с учетом возраста, состояния здоровья ребенка, а также иных обстоятельств [4].

Отбирание детей из кровной семьи является причиной социального сиротства, т. е. социального явления, обусловленного наличием в обществе детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения их родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими. Социальным сиротой следует считать ребенка, который имеет биологических родителей, но они по каким-то причинам не занимаются воспитанием ребенка и не заботятся о нем. В этом случае заботу о детях берет на себя общество и государство. Это и дети, родители которых юридически не лишены родительских прав, но фактически не заботятся о своих детях [5].

Важную роль в решении проблемы социального сиротства и в том числе в противодействии необоснованному отбиранию детей из семей играет институт уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации. Уполномоченный по правам ребенка является в подобных ситуациях третьей стороной и задачей детских правозащитников становится, с одной стороны, недопущение нарушения прав и законных интересов ребенка, а с другой стороны недопущение ситуации, когда ребенок лишается права жить в кровной семье из-за формальных причин.

На данный момент в Российской Федерации функционирует институт уполномоченного по правам ребенка на федеральном уровне и на уровне субъектов. Нормативно-правовой основой деятельности данного института является Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 01 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка», законодательство субъектов Российской Федерации.

В 2022 году по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина в 14-ти пилотных регионах Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка был дан старт проекта «Профилактика социального сиротства среди детей в возрасте до 4-х лет», направленный на повышение устойчивости семей с детьми в возрасте до 4-х лет в преодолении трудной жизненной ситуации. В мае 2024 года Уполномоченный при Президенте Российской Федерации М. А. Львова — Белова, выступая перед Президентом, подводя итоги реализации проекта, привела пример необоснованного изъятия детей из семьи в одном из субъектов Российской Федерации из-за неработающей печки.

Тогда же Президент РФ поддержал предложение о расширении программы профилактики социального сиротства среди детей до 18 лет и во исполнение поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина № Пр-1040, на основании Федерального закона № 501-ФЗ в 89 субъектах Российской Федерации с июля 2024 года по май 2025 года была проведена Всероссийская инспекция системы профилактики социального сиротства.

Главным итогом инспекции стал сформированный конкретный перечень рекомендаций органам публичной власти по совершенствованию мер профилактики социального сиротства. К примеру, Правительству Российской Федерации было рекомендовано внести изменения в Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» в части расширения полномочий Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации в сфере профилактики социального сиротства, а также было рекомендовано уточнить вопросы координации деятельности уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации и их взаимодействия с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка [6] и ряд других рекомендаций.

Очень важным является положение о законодательном закреплении координационной роли института уполномоченного по правам ребенка на федеральном и региональном уровне не только в вопросах профилактики социального сиротства, но и целом в защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Принятие данных поправок во многом позволит повысить эффективность межведомственного взаимодействия, а также даст возможность усилить роль института уполномоченных по правам ребенка в единой системе публичной власти.

Стоит подчеркнуть, что проблему необоснованного отбирания детей из семей невозможно решить, изменив только систему работы института уполномоченного по правам ребенка, необходимо изменить ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации. В 2023 году предлагалось внести изменения в статью 77 Семейного Кодекса РФ о возможности отзыва искового заявления в случае устранения угрозы жизни и здоровью ребенка при возвращении его в семью [7], а в 2020 году был внесен законопроект [8] которые призваны ограничить внесудебный порядок изъятия детей из семьи. Предлагаемые нормы были направлены на обеспечение конституционных положений о защите семьи, создание условий для

достойного воспитания детей в семье. Предлагалось передать вопрос отобрания ребенка (при непосредственной угрозе его жизни или здоровью) из компетенции органов опеки и попечительства в компетенцию суда. Несмотря на положительный (с замечаниями) отзыв Правительства Российской Федерации и положительное заключение Общественной палаты Российской Федерации из-за определенного общественного резонанса законопроект был отозван [9].

В законопроекте предлагалось установить, что производить отобрание ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью по общему правилу на основании решения районного суда, выносимого в порядке особого производства. Дополнительно, в исключительных и особых случаях, предлагалось использовать административное изъятие ребенка [10].

Анализируя законопроект, официальный отзыв Правительства Российской Федерации и заключение Общественной палаты Российской Федерации, а также позиции, озвучиваемые экспертным сообществом, следует отметить, что с одной стороны, судебный контроль действительно усиливает гарантии родителей, но с другой стороны, критики указывали, что требование обязательного судебного решения может создать временной промежуток, когда ребенок фактически остаётся в опасной ситуации, а также отмечали возможность возникновения прецедентов, когда суд, стремясь оперативно решить дела с учетом нагрузки, будет опираться преимущественно на позицию органов опеки и попечительства, не уделяя должного внимания позиции родителей.

Решить данную социально-юридическую проблему представляется возможным при помощи института уполномоченного по правам ребенка. Предлагается создать механизм согласно которому любое решение органа опеки и попечительства об отбирании детей невозможно без заключения Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации. Введение данной нормы может оказать влияние на решение данной социально-юридической проблемы и не допустить необоснованных решений со стороны органов опеки и попечительства.

Право ребенка жить и воспитываться в семье — одно из основных. Государство, развивая политику поддержки демографии и защиты института семьи как ключевой социальной единицы общества, совершенствуя систему профилактики социального сиротства дает возможность тысячам семей, готовым воспитывать детей, возможность изменить свою жизнь и не разлучать ребенка от кровной семьи.

Литература:

1. ч. 1 ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. ред. от 23.03.2026, с изм. от 15 мая 2026 г.). — Текст: электронный // pravo.gov.ru: [сайт];
2. Владимир Путин утвердил перечень поручений по итогам проведения пресс-конференции Президента России 23 декабря 2016 года. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/53712>;

3. Пр-1166 от 21 июня 2024 года. — Текст: электронный // Аппарат Правительства Мурманской области: [сайт]. — URL: <https://apparat.gov-murman.ru/documents/orders/524031/>;
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребёнка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав». — Текст: электронный // Верховный суд Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/24386/>;
5. Распоряжение Минпросвещения России от 28.12.2020 № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378772;
6. Специальный доклад «Об итогах Всероссийской инспекции системы профилактики социального сиротства». — Текст: электронный // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: [сайт]. — URL: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/384>;
7. Львова-Белова на форуме «Россия» предложила конкретизировать полномочия органов опеки. — Текст: электронный // РАПСИ — Российское агентство правовой и судебной информации: [сайт]. — URL: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20231117/309394741.html;
8. Законопроект № 986679–7. — Текст: электронный // sozd.duma.gov.ru: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/986679-7>;
9. Законопроекты о порядке изъятия детей из семьи отозвали из Госдумы. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/10013353>;
10. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 986679–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст: электронный // sozd.duma.gov.ru: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/986679-7>.

Баланс безопасности и прав человека в институте иностранных агентов: сравнительно-правовой анализ и перспективы развития

Леоненко Дмитрий Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье проводится сравнительно-правовой анализ российского законодательства об иностранных агентах с американским FARA и австралийским FITSA. Исследуется баланс между государственной безопасностью и правами человека в действующей российской модели. Выявляются ключевые проблемы законодательства и предлагаются пути их решения с учетом международного опыта и отечественных законодательных инициатив.

Ключевые слова: иностранный агент, FARA, FITSA, сравнительно-правовой анализ, государственная безопасность, права человека, баланс интересов, реформа законодательства

Институт иностранных агентов позиционируется российским законодателем как инструмент защиты национальной безопасности и суверенитета. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ провозглашает целями «защиту интересов и обеспечение безопасности РФ, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод ее граждан» [1]. Однако одновременно статус иноагента влечет масштабные ограничения конституционных прав: на участие в управлении делами государства (ст. 32), свободу слова (ст. 29), неприкосновенность частной жизни (ст. 23) и свободную экономическую деятельность (ст. 34). Возникает классическая коллизия публичного и частного интереса, разрешение которой требует поиска баланса на основе принципа соразмерности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Сравнительно-правовой анализ показывает, что российский институт не уникален: аналогичные правовые режимы действуют в США (Foreign Agents Registration Act, FARA, 1938) и Австралии (Foreign Influence Transparency Scheme Act, FITSA, 2018) [2]. Оба акта являются консолидированными и содержат более жесткие, нежели российские, правила, охватывая более широкий круг лиц и видов деятельности. Так, FARA использует принцип эстоппеля, позволяя признавать агентом лицо, действующее так, «как если бы оно являлось агентом иностранного принципала», независимо от формального договора [2, с. 7–8]. FITSA дифференцирует субъектов, устанавливая для организаций конкретные критерии связи с иностранным принципалом (участие в капитале, количество голосов, право назначать членов совета директоров) [2, с. 7]. Ответствен-

ность по FARA предусматривает штраф до 10 тыс. долларов и лишение свободы до пяти лет, по FITSA — тюремное заключение от шести месяцев до пяти лет [2, с. 12–13].

Принципиальное отличие российского закона от зарубежных аналогов — отсутствие требования причинно-следственной связи между иностранной поддержкой и деятельностью лица. В США агент действует «по приказу, запросу или под контролем иностранного принцепала», тогда как в России достаточно формального совпадения двух независимых факторов: получения любой, даже символической, иностранной поддержки и распространения информации. Это создает риск произвольного правоприменения и подтверждается практикой: основанием для включения в реестр может служить сумма в 200 рублей, как в случае с движением «Голос», получившим перевод от гражданки Армении [3, с. 43].

Анализ соотношения безопасности и прав человека в российской модели выявляет явный дисбаланс. Аргументация государства строится на необходимости защиты государственной службы и ценностного суверенитета от внешнего влияния, что подтверждается включением соответствующего принципа в Федеральный закон «О системе государственной службы РФ» и принятием Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [4, с. 20, 26–27]. Однако критический анализ обнаруживает, что ограничения прав выходят за пределы необходимого. Общественная палата РФ еще на стадии законопроекта указывала на негативную коннотацию термина «иностранное агентство» и необходимость конкретизации понятия «политическая деятельность» [5].

Практика подтвердила, что эти опасения были обоснованы: в реестр систематически попадали организации, чья деятельность носила не политический, а социально ориентированный характер. Например, благотворительный фонд «Гуманитарное действие», помогавший наркозависимым и людям с ВИЧ, за интервью директора о проблемах распространения ВИЧ [6, с. 41–42]. Внесудебный порядок включения в реестр лишает лицо возможности своевременной судебной защиты, судебная практика складывается таким образом, что оспорить решение Минюста крайне затруднительно [7; 8].

Конституционный Суд РФ еще в 2014 г. указал, что статус иноагента «не предполагает негативного отношения органов государственной власти», а лишь предусматривает «особенности правового положения» [9]. Однако эта формула осталась декларативной: стигматизация, открытый реестр с персональными данными и обременительные последствия статуса (отчеты на десятки страниц, маркировка каждого публичного сообщения, запрет на профессию)

привели к тому, что статус иноагента де-факто превратился в форму гражданской смерти.

Действующее законодательство сохраняет ряд фундаментальных проблем. Во-первых, неопределенность ключевых понятий («иностранное влияние», «политическая деятельность») позволяет чрезмерно широко трактовать закон. Отсутствие минимального порога финансирования означает, что основанием для включения в реестр может служить любое, даже символическое, поступление средств из-за рубежа. В научной литературе предлагаются конкретные меры: для юридических лиц — порог не менее 40 % от совокупного дохода, для физических лиц — более 20 %, при систематическом характере финансирования [10, с. 52–53]. Во-вторых, процедурный дефицит: внесудебный порядок и практическая невозможность оспорить решение Минюста. В-третьих, избыточность ограничительных мер, парализующих любую общественную активность лица [6, с. 44].

Перспективы развития института связаны с двумя разнонаправленными тенденциями. Внешнеполитическая напряженность и санкционное давление подталкивают к ужесточению контроля, в то время как накопление правоприменительных проблем стимулирует дискуссию о либерализации. Наиболее проработанным предложением по реформированию стал законопроект фракции «Новые люди» (проект № 35591–8), предусматривавший введение понятия «иностранное агентство» (финансирование или контроль не менее 30 %), судебный порядок признания иноагентом, отказ от маркировки сообщений личного характера и исключение высказываний о деятельности госорганов из перечня политической деятельности [11]. Правительство РФ отклонило проект, усмотрев в нем риск создания «лазеек для уклонения от ограничений» и «распространения незаметной для пользователя пропаганды» [11].

Тем не менее сам факт появления такой инициативы свидетельствует об осознании необходимости корректировки института. Компромиссным вариантом мог бы стать дифференцированный подход: установление различных правовых режимов для разных категорий иноагентов в зависимости от масштаба деятельности и степени реального влияния на политические процессы. Ключевым условием легитимности института в долгосрочной перспективе остается его соответствие принципу соразмерности, закрепленному в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Как показывает международный опыт, само по себе существование такого института не противоречит демократическим стандартам при условии, что он служит инструментом прозрачности, а не репрессий [2, с. 14].

Литература:

1. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 29 (Части I–II). — Ст. 5222.
2. Курбанов, Р. А. Статус иностранных агентов в России, США и Австралии: сравнительно-правовое исследование / Р. А. Курбанов, К. И. Налетов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2021. — Т. 17, № 5. — С. 5–15.

3. Брикульский, И. Споры о признании «иностранным агентом» в зеркале судебных решений за 2020–2022 гг. / И. Брикульский // Free University Press. — URL: <https://freeuniversity.press/palladium/2/p02-05/> (дата обращения: 21.06.2026).
4. Чуб, Н. В. Национальная самобытность и иностранное заимствование в правовых формах кадрового делопроизводства: история и современность / Н. В. Чуб // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2023. — Т. 13, № 6. — С. 18–27.
5. Заключение Общественной палаты РФ по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 102766–6 // СОЗД ГАС «Законотворчество». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102766-6> (дата обращения: 21.06.2026).
6. Васильева О. И. Правовой статус «иностранного агента»: проблемы правового регулирования и правоприменения // Закон. Право. Государство. — 2022. — № 4 (36). — С. 38–46.
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.06.2025 по делу № 33а-4467/2025 // КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2951192#j7or7NV42SO Dq2ch> (дата обращения: 21.06.2026).
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2025 по делу № 33а-4063/2025 // Суды общей юрисдикции города Москвы. — URL: <https://m.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-admin/details/d9d363d0-2c0a-11f0-9b6d-57040e07a84f> (дата обращения: 21.06.2026).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 16. — Ст. 1921.
10. Мифтахов, Р. Л. Особенности административно-правового статуса иностранных агентов в РФ / Р. Л. Мифтахов, А. И. Белоусов // Юридический вестник ДГУ. — 2023. — Т. 46, № 2. — С. 66–72.
11. Законопроект № 35591-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения процедуры признания физических и юридических лиц иностранными агентами и порядка предоставления отчетности» // СОЗД ГАС «Законотворчество». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/35591-8> (дата обращения: 21.06.2026).

Трансформация судебного следствия в уголовном процессе в условиях интеграции электронных доказательств

Лисей Диана Романовна, студент

Научный руководитель: Гутник Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье анализируется судебное следствие как ключевой этап стадии судебного разбирательства. Особое внимание уделено проблемам использования электронных доказательств, что порождает противоречия в правоприменительной практике. Для исследования такого рода доказательств требуются специальные технические средства, кроме того, для приобщения их к делу нужно соблюдать особые процедуры фиксации, также необходимо гарантировать неизменность и подлинность данных, и применять специальную методику для оценки достоверности цифровой информации. В результате наступает неопределённость правового статуса, которая приводит к признанию электронных материалов недопустимыми доказательствами, из-за несоблюдения процессуальных норм.

Ключевые слова: электронные доказательства, судебное следствие, уголовное судопроизводство.

Transformation of the judicial investigation in a criminal trial in the context of the integration of electronic evidence

The article analyzes the judicial investigation as a key stage of the trial stage. Special attention is paid to the problems of using electronic evidence, which generates contradictions in law enforcement practice. Special technical means are required to study this kind of evidence, in addition, special recording procedures must be followed to attach them to the case, it is also necessary to ensure the immutability and authenticity of the data, and to apply special techniques to assess the reliability of digital information. As a result, the legal status is uncertain, which leads to the recognition of electronic materials as inadmissible evidence due to non-compliance with procedural rules.

Keywords: *electronic evidence, judicial investigation, criminal proceedings.*

Судебное следствие выступает ключевым этапом судебного разбирательства в уголовном процессе, в рамках которого происходит непосредственное исследование доказательств, формируется фактическая основа приговора и создаются условия для реализации принципов состязательности и равноправия сторон. Его предназначение выходит за пределы простой проверки материалов предварительного расследования: оно призвано обеспечить объективное, всестороннее и полное выяснение обстоятельств дела посредством гласного, устного и непосредственного исследования сведений, имеющих доказательственное значение [5]. При этом суть судебного следствия заключается не в дублировании следственных действий, проведенных на досудебной стадии, а в самостоятельной оценке доказательственной базы судом при активном участии сторон обвинения и защиты, что придаёт итоговому решению необходимую легитимность и обоснованность.

Особую сложность представляет исследование электронных доказательств и данных, полученных с использованием современных технических средств. В условиях развития цифровых технологий и их внедрения в сферу правосудия особую актуальность приобретает исследование проблем, связанных с использованием электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Однако на сегодняшний день Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит законодательного определения понятия «электронное доказательство», что создает определенные сложности в правоприменительной практике. Необходимость исследования «электронного доказательства» и его правовое регулирование обусловлено реальными потребностями судебной практики, которая все чаще использует в качестве доказательств цифровую информацию о совершенном преступлении из электронных источников. Такая необходимость связана не только с повсеместным распространением информационных технологий, но и вытеснением традиционных бумажных документов электронной информацией, в связи с чем порождаются противоречия в правоприменительной практике [1].

Противоречия в правоприменительной практике наиболее остро проявляются в уголовно-процессуальной отрасли права. При этом информационно-технологические источники происхождения криминалистически значимой информации играют важную роль в уголовном процессе.

Направления использования электронной доказательственной информации включают:

- получение электронных носителей информации;
- конвертацию процессуальных документов в электронный формат;
- проведение следственных действий удаленно;
- электронный способ фиксации информации;
- получение информации через запросы и истребование [3].

Особенности электронной информации требуют особого внимания к вопросам аутентичности, неизменяемости и целостности доказательств. Уголовный процесс находится под давлением технологического прогресса, что требует более решительного использования электронных доказательств.

Проблемы внедрения электронных доказательств связаны с тем, что существующая следственная модель уголовного судопроизводства, основанная на письменной форме доказательств, создает препятствия для реализации потенциала информационных технологий [3].

Перспективы развития электронного документооборота в уголовном процессе связаны с модернизацией уголовно-процессуального доказывания; внедрением новых информационных технологий; повышением открытости и доступности правосудия и снижением избыточного формализма.

Внедрение электронных доказательств требует не создания нового вида доказательств, а уточнения существующих понятий с учетом электронной формы информации. Главный аспект заключается в переходе от следственной модели доказательств к открытой информационной системе, обеспечивающей равные возможности сторон на получение доказательств.

При этом необходимо разработать особую методику работы с электронной информацией, включая поиск, исследование, закрепление и изъятие доказательств, что возможно благодаря существующим нормам УПК РФ о технических средствах и электронных носителях информации.

Анализ действующего законодательства показывает, что нормативная база в области электронных доказательств требует существенной доработки. Существующие правовые нормы не в полной мере учитывают специфику цифровых технологий и не обеспечивают равного доступа сторон к электронным доказательствам. Это создает предпосылки для нарушения принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Процессуальные особенности работы с электронными доказательствами характеризуются следующими аспектами:

1. Необходимость специальных технических средств для исследования доказательств.
2. Сложность обеспечения неизменности и подлинности электронных носителей.
3. Особая процедура фиксации и приобщения к делу.
4. Специфика оценки достоверности цифровой информации.

Практический анализ показывает, что сторона обвинения обладает существенными преимуществами в работе с электронными доказательствами.

Судебная практика демонстрирует, что существующие процессуальные механизмы не обеспечивают должной за-

щиты прав стороны защиты при работе с электронными доказательствами. Наблюдается тенденция к формальному подходу при оценке цифровых материалов и недостаточной защите прав обвиняемых.

Для устранения выявленных проблем необходимо совершенствование процессуального законодательства в следующих направлениях:

1. Унификация процедур сбора и представления электронных доказательств.
2. Разработка единых стандартов оценки цифровых материалов.
3. Обеспечение равного доступа сторон к техническим средствам.
4. Повышение квалификации всех участников процесса в области цифровых технологий.
5. Создание специализированных подразделений по работе с электронными доказательствами.

Литература:

1. Бикмиев, Р. Г. Собираание электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / Р. Г. Бикмиев, Р. С. Бурганов // Информационное право. — 2015. — № 3. — С. 17–21.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 80 с.
3. Пастухов, П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств / П. С. Пастухов // Пермский юридический альманах. — 2019. — №. 2. — С. 695–707.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Российская газета. — 2026. — 10 апр.

Цифровая трансформация регистрационных процедур для малого и среднего предпринимательства: опыт Чили и возможности адаптации в России

Ложеницын Никита Вячеславович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье анализируется чилийская реформа «*Empresa en un Día*», создавшая полностью электронную систему регистрации бизнеса. Рассматриваются ключевые элементы реформы: единая электронная форма, принцип «молчаливого согласия», автоматическая рассылка данных в контролирующие органы, а также проблемные аспекты (слабая верификация, использование платформы криминальными структурами). На основе анализа формулируются рекомендации по адаптации чилийского опыта в российской правовой системе.

Ключевые слова: регистрация бизнеса, цифровизация, «*Empresa en un Día*», малое и среднее предпринимательство, административные барьеры.

Одним из наиболее значительных барьеров для развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в развивающихся странах является сложность и длительность процедур регистрации бизнеса. В странах Латинской Америки исторически сложилась крайне бюрократизированная система, требовавшая посещения

Перспективным направлением развития процессуального законодательства является внедрение цифровых технологий в деятельность судов. Это предполагает создание единой системы электронного документооборота, развитие практики использования видеоконференц-связи и внедрение систем автоматизированного протоколирования судебных заседаний.

Следует отметить, что проблема электронных доказательств и процессуального неравенства требует комплексного подхода к решению. Необходимо не только совершенствование нормативной базы, но и развитие технической инфраструктуры, повышение квалификации участников процесса, формирование единообразной судебной практики. Только такой подход может обеспечить реализацию принципов состязательности и равноправия сторон в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

множества ведомств, оплаты нотариальных услуг и публикации сведений в официальных изданиях [7].

Чилийская реформа «*Empresa en un Día*» (далее — ЕЕД), запущенная в 2013 году, стала одной из самых амбициозных попыток цифровой трансформации регистрационных процедур в регионе. С принятием Закона № 20.659,

известного как «Ley de Empresa en un Día», был создан Реестр предприятий и обществ, позволяющий зарегистрировать компанию полностью онлайн в течение одного дня и без затрат на нотариальные услуги и публикации [3].

Цель настоящей статьи — проанализировать ключевые элементы чилийской реформы, оценить её результаты и системные проблемы, а также сформулировать рекомендации по адаптации опыта в российской правовой системе.

Закон № 20.659 «Ley de Empresa en un Día» от 8 февраля 2013 г. ввел «упрощенный режим» для создания, изменения и ликвидации коммерческих обществ. Ключевым нововведением стало создание Реестра предприятий и обществ — полностью электронной базы данных, заменившей традиционную систему регистрации в Консерваторе недвижимости [3].

В отличие от традиционной процедуры, требовавшей составления нотариального акта, публикации выписки в официальном вестнике и регистрации в Консерваторе (общий срок — до 27 дней), новая система позволяет зарегистрировать компанию через онлайн-портал в течение нескольких часов [5]. Все данные автоматически передаются в налоговую службу, которая присваивает компании налоговый номер (RUT).

Система EED позволяет регистрировать следующие типы обществ [5; 6]:

- Empresa Individual de Responsabilidad Limitada (EIRL) — индивидуальное предприятие с ограниченной ответственностью;
- Sociedad de Responsabilidad Limitada (Ltda.) — общество с ограниченной ответственностью;
- Sociedad por Acciones (SpA) — акционерное общество упрощенного типа;
- Sociedad Anónima Cerrada — закрытое акционерное общество;
- Sociedades Colectivas Comerciales, Sociedades en Comandita Simple, Sociedades en Comandita por Acciones — коллективные и коммандитные общества.

Наиболее популярной формой среди стартапов и малого бизнеса является акционерное общество упрощенного типа (SpA). К преимуществам данной формы бизнеса относятся: отсутствие минимального уставного капитала, возможность выпуска акций различных классов (с разными правами голоса и дивидендными привилегиями), упрощенная структура управления (не требуется совет директоров для обществ с капиталом менее 100 млн песо) [6].

Процесс регистрации включает следующие этапы [5; 6]:

1. Заполнение электронной формы на портале: указание названия компании, вида деятельности (классификатор CIUU), предполагаемого дохода, адреса, сведений об учредителях и размере уставного капитала.
2. Подписание формы с использованием электронной подписи, выдаваемой аккредитованными удостоверяющими центрами. Альтернативно, учредители могут подписать форму у нотариуса (стоимость услуги — около 15 000–20 000 песо, что составляет примерно 15–20 долл. США).

3. Автоматическое присвоение налогового номера и регистрация в Реестре предприятий и обществ.

4. Получение электронных сертификатов (Свидетельство об уставе, Свидетельство о действующем статусе).

Платформа Реестра предприятий и обществ не ограничивается первичной регистрацией. Она также позволяет [5]:

- вносить изменения в устав (изменение капитала, смена адреса, назначение новых директоров);
- осуществлять куплю-продажу акций с отражением в электронном реестре акционеров;
- проводить преобразование, слияние, разделение и ликвидацию обществ;
- выбирать режим налогообложения;
- регистрироваться в Национальном реестре МСП.

За 12 лет действия реформы (2013–2025 гг.) зарегистрировано более 178 тыс. компаний ежегодно (рост на 295 % по сравнению с 2012 г.). Доля полностью онлайн-регистраций достигла 97 %. Среднее время регистрации сократилось с 27 дней до 1 дня, а стоимость — с 150 % минимальной зарплаты до 1 % [8].

Интеграция с государственными органами (налоговая инспекция, муниципалитеты, инспекция труда, пенсионные фонды) позволила автоматизировать уведомления и сократить количество бумажных документов. Принцип «молчаливого согласия» (если муниципалитет не отвечает в течение 5 рабочих дней, разрешение считается выданным) дополнительно ускорил процесс получения лицензий [7].

Однако есть и системные проблемы реформы:

1. Слабая верификация учредителей. Автоматизированная система проверяет лишь наличие судимости за экономические преступления через базу судебных решений, но не проводит глубокой идентификации личности. По данным чилийского Министерства экономики, в 15 % случаев регистрация происходила по украденным документам (похищенный RUT, поддельная электронная подпись). За 2022 г. зафиксировано 1 800 случаев регистрации фиктивных компаний, использовавшихся для мошенничества с НДС [8]. В ответ на это с 2024 г. введена обязательная биометрическая верификация (сканирование лица через камеру смартфона).

2. Использование платформы криминальными структурами. В июне 2025 г. были задержаны участники венесуэльской группировки «Трен де Арагуа», которые использовали систему EED для создания компаний-однодневок с целью легализации доходов. Схема включала: регистрацию фиктивной компании через EED → дробление крупных сумм на мелкие транзакции (для избежания банковских процентов) → перевод средств за рубеж [5].

В этой связи возникает необходимость усиления проверки регистрируемых компаний с использованием современных методов финансового мониторинга и контроля: обработка больших массивов данных, искусственный интеллект, блокчейн, облачные вычисления [4, с. 48].

В России регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей осуществляется через Феде-

ральную налоговую службу с использованием принципа «единого окна». Однако в отличие от чилийской системы, российская не интегрирована с муниципальными органами, выдающими лицензии и разрешения. Предприниматель после регистрации в ФНС обязан самостоятельно обращаться в муниципалитет за патентом или разрешением на вид деятельности [1].

Кроме того, в России сохраняется требование об обязательном наличии юридического адреса (часто предоставляемого за плату «адресными» компаниями), что создает дополнительные издержки. В Чили этот вопрос решен проще: можно указать домашний адрес в качестве «административного офиса» с последующим получением муниципальной лицензии (которая не требуется для начала деятельности в первый месяц) [6].

На основе чилийского опыта можно предложить следующие меры для российской системы регистрации:

1. Интеграция муниципальных лицензий в «единое окно» ФНС. По аналогии с чилийской системой, предлагается обязать ФНС после регистрации юридического лица автоматически направлять уведомление в орган местного самоуправления по месту нахождения заявителя. Для видов деятельности, не требующих специальной проверки, лицензия должна выдаваться автоматически в течение 10 рабочих дней.

2. Принцип «молчаливого согласия». Если муниципалитет не отвечает в установленный срок, разрешение считается выданным. Данный принцип уже применяется в России в сфере государственных услуг (на основании Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»), но не распространяется на муниципальные лицензии [2].

3. Внедрение биометрической верификации при регистрации через портал «Госуслуги». Чилийский опыт показывает, что упрощение процедур без надлежащего контроля за идентичностью создает риски для мошенничества. Использование Единой биометрической системы при регистрации ИП и юридических лиц могло бы снизить риски фиктивных регистраций.

4. Расширение перечня организационно-правовых форм, доступных для онлайн-регистрации. В настоящее время через ФНС можно зарегистрировать только ООО, АО и ИП. Чилийский опыт включения в систему восьми типов обществ (включая SpA — аналог российского АО с упрощенной структурой) мог бы быть использован для упрощения регистрации акционерных обществ с небольшим капиталом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что чилийская реформа «Empresa en un Día» является примером успешной цифровой трансформации регистрационных процедур, позволившей существенно сократить время и стоимость создания бизнеса. Однако опыт Чили также демонстрирует, что упрощение не должно идти в ущерб безопасности. Слабая верификация учредителей создала риски использования системы криминальными структурами для легализации доходов.

Для России основными рекомендациями являются: необходимость межведомственной интеграции (включение муниципальных лицензий в «единое окно»), применение принципа «молчаливого согласия» и использование биометрической верификации. При этом важно сохранить баланс между скоростью регистрации и надежностью контроля, чтобы не допустить воспроизведения чилийских проблем (фиктивные компании, легализация доходов).

Литература:

1. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.06.2026).
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.06.2026).
3. Закон Чили № 20.659 об упрощении регистрации компаний от 08.02.2013 // Diario Oficial de la República de Chile. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/members/profile/CL?activeCollection=laws&collection=laws&collection=treaties&collection=judgments> (дата обращения: 11.06.2026).
4. Никулин К. Трансформация стратегии прямых иностранных инвестиций в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. Мировая экономика и международные отношения, 2020, т. 64, № 7 — С. 134–138.
5. El lado oscuro de «Empresa en un día»: La plataforma para emprendedores explotada por el crimen organizado [Электронный ресурс] // Emol. — 2025. — 21 julio. — Режим доступа: <https://www.emol.com/noticias/Economia/2025/07/21/1172751/empresa-un-dia-crimen.html> (дата обращения: 11.06.2026).
6. Empresa en un día. Lo que debes saber a 2025 [Электронный ресурс] // Clark Abogados. — 2025. — 25 mayo. — Режим доступа: <https://clarkabogados.cl/empresa-en-un-dia/> (дата обращения: 11.06.2026).
7. Salgan Ruiz, Leandro G. El nuevo régimen de digitalización en el procedimiento administrativo: desburocratización y simplificación normativa (Ley 27.446). Primera parte [Электронный ресурс] // Microjuris.com — Режим доступа: <https://aldiaargentina.microjuris.com/2019/01/15/el-nuevo-regimen-de-digitalizacion-en-el-procedimiento-administrativo-desburocratizacion-y-simplificacion-normativa-ley-27-446-primera-parte/> (дата обращения: 11.06.2026).

8. Vaquer Caballería, M. LA Codificación del procedimiento administrativo en España — The legal codification of the administrative procedure in Spain // Revista General de Derecho Administrativo, 2016. [Электронный ресурс] // ResearchGate — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/304353726_LA_CODIFICACION_DEL_PROCEDIMIENTO_ADMINISTRATIVO_EN_ESPANA_-_THE_LEGAL_CODIFICATION_OF_THE_ADMINISTRATIVE_PROCEDURE_IN_SPAIN (дата обращения: 11.06.2026).

Генезис становления феномена электронной торговли и его правовой регламентации

Лукшанов Адьян Владимирович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье автор, используя историко-правовой метод, исследует эволюцию электронной торговли и её законодательного регулирования с момента зарождения и до настоящего времени.

Ключевые слова: электронная торговля, цифровая экономика, маркетплейс, агрегатор, электронная сделка.

В условиях нарастания цифровой революции во всех сферах жизни современных социумов, вопросы правового урегулирования электронной торговли составляют мейнстрим научных исследований. Актуальность этой темы обусловлена целым рядом факторов, включая новизну проблематики, отсутствие устойчивых правовых традиций и ориентиров в этой области, невероятно высокую динамику роста масштабов электронной торговли и т. д.

Всесторонний анализ правовой проблематики электронной торговли и электронных государственных закупок невозможно без обращения к истории формирования данного института. Эволюция электронной торговли — уникальный пример того, как технологические инновации предшествуют правовому регулированию, создавая перед законодателем задачу последующей юридической легитимации сложившихся общественных отношений [1, с. 686].

Историко-правовой анализ становления электронной торговли в России и мире показывает, что её развитие прошло несколько этапов, связанных с технологическими прорывами, изменениями в законодательстве и трансформациями экономических отношений.

Первый этап (1960–1990-е гг.) — предпосылки возникновения электронной торговли и Появление первых примитивных форм e-commerce. Зарождение рассматриваемого феномена большинство аналитиков связывают с созданием в 60-х годах прошлого века систем электронного обмена данными (Electronic Data Interchange, EDI). Появление стандартов EDI (Electronic Data Interchange) для обмена коммерческими данными в закрытых корпоративных сетях знаменовало начало не столько собственно правового, сколько технического базиса электронной торговли.

В России в 1990-е годы электронная торговля находилась в зачаточном состоянии. В середине 1990-х годов

появились первые коммерческие сайты, которые можно считать предтечами электронной торговли. Это были простые лендинги, где пользователи узнавали о компании и услугах, а затем связывались с продавцом по телефону или email.

Первые интернет-магазины и системы онлайн-платежей (Webmoney, «Яндекс Деньги») появились лишь в конце 90-х годов. Так в 1998 году основан Ozon.ru, который был основан как книжный онлайн-магазин и на тот момент торговал только книгами и видеокассетами, но при этом осуществлял доставку по всей стране. При этом правовое регулирование электронной торговли на тот момент времени практически отсутствовало, а немногочисленные сделки совершались в правовом вакууме, основываясь на общих положениях ГК РФ о договорах/

Второй этап (2000–2010-е гг.) — формирование правовых основ электронной торговли. Начало XXI века ознаменовалось стремительным развитием интернет-технологий и формированием первых попыток правового регулирования электронной коммерции. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (2001 г.) и Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (2005 г.) стандартизировали методы онлайн-идентификации контрагентов.

В нашей стране налицо развитие электронных торговых площадок (ЭТП), особенно в B2B-сегменте. В 2001–2002 годах произошёл качественный скачок в развитии электронной коммерции в B2B. В 2004–2005 годах РАО ЕЭС начало выстраивать систему электронных закупок [5, с. 213].

Третий этап (2010–2020-е гг.) — системное правовое регулирование и цифровая трансформация. Этот период характеризуется масштабной цифровизацией экономики и принятием комплексного законодательства. С 1 января 2014 года вступил в силу Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ,

услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», установивший обязательность проведения закупок в электронной форме, закон был принят Госдумой в 2013 году, а некоторые его положения вступили в силу позднее. Согласно ст. 24.1 данного Закона (введена в 2017 году), все закупки, за редким исключением, должны проводиться в электронной форме на электронных площадках.

Важнейшим явлением 2010-х годов стало появление и стремительный рост маркетплейсов — цифровых платформ, агрегирующих множество продавцов. Ozon, Wildberries, AliExpress, Яндекс.Маркет и другие площадки изменили саму парадигму электронной торговли. Однако правовой статус маркетплейсов долгое время оставался неопределённым. В этом контексте напомним, что законодательство РФ на тот момент времени не содержало понятия «маркетплейс», порождая многочисленные споры о распределении ответственности между платформой и продавцами.

Четвертый этап (2020-е гг. — настоящее время) — пандемийный скачок и современные вызовы. Пандемия COVID-19 стала катализатором цифровизации торговли. По данным ряда аналитиков, в 2020 году объем российского рынка электронной коммерции вырос, достигнув 2,7 трлн рублей [3]. При этом почти половина продаж (около 45 %) пришлось на крупные универсальные маркетплейсы, такие как Wildberries, Ozon, AliExpress Russia и «Яндекс Маркет». Их общий оборот за 2020 год вырос на 108 % и достиг 721 млрд рублей, а количество заказов увеличилось на 78 %, до 405 млн [2]. Этот стремительный рост маркетплейсов выявил многочисленные правовые проблемы: от защиты персональных данных до ответственности за контрафактную продукцию.

Государство отреагировало на возникающие правовые проблемы серией изменений в законодательстве. Фокус правового регулирования начинает смещаться с обычных договоров купли-продажи к законодательной регламентации экосистем, защиту персональных данных и справедливую конкуренцию. В 2021 году была введена инновационная статья 39.1 Закона о защите прав потребителей, впервые установившая особенности продажи товаров на агрегаторах информации о товарах. Однако, по мнению многих экспертов, данная норма содержит много-

численные пробелы и не решает всех проблем правоприменения [5, с. 24].

Геополитические события 2022 года привели к уходу с российского рынка ряда крупных зарубежных площадок и необходимости ускоренного развития отечественных сервисов. Введение системы обязательной маркировки товаров, развитие цифрового рубля, усиление контроля за трансграничной торговлей — все эти факторы потребовали дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Историко-правовой анализ позволяет выделить следующие тренды и закономерности в эволюции нормативно-правовой базы электронной торговли. Технологическое развитие постоянно опережает правовое регулирование, создавая некий «темпоральный лаг» между возникновением новых общественных отношений и их законодательным оформлением. Правовое регулирование развивается инерционно и реактивно, как ответ на кризисные ситуации или массовые нарушения прав участников оборота. Происходит конвергенция правового регулирования коммерческой электронной торговли и электронных государственных закупок на основе общих цифровых принципов. Сохраняется значительная роль судебной практики в восполнении пробелов законодательства. Российское законодательство развивается с учетом международного опыта, но со значительным временным отставанием.

Историческое развитие электронной торговли в России и мире прошло эволюцию от простейшего обмена данными в 1960-х гг. к формированию глобального платформенного права к 2026 году. Глобальное законодательство развивалось параллельно с техническими возможностями — от закрытых сетей B2B до открытого интернета. Международное регулирование изначально строилось на признании юридической силы электронных документов, тогда как российская модель электронной торговли развивалась от прямого заимствования западных концепций к жесткому фискальному контролю, суверенизации ИТ-инфраструктуры и комплексному регулированию маркетплейсов. За короткий срок российский сегмент электронной торговли прошёл путь от полного отсутствия нормативной базы к специфической «платформенной» модели регулирования.

Литература:

1. Богданова, А. Л. Электронная коммерция в России: эволюция онлайнторговли и новые потребительские привычки / А. Л. Богданова // В сборнике: Цифровая экономика. — Казань, 2025. — С. 686–690.
2. В 2020 году рынок e-commerce достиг в России 2,7 трлн рублей. Сайт — MoblleReview. [Электронный ресурс] URL: <https://mobile-review.com/all/news/v-2020-godu-rynok-e-commerce-dostig-v-rossii-2-7-trln-rublej/> (дата посещения ресурса: 08.06.2026).
3. Исследование: объем рынка e-commerce в России в 2020 году достиг 2,7 трлн рублей. Сайт — Retailer [Электронный ресурс] URL: <https://retailer.ru/issledovanie-obem-rynka-e-commerce-v-rossii-v-2020-godu-dostig-2-7-trln-rublej/> (дата посещения ресурса: 08.06.2026).
4. Круликовский, А. П. Эволюция электронной коммерции: технологии, стимулирующие электронную торговлю / А. П. Круликовский, П. А. Таранова // В сборнике: Актуальные проблемы и перспективы развития экономики. — Симферополь, 2025. — С. 212–214.

5. Кулапова, Т. Ю. Правовое регулирование сферы e-commerce: интернетторговли, электронных сделок и смарт-контрактов: учебное пособие / Т. Ю. Кулапова, Р. Е. Петрова, В. В. Проценко. — М.: Юстицинформ, 2025. — 166 с.

Правовое регулирование цифрового банковского надзора в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта

Мамедова Назиля Мирхад кызы, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются современные тенденции развития цифрового банковского надзора в Российской Федерации. Анализируются правовые основы применения цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта в деятельности Банка России. Рассматриваются вопросы использования автоматизированных систем анализа данных, риск-ориентированного подхода и цифровых платформ финансового мониторинга. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования алгоритмического принятия решений, защиты персональных данных и обеспечения прав участников финансовых правоотношений. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства в сфере цифрового банковского надзора.

Ключевые слова: банковский надзор, Банк России, цифровизация, искусственный интеллект, финансовое право, финансовый мониторинг, риск-ориентированный подход, цифровой надзор, платформа «Знай своего клиента».

Legal regulation of digital banking supervision in the context of artificial intelligence implementation

Mamedova Nazilya Mirkhad kyzy, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines current trends in the development of digital banking supervision in the Russian Federation. It analyzes the legal framework governing the use of digital technologies and artificial intelligence tools in the activities of the Bank of Russia. The study explores the use of automated data analysis systems, the risk-based approach, and digital financial monitoring platforms. Particular attention is paid to the legal regulation of algorithmic decision-making, personal data protection, and the safeguarding of the rights of participants in financial legal relations. The author proposes measures aimed at improving legislation in the field of digital banking supervision.

Keywords: banking supervision, Bank of Russia, digitalization, artificial intelligence, financial law, financial monitoring, risk-based approach, digital supervision, Know Your Customer (KYC) platform.

В условиях цифровизации финансового сектора особое значение приобретает совершенствование механизмов государственного контроля за деятельностью кредитных организаций [7]. Развитие финансовых технологий приводит к увеличению объемов обрабатываемой информации, что требует внедрения новых инструментов надзорной деятельности. В связи с этим Банк России активно использует цифровые технологии для мониторинга деятельности кредитных организаций и выявления потенциальных рисков финансовой системы.

Особое значение приобретает применение технологий искусственного интеллекта, повышающих эффективность банковского надзора [9]. Вместе с тем их использование порождает правовые вопросы, связанные с прозрачностью решений и защитой персональных данных.

Целью настоящего исследования является анализ правового регулирования цифрового банковского надзора в условиях внедрения технологий искусственного интел-

лекта, а также выявление проблем и перспектив развития соответствующего законодательства.

1. Правовые основы цифрового банковского надзора

Правовую основу банковского надзора в Российской Федерации составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и иные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность кредитных организаций [1–3].

В соответствии с действующим законодательством Банк России является органом банковского регулирования и банковского надзора, осуществляющим контроль за соблюдением кредитными организациями требований законодательства Российской Федерации [3]. Основными задачами надзорной деятельности выступают обеспечение устойчивости банковской системы, защита интересов вкладчиков и поддержание стабильности финан-

сового рынка. Современный банковский надзор активно использует цифровые технологии, включая автоматизированный анализ отчетности и дистанционный мониторинг [7; 8].

Цифровизация банковского надзора является объективным следствием развития финансового рынка. Традиционные механизмы контроля уже не позволяют эффективно анализировать значительные объемы информации, поступающие от участников банковской системы. В таких условиях применение цифровых технологий становится необходимым условием эффективной реализации надзорных полномочий государства.

2. Правовые проблемы применения ИИ в банковском надзоре

Одним из наиболее перспективных направлений развития банковского надзора является использование технологий искусственного интеллекта [9]. Применение алгоритмов анализа данных позволяет выявлять подозрительные операции, прогнозировать риски и повышать эффективность финансового мониторинга.

Несмотря на очевидные преимущества, использование искусственного интеллекта связано с рядом правовых проблем. Одной из наиболее значимых является проблема прозрачности алгоритмов принятия решений.

Представляется, что участники финансового рынка должны иметь возможность понимать основания принятия решений, затрагивающих их права и законные интересы. В противном случае возникает риск нарушения принципа правовой определенности [1].

Не менее актуальной проблемой остается защита персональных данных. Современные цифровые системы надзора функционируют на основе обработки значительных массивов информации, содержащих сведения о клиентах кредитных организаций и совершаемых финансовых операциях [5]. В связи с этим особое значение приобретает соблюдение требований законодательства о персональных данных и обеспечение информационной безопасности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос ответственности за решения, принимаемые с использованием искусственного интеллекта.

Применение автоматизированных систем не должно исключать ответственность государственных органов и должностных лиц за последствия принимаемых решений. Искусственный интеллект может выступать лишь вспомогательным инструментом надзорной деятельности, но не самостоятельным субъектом принятия юридически значимых решений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок).
2. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Собрание законодательства Российской Федерации.
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.

Важным элементом цифрового банковского контроля является платформа Банка России «Знай своего клиента», функционирующая в рамках риск-ориентированного подхода к финансовому мониторингу [6]. Использование данного механизма позволяет повысить эффективность выявления сомнительных операций, однако требует постоянного совершенствования процедур защиты прав добросовестных участников экономической деятельности.

3. Перспективы совершенствования законодательства

Дальнейшее развитие банковского надзора будет связано с расширением применения цифровых технологий и интеллектуальных систем анализа данных [7; 9]. В этих условиях возрастает необходимость формирования комплексного правового регулирования, учитывающего особенности использования искусственного интеллекта в надзорной деятельности.

Представляется целесообразным законодательное закрепление принципов применения искусственного интеллекта в финансовой сфере. К числу таких принципов следует отнести законность, прозрачность алгоритмов, защиту персональных данных, возможность проверки результатов автоматизированного анализа и обеспечение права на обжалование принимаемых решений.

Кроме того, дальнейшего совершенствования требует правовое регулирование платформы «Знай своего клиента» [6]. Особое внимание должно быть уделено развитию механизмов защиты прав субъектов предпринимательской деятельности и повышению прозрачности процедур оценки уровня риска.

Цифровая трансформация банковского сектора оказывает существенное влияние на развитие механизмов государственного контроля и надзора. Использование технологий искусственного интеллекта способствует повышению эффективности надзорной деятельности и позволяет своевременно выявлять потенциальные риски финансовой системы [7; 9].

Вместе с тем внедрение цифровых технологий сопровождается возникновением новых правовых проблем, связанных с обеспечением прозрачности алгоритмов, защитой персональных данных и соблюдением прав участников финансовых правоотношений [5].

Таким образом, дальнейшее развитие цифрового банковского надзора должно сопровождаться совершенствованием законодательства, направленным на создание эффективных правовых механизмов использования технологий искусственного интеллекта в финансовой сфере [3; 7].

4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.
5. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.
6. Указание Банка России от 20.07.2022 № 6209-У «О требованиях к деятельности кредитных организаций при реализации платформы «Знай своего клиента»».
7. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025–2027 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.06.2026).
8. Годовой отчет Банка России за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.06.2026).
9. Банк России. Цифровизация финансового рынка и развитие надзорных технологий (SupTech) [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.06.2026).

Использование электронных доказательств в процессе доказывания

Мережко Арина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Проводится анализ существующих научных подходов к определению понятия электронного доказательства, исследуются факторы, обуславливающие возрастающую роль цифровых материалов в процессе доказывания. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с проверкой цифрового алиби, допустимостью электронных доказательств и отсутствием надлежащего законодательного регулирования в исследуемой сфере.

Ключевые слова: электронные доказательства, уголовное судопроизводство, цифровые доказательства, доказывание, цифровизация, цифровое алиби.

Стремительное развитие цифровых технологий в последние десятилетия затронуло практически все сферы общественной жизни — в том числе и уголовное судопроизводство. Преступления всё чаще совершаются с использованием компьютерных систем или оставляют след в цифровой среде, что неизбежно влечёт появление нового класса доказательственного материала. Электронные доказательства прочно вошли в следственную и судебную практику, однако законодательное регулирование в этой области по-прежнему остаётся недостаточным.

В. Д. Зорькин ещё несколько лет назад обращал внимание на то, что цифровые технологии способны существенно повысить качество правоприменения, а электронные следы — составить принципиально новую основу для доказывания по уголовным делам [1]. Аналогичную позицию отстаивает В. А. Семенцов, указывающий на закономерность и прогрессивность внедрения цифровых инструментов в уголовный процесс [2]. Оба автора единодушны: цифровизация судопроизводства — не вопрос будущего, а насущная задача сегодняшнего дня.

Вместе с тем практика опережает теорию. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит понятия «электронное доказательство». Статья 84 УПК РФ оперирует категорией «иные документы», к которым формально относятся и материалы на электронных носителях, — однако правовой режим такого рода доказательств принципиально от-

личается от режима традиционных документов или вещественных доказательств. Эта неопределённость порождает разноречивую в правоприменительной практике и ослабляет гарантии как обвинения, так и защиты.

В доктрине уголовного процесса сложилось несколько подходов к определению электронного доказательства. М. И. Воронин понимает под ними «сведения, содержащиеся в электронном документе и (или) на электронном носителе, на основании которых субъекты доказывания устанавливают обстоятельства, подлежащие выяснению по делу» [3]. О. В. Журкина акцентирует внимание на форме — для неё электронные доказательства представляют собой сведения в электронно-цифровом виде, хранящиеся в компьютерной сети или передаваемые через неё, для работы с которыми необходимо специальное программное обеспечение [4].

М. С. Дунаева предлагает рассматривать электронные доказательства как «самостоятельный вид, занимающий промежуточное положение между письменными документами и вещественными доказательствами» [5]. Специфика работы с такими материалами, по её мнению, слишком существенна, чтобы автоматически причислять их к уже существующим категориям: они в значительной мере подвержены риску модификации и уничтожения, доступ к ним может быть ограничен шифрованием, а для ознакомления с содержанием необходимы технические устройства.

Р. И. Оконенко формулирует более широкое определение: электронное доказательство — это изучение информационного содержания электронного носителя, связанное с совершением действий в виртуальной среде [6]. В этой трактовке подчёркивается, что электронное доказательство не сводится к документу в привычном смысле — речь идёт о цифровом следе, который может не иметь аналога на материальном носителе.

Принимая во внимание изложенные позиции, можно предложить следующее рабочее определение: электронное доказательство — это сведения, существующие в электронно-цифровой форме на носителях или в информационных системах, которые получены и закреплены в порядке, установленном УПК РФ, и отвечают требованиям относимости, допустимости и достоверности. Классифицировать их, вслед за М. С. Дунаевой, целесообразно по нескольким группам: «данные электронной переписки, электронные документы, программное обеспечение, базы данных, цифровые аудио- и видеозаписи» [5].

В. В. Платонов выделяет четыре основных фактора, подтверждающих усиление роли электронных доказательств в уголовном процессе [7].

Во-первых, электронные доказательства позволяют оперативно и точно устанавливать обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. До активного распространения цифровых технологий следователи анализировали банковские выписки, налоговые сведения и иную финансовую документацию в «ручном» режиме, что существенно увеличивало сроки расследования и открывало возможность для ошибок. Перевод этих материалов в электронную форму принципиально меняет ситуацию: поиск, обнаружение и фиксация нужных сведений многократно ускоряются.

Во-вторых, использование электронных доказательств расширяет гарантии обеспечения разумного срока судопроизводства. Показателен пример с производством бухгалтерских экспертиз: прежде изъятые в бумажном виде документы нередко исчислялись десятками томов. Если эксперт заявлял ходатайство о представлении дополнительных материалов, следователь был вынужден заново обращаться в соответствующие организации — и процедура повторялась. Электронные носители снимают эту проблему: перемещение и копирование информации не требуют ни времени, ни значительных ресурсов.

Третий фактор — предотвращение фальсификации доказательств. При попытке несанкционированного изменения или уничтожения электронного доказательства в цифровой среде автоматически формируются следы этих действий. Сторона защиты получает реальный инструмент для обоснования доводов о недопустимости доказательства, а суд — возможность проверить его подлинность по объективным данным.

Наконец, четвёртый фактор — процессуальная экономия. Направление ходатайств об избрании меры пресечения или о производстве следственных действий традиционно сопровождалось представлением бумажных

копий многочисленных материалов дела. В условиях цифровизации этот массив передаётся на электронном носителе, что сокращает и организационные издержки, и время рассмотрения ходатайства.

Особое место среди вопросов, связанных с электронными доказательствами, занимает институт цифрового алиби. Н. А. Иванов определяет его как алиби, основным источником которого служит информация, зафиксированная в цифровой форме на машинных носителях [8]. Подозреваемый, утверждающий, что в момент совершения преступления взаимодействовал с электронными системами — работал на компьютере, пользовался мобильным телефоном, фиксировался системой контроля доступа или видеонаблюдением, — заявляет именно о цифровом алиби.

Проверка такого алиби предполагает прежде всего допрос подозреваемого с целью получения сведений о характере его действий в указанный период: о времени включения и выключения компьютера, созданных или изменённых файлах, использованных программах, переносе информации на внешние носители, посещённых интернет-ресурсах. На основании показаний назначается компьютерно-техническая экспертиза, для которой производится выемка персонального компьютера, флеш-накопителей, иных носителей.

Перед экспертом, как правило, ставятся вопросы о наличии на носителях данных о работе пользователя в конкретный период, о перечне файлов и программ, с которыми он работал, а также о местонахождении устройства в указанный момент. Доказательственное значение временных отметок определяется показаниями компьютерных часов, ход которых фиксируется в BIOS и может синхронизироваться с временным сервером либо устанавливаться пользователем вручную.

И. П. Пономарев разработал логическую систему проверки цифрового алиби, включающую три элемента: «время совершения преступления, место его совершения и место фактического нахождения заявителя в этот момент» [9]. При этом он специально оговаривает: цифровая информация может быть создана, изменена или уничтожена в целях фальсификации. Пользователь, уничтожая одни электронные следы, неизбежно оставляет другие — и именно их выявление составляет задачу экспертизы. Применение планировщика задач, макросов или перевод системных часов — всё это обнаруживается при профессиональном исследовании носителей.

Достоверность цифрового алиби устанавливается не только по результатам экспертизы. Заключение компьютерно-технического эксперта оценивается в совокупности с показаниями свидетелей, дактилоскопическими данными и иными доказательствами, способными подтвердить или опровергнуть нахождение конкретного лица за конкретным устройством.

С. А. Лукьянчикова указывает на принципиальный пробел в законодательстве: ст. 5 УПК РФ не содержит дефиниции компьютерной информации, хотя УК РФ в примечании к ст. 272 её определяет как сведения, представ-

ленные в форме электрических сигналов, независимо от средств хранения, обработки и передачи [10]. Рассмотренное несоответствие создаёт трудности при сборе и оценке доказательств, полученных в информационно-телекоммуникационной среде. Отсутствие единого понятийного аппарата — одна из причин, по которым суды в схожих ситуациях принимают противоположные решения.

Т. Ю. Карева и С. Н. Юртаев исследовали судебную практику оценки электронной переписки и пришли к выводу, что ключевыми критериями допустимости служат: «надёжность способа подготовки, хранения и передачи информации; обеспечение её целостности и неизменности; возможность идентификации отправителя; наличие мер по сохранности, позволяющих проверить достоверность» [11]. Нотариальное обеспечение доказательств повышает шансы на их принятие судом, однако Верховный Суд РФ в определении от 7 февраля 2023 г. по делу № 5-КГ22-144-К2 специально подчеркнул: нотариальное заверение скриншотов не является обязательным условием — суд оценивает каждое доказательство по совокупности обстоятельств [12].

Д. В. Чиркова справедливо замечает, что электронное доказательство несёт в себе не только письменный источник, пригодный для воспроизведения на бумажном носителе, — его природа значительно сложнее. Изложение кода или журнала системных событий на бумаге нередко теряет смысловую нагрузку [13]. Тем самым попытка вписать электронные доказательства в категорию письменных или вещественных доказательств *de lege lata* ведёт к содержательным потерям и не отвечает природе исследуемого объекта.

В свою очередь, Р. В. Костенко, В. В. Шипицина, О. А. Петрова отмечают: «представляется перспективным дальнейшее исследование проблем изъятия уголовно-процессуальных доказательств в цифровую эпоху посредством оригинальных научных разработок, детального критического анализа действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения» [14].

Изложенное позволяет сформулировать ряд выводов. Электронные доказательства прочно вошли в практику уголовного судопроизводства, однако их правовой статус по-прежнему остаётся неопределённым — действующий УПК РФ не закрепляет ни соответствующего понятия, ни самостоятельного процессуального режима для такого рода материалов. Следователи нередко недооценивают потенциал компьютерно-технической экспертизы и упускают возможности, которые она открывает для подтверждения или опровержения обстоятельств дела.

Восполнение законодательного пробела требует введения в УПК РФ отдельной нормы, закрепляющей понятие электронного доказательства, его классификацию, порядок получения, хранения и оценки. Подобная регламентация устранила бы неоднородность правоприменительной практики, укрепила гарантии прав участников уголовного процесса и создала почву для единообразного судебного толкования. Развитие цифровых технологий продолжается, а вместе с ним — и усложнение электронных следов, оставляемых в ходе преступной деятельности. Своевременная адаптация уголовно-процессуального законодательства к этим реалиям — задача, которая не терпит отлагательства.

Литература:

1. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. — Столичный выпуск. — № 7578 (115).
2. Семенцов В. А. К вопросу о перспективе цифровизации отечественного уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право-уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2018. — С. 311–318.
3. Воронин М. и др. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. — 2019. — №. 7 (152). — С. 74–84.
4. Журкина О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. — 2020. — №. 9. — С. 44–46.
5. Дунаева М. С. Использование цифровых материалов в уголовно-процессуальном доказывании // Юридическая наука. — 2023. — №. 7. — С. 252–255.
6. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Оконенко Роман Иванович, 2016. — 158 с.
7. Платонов В. В. Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. — 2024. — №. 1 (113). — С. 208–215.
8. Иванов Н. А. Применение специальных познаний при проверке «цифрового алиби» // Информационное право. 2006. № 4. С. 23.
9. Пономарев И. П. Цифровое алиби и его проверка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. — 2011. — №. 2. — С. 437–444.

10. Лукьянчикова С. А. Доказывание в уголовном процессе в аспекте цифровизации российского права // Государственная служба и кадры. — 2024. — №. 4. — С. 248–250.
11. Карева Т. Ю., Юртаев С. Н. Проблемы оценки электронных доказательств в ходе судебного доказывания в гражданском процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2024. — №. 3. — С. 104–111.
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 // Консультант-Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=749804&cacheid=0B6D3AF84198AC3387A1055DE697AE6F&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#QsjegMVEXpWwGHwp4> (дата обращения: 16.06.2026).
13. Чиркова Д. В. О некоторых вопросах допустимости электронных доказательств // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №. 12 (150). — С. 146.
14. Костенко Р. В. Изъятие уголовно-процессуальных доказательств в цифровую эпоху // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2022. — № 3. — С. 105–112.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (628) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 1.07.2026. Дата выхода в свет: 8.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.